

Горъ Гедбергъ.

Г У Д А

—
ПОВѢСТЬ.

—
ПЕРЕВОДЪ СО ШВЕДСКАГО
В. СПАССКОЙ.

—
ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ.

—
КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
«УНИВЕРСАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА»
МОСКВА

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Это было въ Иудейской пустынѣ, вблизи Иордана. Солнце высоко стояло на небѣ, не чувствовалось ни малѣйшаго дуновенія; воздухъ былъ паляще зноенъ.

На тропинкѣ, извивавшейся среди голыхъ утесовъ, показался Иуда, ведшій за руку свою слѣпую мать.

Долго шли они, не говоря ни слова. Иуда подвигался впередъ тяжелой, строптивой поступью и упрямо смотрѣлъ внизъ. Мать съ трудомъ поспѣвала за нимъ. Она шаталась, изнемогая отъ усталости. Подъ конецъ силы совершенно измѣнили ей, и она остановилась, чуть не падая на землю.

Тогда остановился и Иуда и мрачно взглянулъ на нее. Словно почувствовавъ его взоръ, она съ мольбой подняла къ нему свои потухшіе глаза и сказала: «Я такъ устала, сынъ мой!»

«Не больше, чѣмъ я!»—жестко отвѣтилъ онъ.

«Ты издѣваешься! Ты молодъ и силенъ, я же стара и слаба; не можешь ты быть такъ утомленъ, какъ я!»

«Не въ томъ дѣло!—отвѣтилъ онъ въ прежнемъ тономъ.—Я болѣе утомленъ, чѣмъ ты, ибо ты идешь своимъ собственнымъ путемъ, а я иду не своимъ!»

«Не гнѣвайся, сынъ мой! Если трудъ великъ, то будетъ велика и награда!»

Онъ засмѣялся жесткимъ и натянутымъ смѣхомъ, затѣмъ грубо схватилъ мать за руку, подвель ее къ камню и усадилъ на него. Самъ онъ сталъ на нѣкоторомъ разстояніи отъ нея, опираясь на свой посохъ.

Она обратила къ нему лицо со смѣшаннымъ выраженіемъ боязни и благодарности.

«Видишь, Іуда,—сказала она,—ты вовсе не такъ суровъ! Поди, сядь здѣсь; дай мнѣ отереть потъ съ твоего лба!»

И она протянула впередъ руки, иша его.

Но онъ не тронулся съ мѣста, не отвѣтилъ ей. Машинально приподнялъ онъ край своего плаща и вытеръ себѣ имъ лобъ. Съ минуту царило молчаніе. Вдругъ онъ потрясъ кулакомъ и запальчиво воскликнулъ:—«Да будетъ проклятъ этотъ чело-вѣкъ!»

Въ этотъ же мигъ мать подняла руку предостерегающимъ жестомъ и прошептала:

«Молчи!»

Что-то въ ея голосѣ заставило его вопроситель-но взглянуть на нее.

Она выпрямилась и сидѣла, вытянувъ шею, какъ будто прислушиваясь. Руки ея дрожали.

«Что это? къ чему ты прислушиваешься?»

«Молчи,—повторила она.—Ты развѣ не слы-шишь?»

«Ничего я не слышу!»

«Не слышишь ты развѣ точно шумъ голосовъ?»

«Твои старья уши шутятъ съ тобою шутки. Я ничего не слышу!»

Мать скорбно покачала головой.

«Это вина твоего сердца, Іуда! Если съ сердце твое хотѣло, уши твои навѣрно бы слышали!»

Онъ явительно засмѣялся.

«Въ такомъ случаѣ твои глаза обманяють твое сердце, мать».

Она не отвѣтила ему; какъ будто даже не слышала его. Она снова стала прислушиваться, и лицо ея выражало сильное напряженіе.

«Нѣтъ, я не обманываюсь,—сказала она,—я слышу это, слышу! Это недалеко отсюда. Вотъ шумъ растетъ, а вотъ стало тихо,—слышишь какъ тихо,—а теперь, слышишь ты, слышишь?»

Треть пробѣжалъ по всему ея тѣлу и внезапный свѣтъ озарилъ ея лицо.

Иуда искоса взглянулъ на нее, и въ его взорѣ быстро промелькнуло что-то похожее на страхъ. Но затѣмъ онъ подошелъ къ ней, взялъ ее за плечо и сталъ трясти, говоря сердитымъ голосомъ, безотчетно перешедшимъ въ такой же шепотъ, какъ у нея:

«Я ничего не слышу, говорю тебѣ, ничего! Стума ты что ли сошла?»

Мать схватила его руку и съ такой силой держала ее, что онъ не могъ сопротивляться.

«Не слышишь ты развѣ этотъ голосъ, отдающийся въ горахъ? Это онъ, Иуда, это онъ!»

«Кто?»

Онъ вздрогнулъ и взглянулъ на нее.

«Іоаннъ?»—нерѣшительно проговорилъ онъ.

«Да, это Іоаннъ; это, несомнѣнно, Іоаннъ. Благословенъ ты, сынъ мой, приведшій меня сюда!»

Онъ высвободился, отошелъ на нѣсколько шаговъ и произнесъ медленно, какъ бы обдуманно:

«Да будетъ проклятъ этотъ человѣкъ!»

Мать протянула къ нему руки, точно пытаясь его остановить.

«Не ожесточай своего сердца, сынъ мой!»

«Если бъ оно было помягче, намъ обоимъ пришлось бы умереть съ голоду!»—отвѣтилъ онъ и отвернулся. Онъ сталъ прислушиваться украдкой, какъ будто она могла видѣть это, но, ничего не услышавъ, презрительно передернулъ плечами и снова повернулся къ ней.

Она, между тѣмъ, поднялась и безпомощно

вперила свои угасшіе глаза въ пространство.

«Что ты такъ пристально смотришь туда?—сердито вскричалъ онъ.—Вѣдь ты все равно ничего не видишь!»

Тогда она поникла головой и прикрыла глаза руками.

«Горе мнѣ, что глаза мои угасли! Но ты, мой сынъ, скажи мнѣ, видишь ты что-нибудь?»

«Вижу все, что можно видѣть. Вижу передъ собой рехнувшуюся женщину, вижу вокругъ себя горы, а надъ собою небо, и больше ничего! А тамъ, вдали, вижу полоску воды посреди утесовъ».

«Это Иорданъ! Да, да; теперь мы близко къ цѣли.—Она ощупью искала его руки.—Пойдемъ; я не чувствую больше усталости, намъ надо торопиться!»

Иуда простоялъ съ минуту въ нерѣшимости, борясь самъ съ собой. Потомъ сдѣлалъ надъ собой усиліе и протянулъ матери руку.

Она схватила ее, и они пошли дальше.

Тропинка поднималась все выше и выше, становилась все круче, тѣснѣй. Земля была раскалена отъ зноя, и острые камни рѣзали путникамъ ноги. По временамъ Иуда останавливался, какъ будто намѣреваясь повернуть назадъ, но мать уговаривала его, трепеща въ своемъ рвеніи, и онъ нехотя слѣдовалъ за ней.

Вдругъ утесы раскрылись передъ ними, пространство расширилось. Внизу лежали берега Иордана.

Иуда остановился и посмотрѣлъ въ долину. Его лицо на мгновеніе поблѣднѣло, и въ глазахъ появилась мрачная тѣнь.

Мать сдѣлала нѣсколько шаговъ впередъ, стараясь увлечь его за собой. Но затѣмъ она тоже остановилась и стала слушать.

«Вотъ я опять его слышу,—прошептала она,—

теперь уже ближе. Скажи, сынъ мой, ты и теперь ничего не видишь?»

Онъ отвѣтилъ не сразу.

«Да, вижу! Вижу тамъ, на берегу, большую толпу чуждинъ, женщинъ и даже дѣтей. Одни стоятъ, другіе сидятъ; они какъ будто кого-то слушаютъ. Вотъ, вотъ—я его вижу; онъ стоитъ на камнѣ и держитъ къ нимъ рѣчь; онъ какъ будто угрожаетъ имъ, поднимаетъ руки...»

«Да, да, онъ угрожаетъ. Видишь, сынъ мой, угрожаетъ!»

«Я его не боюсь! Ахъ, если бъ я могъ только открыть тебѣ глаза, ты излѣчилась бы отъ своего безумія».

«Скажи мнѣ, каковъ онъ съ виду? Высокъ онъ ростомъ?»

Иуда язвительно засмѣялся.

«Онъ длинный и худой. Похожъ на нищаго. Его тѣло едва прикрыто одеждой. Волосы спутанными космами лежатъ на спинѣ, а борода свѣшивается на грудь. Вотъ онъ опять замахалъ своими тощими руками! Ха-ха! Такъ это-то новый пророкъ!»

«Да, да; такимъ онъ и долженъ быть: гнѣвнымъ и угрожающимъ! А глаза, не видишь ты развѣ эти глаза, какъ они сверкаютъ въ своихъ впадинахъ! Это гнѣвъ Господень мечетъ молніи изъ нихъ; это гнѣвъ Господень говоритъ его устами. Идемъ, сынъ мой, идемъ!»

Ея старое, морщинистое лицо озарилось какимъ-то страннымъ свѣтомъ, а голосъ дрожалъ отъ волненія. Спотыкаясь, она сдѣлала нѣсколько шаговъ впередъ. Но Иуда не двинулся съ мѣста.

«Нѣтъ, я дальше не пойду!»—глухо пробормоталъ онъ.

Мать обернулась, и лицо ея приняло напруженное выраженіе, словно она старалась разгадать чувства сына.

Онъ отвернулся.

«Боишься ты его? Скажи, сынь мой, боишься
ы его?»

Тогда онъ порывисто вскрикнулъ:

«Я не боюсь его, я смѣюсь надъ нимъ! Но я
не хочу его слышать,—я честный человекъ,
за мной нѣтъ преступленія,—но я не хочу, чтобы
меня поносили и проклинали; мнѣ нѣтъ дѣла
до твоихъ пророковъ; я хочу мира; мира хочу я!
Пойдемъ, повернемъ назадъ!»

Онъ схватилъ ее за руку и хотѣлъ увлечь за со-
бой. Но она высвободилась и отвѣтила:

«Ступай одинъ! Я пойду къ нему!»

Онъ насмѣшливо расхохотался.

«Пойдешь! Такъ умоли сначала своего пророка,
чтобъ онъ открылъ твои глаза!»

«Господь поведетъ меня!—отвѣтила мать, воз-
дѣвъ руки къ небу.—Прощай, сынь мой!»

Она начала спускаться внизъ по тропинкѣ,
вытянувъ впередъ шею, прислушиваясь, оцущи-
вая руками свой путь.

Иуда стоялъ изумленный и смотрѣлъ ей вслѣдъ.

«Да вѣдь она идетъ!—бормоталъ онъ.—Ея
огни безъ посторонней помощи находятъ дорогу,
взъ посторонней помощи?»

Онъ провелъ рукой по лбу какъ бы для того,
чтобъ отогнать мучительную мысль. Въ эту ми-
нуту мать обернулась къ нему, и онъ отступилъ
назадъ.

«Какое у нея лицо!—прошепталъ онъ.—
Богъ Авраама! Она видитъ! Она видитъ!»

Но въ этотъ самый мигъ она оступилась и упала.
У него вырвался вздохъ облегченія, и онъ попро-
бовалъ засмѣяться.

«Клянусь Богомъ, она, кажется, заразила
меня своимъ безуміемъ! Лежи тутъ и молись
своему пророку! Пусть онъ поможетъ тебѣ».

Онъ отвернулся и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ
въ обратномъ направленіи. Но затѣмъ снова
остановился.

«Гибель Господень!—подумалъ онъ. — За что? Въ чемъ моя вина?»

Онъ безпокойно двинулся, хотѣлъ было стиснуть руки, но удержался, и лицо его приняло свое прежнее, вызывающее выраженіе. «Это неправда,—громко сказалъ онъ,—за мной нѣтъ вины! Я не боюсь его, я надъ нимъ смѣюсь!»

Онъ обернулся и посмотрѣлъ вслѣдъ матери. Увидавъ, что она поднялась и продолжаетъ, спотыкаясь, свой путь, онъ простоялъ съ минуту въ борьбѣ съ самимъ собой, потомъ рѣшительно взялъ въ руку посохъ и откликнулъ мать: «Подожди, мы пойдёмъ съ тобой вмѣстѣ!»

II.

Въ тотъ же вечеръ Иуда шель одинъ черезъ пустыню. Его одежда была въ пыли, ноги изранены, лицо разстроено. Порой онъ останавливался и прислушивался, порой ускоряль шагъ почти до бѣга. Онъ бормоталъ невнятные, безсвязныя слова, и взоръ его пугливо блуждалъ вокругъ. Онъ точно отъ кого-то спасался.

Вдругъ онъ услышалъ позади себя зовъ. Онъ вздрогнулъ и побѣжалъ. Но зовъ повторился; онъ оглянулся и остановился, принуждая себя улыбнуться своему испугу.

Его догоняль сѣдовласый, бѣдно одѣтый старецъ, дѣлая ему знаки рукой и зовя его. Когда тотъ поровнялся съ нимъ, онъ сказалъ, запыхавшись: «Подожди! Что ты бѣжишь отъ меня?»

Иуда обвелъ его подозрительнымъ взглядомъ. «Что тебѣ нужно отъ меня?»—рѣзко спросилъ онъ.

«Ничего дурного! Я вѣдь старикъ, совсѣмъ изможденный; тебѣ нечего бояться меня».

«Что тебѣ нужно отъ меня?»—повторилъ Иуда.

«Я заблудился въ этой пустынѣ. Но вдругъ я увидалъ тебя и подумалъ, что ты можешь вывести меня на дорогу».

«Куда ты идешь?»—машинально спросилъ Иуда. Но, прежде чѣмъ старикъ успѣлъ отвѣтить, онъ продолжалъ съ какимъ-то особеннымъ смѣхомъ:

«Стой! Тебѣ нѣтъ надобности отвѣчать мнѣ! Ты идешь къ Іоанну?»

Старикъ съ изумленіемъ смотрѣлъ на него.

«Какимъ образомъ знаешь ты это? Да; это правда; я иду къ Іоанну. Знаешь ты, гдѣ мнѣ его найти? Можешь ты привести меня къ нему?»

«Нѣтъ, я его не знаю!»—мрачно отвѣтилъ Іуда.—«Зачѣмъ онъ тебѣ?»

«Я слышать его хочу! Видишь ли, я живу далеко отсюда, но и до меня донеслась молва о немъ. Я старикъ; мои ноги дрожатъ отъ слабости; вотъ ужъ годъ, какъ я почти не покидаю своего одра; но желаніе услышать его придало мнѣ силы, и я всталъ и пошелъ. Семь дней былъ я въ пути; вчера я набрелъ на нѣсколькихъ странниковъ, направлявшихся, подобно мнѣ, къ Іоанну, и присоединился къ нимъ. Мое рвеніе было столь же велико, какъ у нихъ, но они моложе и сильнѣй; я не могъ идти вровень съ ними и отсталъ отъ нихъ. Теперь я давно уже скитаюсь въ этой пустынѣ и никакъ не могу найти дороги. У меня нѣтъ больше силъ; скоро я совсѣмъ изнемогу. Неужели же мнѣ придется умереть, не услышавъ Іоанна?»

Іуда слушалъ его, и мрачное выраженіе все время не сходило съ его лица.

«Зачѣмъ онъ тебѣ?»—повторилъ онъ еще разъ. Но, не давъ старику отвѣтить, продолжалъ:—«Слушай, ты старый человѣкъ?»

«Вѣдь я же сказалъ тебѣ,—ты видишь мои сѣдые волосы»,—отвѣтилъ старикъ.

«Ты бѣдный человѣкъ?»

«Бѣдный, но не настолько, чтобъ не имѣть возможности заплатить тебѣ, если ты требуешь платы».

«И честный человѣкъ?»

«Да; тебѣ каяться не придется».

«Ты вѣришь въ истиннаго Бога, Бога Авраама и Исаака, молишься въ синагогѣ, постишься въ постъ, блюдешь святость субботы и вѣришь, что Богъ будетъ къ тебѣ благостенъ и милосердъ?»

«Да; я вѣрю этому вѣрю!»

Тогда Иуда приблизился къ нему на одинъ шагъ и запальчиво воскликнулъ:

«Ты лжешь! Ты воръ, и ты хуже язычника! Хлѣбъ, который ты ѣшь, ты украдь, и плащъ, который на тебѣ, не твой; ты молишься ложнымъ богамъ, поэтому горе тебѣ, ибо гнѣвъ Господень надъ тобою,—слышишь ты, гнѣвъ Господень!»

Старикъ отшатнулся и испуганно поднялъ свой посохъ. Тогда Иуда разразился смѣхомъ, жесткимъ, натянутымъ смѣхомъ, столь же внезапно смолкшимъ на его устахъ. Лицо его приняло прежнее застывшее выраженіе, и онъ угрюмо прибавилъ: «Ты хочешь видѣть Іоанна! Ступай къ нему; ты услышишь слова еще хуже этихъ!»

Старикъ посмотрѣлъ на него и повернулся, чтобы итти. Но Иуда удержалъ его, простоялъ съ минутою въ тягостномъ раздумьѣ и затѣмъ сказалъ:

«Почему ты поднялъ на меня свой посохъ?»

«Я не зналъ, что у тебя на душѣ,— отвѣтилъ старикъ:—ты молодежь и силенъ, я старъ и слабъ; я хотѣлъ защититься».

«Но если бъ я былъ немощенъ, какъ ты, а ты силенъ, какъ я, что сдѣлалъ бы ты тогда? Упалъ бы ты предо мной на колѣни и сталъ бы взывать ко мнѣ о милосердіи?»

«Ты говоришь какъ глупецъ: сильному нечего бояться слабаго».

Иуда посмотрѣлъ на него и сосредоточенно кивнулъ.

«Да, это правда, сильному нечего бояться слабаго. Зачѣмъ же мнѣ бояться его!»

Онъ снова погрузился въ раздумье.

Старикъ поглядѣлъ на него съ соболѣзнованіемъ, покачалъ головой и хотѣлъ итти.

Тогда Иуду охватилъ внезапный страхъ, что онъ останется одинъ; онъ ощутилъ потребность говорить, только говорить, открыть кому-нибудь свое сердце,—все равно кому, лишь бы только

этой цѣной купить себѣ хоть искорку сочувствія. Только бы не остаться одному,—одному со своими мыслями и чувствами! Онъ вновь удержалъ старика и заговорилъ порывистъ и безсвязно:

«Нѣтъ, не уходи отъ меня! Ты, навѣрно, честный человѣкъ; ты старъ и опытенъ; ты можешь быть моимъ судьей. Да, ты будешь моимъ судьей!»

Эта мысль облегчила его, и онъ горячо продолжалъ:

«Видишь ты, я тоже честный человѣкъ; въ потѣ лица своего снискиваю я себѣ пропитаніе, а между тѣмъ я никогда не ропталъ, никогда не отказывалъ Господу въ томъ, что принадлежитъ Ему; я хожу въ синагогу, пощусь, я... Но я хочу жить спокойно; какое мнѣ дѣло до ихъ пророковъ, почему не даютъ мнѣ жить спокойно? Отчего мнѣ не радоваться тому, что я приобрѣлъ потомъ и трудомъ, за что проклинать и поносить меня, когда на мнѣ нѣтъ никакой вины? Если меня ударятъ, развѣ я не въ правѣ отвѣтить тѣмъ же? Почему же онъ лучше меня? Пророкъ! Почему онъ пророкъ?—Нѣтъ, не уходи отъ меня, выслушай все до конца! А потомъ ты будешь судить; да, ты будешь судить!»

«Я жилъ тихо и спокойно, никого не обижалъ, дѣлалъ свое дѣло и другимъ не мѣшалъ дѣлать свое; больше я ничего не требовалъ. Но вотъ этотъ Іоаннъ началъ проповѣдовать, и тотчасъ все всѣ люди точно обезумѣли. Въ особенности старые,—это удивительно, въ особенности старые люди! Почему именно старые?»

Онъ съ тревожнымъ недоумѣніемъ взглянулъ на старика, какъ бы надѣясь въ отвѣтъ на этотъ вопросъ найти разрѣшеніе важной загадки. Но когда тотъ ничего не отвѣтилъ, онъ продолжалъ:

«Но когда я пришелъ сюда,—нѣтъ, стой,—вѣдь у меня старуха-мать,—она слѣпая,—и вотъ она тоже помѣшалась и ни днемъ ни ночью не давала мнѣ покою такъ что, въ коннѣ-кон-

повъ, я долженъ былъ уступить ей и повести ее сюда».

«Но вотъ что я скажу тебѣ,—прибавилъ онъ шопотомъ:—я боялся; все время у меня было предчувствіе несчастія, — что-то предостерегало меня,—да, я боялся!»

Онъ взглянулъ на старика и сердито перебилъ самъ себя:

«Нѣтъ, неправда! Я не боялся его,—я его ненавидѣлъ,—и когда онъ стоялъ передо мной со своими изсохшими членами и горящими глазами,—глаза, эти глаза,—съ тѣхъ поръ я вижу ихъ повсюду... Но я не боялся его; онъ проклиналъ и угрожалъ, говорилъ о карѣ Господней и объ адскомъ огнѣ,—и тогда я расхохотался надъ нимъ, прямо въ лицо ему расхохотался!»

Онъ тревожно и пытливо взглянулъ на старика. Тотъ вырвался отъ него, какъ отъ зачумленнаго.

«Горе тебѣ! Что ты сдѣлалъ!»—воскликнулъ онъ.

Лицо Іуды омрачилось, и подозрѣніе мелькнуло въ его взорѣ.

«Да, я сдѣлалъ это,—глухо сказалъ онъ:—и сдѣлалъ бы это и во второй разъ... Ты самъ же сказалъ, чего мнѣ бояться его?»

Старикъ испуганно отступилъ назадъ и, какъ бы стараясь остановить его, провинулъ впередъ руки. Іуда презрительно засмѣялся.

«Ты тоже боишься его!»

Онъ повернулся и прошелъ нѣсколько шаговъ; потомъ опять остановился и произнесъ медленно, какъ бы вызывающе:

«Я ненавижу его!»

И, не обращая больше вниманія на старика, онъ удалился медлительной поступью, упрямо питая въ себѣ эту мысль, цѣпляясь за нее, какъ за спасительную доску въ томъ сомнѣніи, которое пробудилось въ его душѣ

Вдругъ ему вспомнились послѣднія слова старца, и онъ снова остановился.

«Мнѣ горе?—подумалъ онъ.—За что? И онъ, пророкъ, тоже проклялъ меня! А я самъ,—развѣ не клялъ я и не проклиналъ!»

Внезапно на него напала ужасная тоска; повинуюсь внушенію минуты, онъ упалъ на колѣни и пролетѣлъ:

«Господи, неужели же все — проклятiе? Господи, я усталъ и клясть и усталъ принимать проклятiя. Господи, Господи!»

Но у него было безотрадное чувство, что молитвы его, никѣмъ не услышанныя, тщетно оглашаютъ пространство.

«Ахъ, я глупецъ!—подумалъ онъ:—вѣдь Онъ Богъ гнѣва! Но въ чемъ же моя вина, въ чемъ же моя вина?»

Онъ бросился на землю и закрылъ лицо руками. Имъ овладѣла глубокая, горькая печаль, какой онъ раньше не испытывалъ никогда; ему захотѣлось плакать, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ чувствовалъ, что у него нѣтъ слезъ. И сердце въ его груди терзалось болью, которой онъ не понималъ и которой не могъ дать исхода.

Онъ привсталъ наполовину, прислонился къ утесу и сталъ неподвижно смотрѣть предъ собой. Какія-то слова зазвучали въ его ушахъ; онъ не могъ вспомнить, когда и гдѣ онъ ихъ слышалъ, но, безъ сомнѣнія, это было давно,—быть можетъ когда онъ былъ ребенкомъ. Такъ странно знакомыми казались они ему теперь.

«Тѣ, что сѣютъ въ слезахъ, будутъ въ радости жать».

«Вотъ идутъ они съ поля и плачутъ»...

«Плачутъ,—подумалъ онъ:—я никогда не плакалъ!»

Солнце стояло теперь большое и красное надъ западнымъ краемъ горизонта, и горы отбрасывали длинныя тѣни. Теплое вечернее сіяніе

придало что-то смягченное и меланхолическое голому, суровому ландшафту.

Пламенѣющій дискъ медленно спускался, и когда онъ исчезъ, точно умирающій вздохъ пронесся по пространству, и съ темнѣющаго неба спустилась на всю окрестность тишина ночная тишина пустыни, глубокая, неосязаемая, но въ то же время столь дѣйствительная, столь неотвратимая, что она какъ будто слилась во-едино съ мракомъ.

Тогда одиночество снова стало тяготѣть надъ Иудой. Ему сдѣлалось жутко отъ мрака и тишины. Ему казалось, что онъ чувствуетъ присутствіе чего-то чуждаго, чего-то невидимаго, неуловимаго, какой-то странной, загадочной силы, наполняющей вокругъ него пространство. И ему почудилось, что его судьба вовлекается теперь въ свой заколдованный кругъ, связывается для того, чтобъ никогда больше не вырваться на свободу. Онъ почувствовалъ себя скованнымъ чѣмъ-то, чего не могъ видѣть, не могъ понять, что превращалось въ ничто, какъ только онъ пытался возмутиться противъ него, но, тѣмъ не менѣе, постоянно было тутъ, неотвратимое, неисповѣдимое.

Онъ вытеръ себѣ лобъ, влажный отъ пота, постарался преодолѣть тоску, отъ которой сердце его стучало.

«Я, навѣрно, боленъ, — подумалъ онъ:—вѣдь здѣсь нѣтъ никого,—никого, кромѣ меня!»

Но и эта мысль устрасила его, ибо ему представлялось, будто въ его образъ облеклось какое-то чуждое существо, существо, отъ котораго онъ боялся. Онъ хотѣлъ бѣжать,—бѣжать отъ самого себя! Но могъ ли онъ бѣжать отъ самого себя? Его охватило бѣшенство, онъ сжалъ кулаки, самъ не зная, противъ чего—противъ себя самого, всего на свѣтѣ. Онъ сталъ кричать:

«Мира хочу я, мира! Мнѣ нѣтъ дѣла до васъ,—я хочу мира, мира!»

Но когда голосъ его стихъ, онъ вздрогнулъ, и сердце остановилось у него въ груди. Былс это воображеніе, или, дѣйствительно, чей-то голосъ вдали онликнулъ его по имени?

Онъ приподнялся и спросилъ дрожащимъ голосомъ: «Кто тамъ? Кто это меня зоветъ?»

Онъ сталъ прислушиваться; все было тихо! Тогда онъ попробовалъ вasmѣяться, чтобы разсѣять свою фантазію, но смѣхъ замеръ на его устахъ, ибо вновь раздался голосъ, — теперь уже ближе, совсѣмъ близко; «Иуда!»

Онъ вскочилъ, пррестеръ впередъ руни, сталъ ощупывать ими воздухъ; «Кто тамъ? Кто тамъ?»— кричалъ онъ.

Тогда все пространство точно наполнилось голосами,—зовущими, угрожающими, и всѣ они шептали его имя: «Иуда! Иуда!»

Въ неудержимомъ страхѣ онъ пустился бѣжать, самъ не зная куда. Онъ бѣжалъ опрoметью задыхаясь; ему казалось, что за нимъ гонятся демоны пустыни.

III.

Сколько времени скитался онъ такимъ образомъ, онъ не зналъ и не зналъ также, гдѣ онъ находится, когда вдругъ въ душѣ его разлилось чувство какого-то страннаго покоя и разсѣяло его страхъ. Онъ остановился и оглядѣлся вокругъ. Теперь было почти совсѣмъ темно, и онъ лишь съ трудомъ могъ различать предметы; но въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него ему почудилась человѣческая фигура, сидѣвшая въ совсѣмъ склоненной позѣ, недвижимая, какъ бы безжизненная.

«Кто тамъ?»—спросилъ Иуда; но фигура не пошевельнулась, и онъ не получилъ отвѣта. Онъ приблизился на нѣсколько шаговъ и повторилъ свой вопросъ. Незнакомецъ вздрогнулъ, какъ бы пробужденный отъ сна или глубокихъ размышлений, поднялъ голову и провелъ рукой по своему челу.

Иуда подождалъ нѣсколько минутъ, но, все еще не получая отвѣта, повторилъ громкимъ голосомъ:

«Кто ты? Если человѣкъ, то отвѣть!»

Тогда онъ почувствовалъ на себѣ его взоръ, и странное ощущеніе трепетомъ пробѣжало по его тѣлу. Ему казалось, что онъ могъ бы заплакать подъ властью этого взора.

«Человѣкъ? Да, человѣкъ!»—отвѣтилъ незнакомецъ слабымъ, пониженнымъ голосомъ, какъ бы говоря съ самимъ собой. И онъ снова принялъ прежнюю позу, точно забывъ о присутствіи Иуды.

Иуда простоялъ нѣсколько мгновений въ тяжеломъ раздумьѣ; нѣсколько разъ онъ какъ бы порывался уйти, но потомъ снова останавливался. Наконецъ онъ заговорилъ, тихо и съ усиленіемъ, уставившись глазами въ землю, точно стыдясь своихъ словъ:

«Я не знаю, кто ты, да и не хочу этого знать. Но ты вѣдь одинокъ, какъ и я;—жутко быть ночью одному въ этой пустынѣ;—говорять, здѣсь обитаютъ демоны,—и, въ такомъ случаѣ, лучше быть вдвоемъ».

Онъ смолкъ на минуту, затѣмъ продолжалъ грубымъ и жесткимъ голосомъ, находившимся въ странномъ контрастѣ съ его словами:

«Сдѣлаемся друзьями на эту ночь, только на эту ночь; завтра мы опять разойдемся, не будемъ больше знать другъ друга. Хочешь? На эту ночь?»

Онъ поднялъ голову, и на устахъ незнакомца ему почудилась кроткая, печальная улыбка,—улыбка, приведшая его въ замѣшательство,—онъ самъ не зналъ, почему.

«Такъ ты не привыкъ къ одиночеству?» — спросилъ тотъ.

Иуда взглянулъ на него и задумчиво отвѣтилъ:

«Какъ не привыкъ? Привыкъ!»

Онъ ощутилъ смутное чувство униженія, захотѣлъ защититься, оправдаться и продолжалъ повышеннымъ голосомъ:

«Я всегда былъ одинокъ, — всегда, — съ тѣхъ поръ, какъ себя помню. Не думай, что я ропщу,—это лучше—быть одинокимъ. Порой я могу смѣяться про себя при мысли, что изъ всѣхъ людей, какихъ я вокругъ себя вижу, нѣтъ ни одного человѣка, до котораго мнѣ было бы дѣло, ни одного, въ которомъ я бы нуждался, ни одного, который зналъ бы, о чемъ я думаю! Да, я могу смѣяться надъ этимъ, но никто не знаетъ, почему я смѣюсь».

Незнакомецъ пытливо посмотрѣлъ на него и спросилъ: «Такъ чего же ты отъ меня хочешь?»

Но Іуда какъ будто не слыхаль его вопроса послѣ минутнаго молчанія онъ продолжалъ измѣнившимся голосомъ:

«Но порой бываетъ и жутко — особенно по ночамъ! Никогда ты развѣ не просыпался отъ сознанія одиночества? Странное это чувство, — оно можетъ будить человѣка».

Онъ поднялъ глаза, точно недовольный тѣмъ что сказалъ, и заговорилъ опять запальчивымъ тономъ:

«Что же ты мнѣ не отвѣчаешь, что же ты дурачишь меня?.. Позволишь ли ты мнѣ или нѣтъ остаться съ тобой, я все равно не буду тебѣ въ тягость; я усталъ и буду спать. Что же, можне мнѣ остаться?»

Незнакомецъ сдѣлалъ движеніе, какъ бы для того, чтобы подняться, но снова опустился на прежнее мѣсто.

«Дѣлай, какъ хочешь!» — отвѣтилъ онъ.

Тогда Іуда сталъ искать себѣ мѣста, гдѣ можно было бы устроиться на ночь. Но, только что онъ хотѣлъ лечь, какъ остановился, охваченный внезапнымъ подозрѣніемъ.

Онъ недовѣрчиво оглядѣлъ незнакомца и спросилъ: «Что ты здѣсь дѣлаешь? Почему ты одинъ въ пустынѣ?»

Тотъ, повидимому, опять забылъ о немъ, потому что вздрогнулъ при звукѣ его голоса.

«Зачѣмъ тебѣ это знать? — отвѣтилъ онъ. — Ложись и спи!»

«Не могу, пока ты не отвѣтишь мнѣ. Кто ты?»

Глаза незнакомца засвѣтились какимъ-то удивительнымъ блескомъ; онъ снова сдѣлалъ движеніе, какъ бы порывался встать, но передумалъ и отвѣтилъ:

«Мое имя Іисусъ. Я изъ Назарета».

Онъ сморѣлъ на Іуду съ страннымъ, вопро-

шающимъ выраженіемъ во взорѣ. Тотъ отвернулся, простоялъ съ минуту въ нерѣшимости, борясь съ самимъ собой, и потомъ спросилъ:

«Знаешь ты Іоанна, котораго называютъ Крестителемъ?»

Иисусъ пытливо взглянулъ на него.

«Да, я знаю его»,—медленно отвѣтилъ онъ.

Іуда порывисто обернулся къ нему.

«Ты, можетъ быть, изъ числа его учениковъ? Говорятъ, они ищутъ уединенія, чтобы поститься и бичевать себя? Отвѣчай же мнѣ! Ты изъ нихъ?»

«А если бѣ даже и такъ? Зачѣмъ ты спрашиваешь?»—уклончиво отвѣтилъ Иисусъ.

Іуда мрачно взглянулъ на него и повернулся, чтобы идти. Но Иисусъ всталъ, пошелъ вслѣдъ за нимъ и остановилъ его.

«Постой!»—сказалъ онъ.—«Что же тебѣ сдѣлалъ Іоаннъ?»

«Я ненавижу его!»—запальчиво воскликнулъ Іуда.—«Я честный человѣкъ, а онъ меня поносилъ, онъ... словомъ, я его ненавижу и ненавижу тебя, если ты изъ его учениковъ».

Иисусъ простоялъ съ минуту, погруженный въ размышленія. «Да, Іоаннъ суровъ!»—прошепталъ онъ про себя. Потомъ онъ внезапно выпрямился, положилъ руку на плечо Іуды и глубоко заглянулъ ему въ глаза.

«Скажи, ты развѣ меня ненавидишь?»—спросилъ онъ.

Дрожь пробѣжала по тѣлу Іуды. Онъ съ удивленіемъ взглянулъ на Иисуса и затѣмъ безмолвно потупилъ взоръ.

Иисусъ улыбнулся, снялъ съ его плеча свою руку и сталъ ходить взадъ и впередъ, между тѣмъ какъ Іуда слѣдилъ за нимъ робкимъ, удивленнымъ взглядомъ. Наконецъ, онъ остановился и кротко сказалъ:

«Не бойся, я не буду тебя проклипать! Ты усталъ; лягъ и усни; теперь уже ночь».

Иуда безмолвно повиновался ему. Все его существо сразу измѣнилось. Онъ самъ чувствовалъ, самъ сознавалъ, что повинуется неотразимой силѣ; но это сознаніе не мучило его; оно вливалось въ него ощущеніе покоя и мира.

Онъ слышалъ возлѣ себя шаги незнакомца; пролежавъ нѣсколько минутъ, онъ поднялъ голову и спросилъ: «Ты развѣ будешь бодрствовать?»

Иисусъ остановился возлѣ него и отвѣтилъ: «Да, я буду бодрствовать!»

Голосъ его былъ печаленъ и трепеталъ отъ подавленной скорби.

Иуда снова легъ и натянулъ себѣ на голову плащъ. То же чувство мира и покоя окутывало его душу, но оно соединилось съ грустью, еще болѣе тяжелой, чѣмъ та, которую онъ испыталъ раньше, тогда—при закатѣ солнца. И эта грусть не покинула его во снѣ.

IV.

Долго еще послѣ того, какъ онъ заснулъ, Иисусъ безпокойно ходилъ взадъ и впередъ. Наконецъ онъ остановился возлѣ Іуды и сталъ задумчиво на него смотрѣть.

Во время сна Іуда сдѣлалъ движеніе, и голова его выскользнула изъ-подъ плаща и лежала теперь на голой землѣ. Иисусъ опустился на колѣни, осторожно поправилъ ему голову и снова прикрылъ ее краемъ плаща. Потомъ онъ долго лежалъ распростертый, какъ бы погруженный въ молитву и, когда онъ, наконецъ, всталъ, все его тѣло потрясали сдерживаемыя рыданія.

Снова принялся онъ за свою безпокойную ходьбу. Но постепенно шаги его стали замедляться; свинцовая тяжесть усталости привела въ оцѣпенѣніе его члены. Онъ, обезсилѣвъ, легъ на землю и впалъ въ глубокое забытѣе.

Вокругъ него было одно только безмолвіе, страшное, живое безмолвіе,—нѣтъ, не безмолвіе, а мракъ, бившійся вокругъ него и съ чѣмъ-то состязавшійся,—море мрака, но море, въ которомъ бушевала буря. Его сердце стучало отъ тоски; ему казалось, что для него было бы освобожденіемъ увидать хотя бы только искорку свѣта; онъ искалъ ея, напрягая всю свою душу, но тщетно: все было мракъ и безмолвная, какъ смерть, борьба.

Но внезапно этотъ мракъ точно принялъ очертанія и формы, и вотъ,—онъ хотѣлъ отшатнуться, но не могъ,—совсѣмъ близко отъ него. Почти

его задѣвая, стали проходить вереницы людей, густыми, волнообразными рядами, безконечныя вереницы, выраставшія изъ мрака и снова сливавшіяся съ нимъ. Они шли мимо—мимо, но всё они шли, наклонившись къ землѣ, шли колеблющимися шагами, изнемогая подъ невидимой ношей.

«Что это они несутъ?»—спросилъ онъ себя, и этотъ вопросъ, на который онъ не могъ отвѣтить, преисполнилъ его тоской.

«Боже мой, Боже мой, что это они несутъ?»

Тогда одинъ изъ нихъ, проходя мимо, обратилъ къ нему свое лицо и взглянулъ на него. Это было лицо Іуды,—въ его взорѣ заключался нѣмой обвиняющій вопросъ. Это длилось одно только мгновеніе; затѣмъ онъ снова исчезъ во мракѣ, и другіе, незнакомые образы послѣдовали за нимъ, придавленные, какъ и онъ, невидимой ношей.

Но теперь онъ понялъ, что они несутъ.

Это былъ вопросъ, и вопросъ этотъ былъ обвиненіемъ противъ него. И въ глубинѣ его сердца шевельнулось что-то, взывавшее его къ жизни, что-то, разрывавшее ему грудь; но онъ не могъ найти спасительнаго слова.

Онъ исполнился глубокой, безпредѣльной скорби предъ этимъ мимо идущимъ шествіемъ. «Чего они хотятъ?—думалъ онъ.—Боже мой, чего они хотятъ?»

Вдругъ въ воздухѣ пронесся шелестъ, и Иисусъ почувствовалъ, что онъ больше не одинъ. Онъ наполовину обернулся.

Рядомъ съ нимъ стоялъ высокій, темный призракъ. Прекрасные, сильные члены трепетали мощной жизнью; грудь при дыханіи вздымалась и опускалась съ величественнымъ спокойствіемъ моря, а подъ смуглой, упругой кожей просвѣчивало біеніе жилъ. Его ноги съ увѣренной твердостью упирались въ землю, но отъ плечъ его исходили два крыла: продолжая еще

медленно развѣваться послѣ полета, онѣ ширились, исполински громадныя, пока не терялись во мракѣ, какъ бы составляя съ нимъ одно цѣлое. Вокругъ лица волосы вились густой гривой черныхъ, какъ смоль, кудрей, но юношескія въ своей стихійности черты были неподвижны, точно высѣчены изъ камня,—подъ низкимъ, широкимъ лбомъ глаза лежали во мракѣ, а вокругъ рта была складка застывшей печали.

«Они голодны!—произнесъ призракъ. — Дай имъ хлѣба, и они благословятъ тебя!»

«Хлѣба!—подумаль Иисусъ. — Горе мнѣ! У меня нѣтъ хлѣба!»

Тогда призракъ положилъ ему руку на плечо. «У тебя есть власть!—сказаль онъ; — вели этимъ камнямъ сдѣлаться хлѣбомъ, и они послушаются тебя».

Все время шли мимо него безмолвныя вереницы этихъ людей, изнемогавшихъ подъ своей невидимой ношей, и въ ихъ лицахъ онъ читаль обвиненіе. Тогда всѣ силы точно оставили его: онъ наклонился, и одна рука его коснулась холодныхъ камней. Холодъ пробѣжалъ по его тѣлу; онъ снова поднялся и выронилъ изъ рукъ взятый было камень.

«Камни не могутъ сдѣлаться хлѣбомъ!»—сказаль онъ.

И снова преисполнился безконечной скорби. Тогда призракъ засмѣялся. Но вокругъ его рта лежала все та же складка застывшей печали. Онъ схватилъ Иисуса въ свои объятія и понесъ его по воздуху.

И, держа Иисуса прижатымъ къ своей груди, призракъ наклонилъ голову и шепнулъ ему на ухо:

«Дай имъ камни вмѣсто хлѣба; у тебя есть власть; они повѣрятъ тебѣ!»

И снова тотъ же странный смѣхъ раздался въ ухахъ Иисуса. Онъ посмотрѣль на это лицо

такъ низко склонившееся надъ нимъ, и спросилъ: «О чемъ ты скорбишь?»

Тогда призракъ точно взглянулъ на него тѣмъ мракомъ, который былъ у него подъ бровями; но безмолвно отвернулся отъ него и вмѣстѣ съ нимъ спустился по воздуху на землю. Иисусъ былъ опять свободенъ.

Они стояли на высокой горѣ; подъ ними лежалъ Иерусалимъ, освѣщенный солнцемъ. На улицахъ народъ кишѣлъ волнообразными, мятушимися толпами, и всѣ эти люди устремляли свой взоръ на него, всѣ протягивали къ нему свои руки, прося, угрожая, и изъ устъ ихъ поднимался тысячеголосый крикъ: «Мессія! Мессія!» И онъ спросилъ себя съ тоской: «Чего хотятъ они? Боже мой, чего они хотятъ?»

Тогда призракъ сказалъ:

«Они хотятъ могущества и славы. Ты властенъ имъ это дать. Дай и они будутъ звать тебя Мессіей и владыкой!»

И онъ простеръ свою руку надъ Иерусалимомъ. Тогда городъ точно размножился; городъ за городомъ выросталъ изъ лона земли, съ золочеными храмами и громадными башнями, а между ними протекали рѣки съ одѣтыми лѣсомъ берегами, и всѣ народы земли мириадами тѣснились тамъ, и, умноженный въ несчетное число разъ, поднимался зовъ: «Мессія! Мессія!»

Но призракъ разрастался все больше и больше, и крылья его покрыли собою все небо, такъ что затмили солнце. «Мессія!—произнесъ онъ:—смотри, все это твое!» Иисусъ взглянулъ внизъ, на Иерусалимъ, и взоры его уходили все дальше и дальше; но все время душу его наполняла растущая боль; снова показалось ему, что грудь его готова разорваться отъ зарождавшейся въ немъ мысли, но онъ не могъ найти спасительнаго слова.

«Нѣтъ!—сказалъ онъ:—не этого хотятъ они!»

И взоры его стали искать въ пространствѣ, какъ бы надѣясь тамъ найти отвѣтъ на мучившую его загадку.

Тогда въ далекой дали, гдѣ сливалось небо и земля, онъ увидаль угрюмое шествіе, увидаль безчисленныя вереницы людей, изнемогавшихъ подъ своей невидимой ношей.

Призракъ нагнулся къ нему и шепнулъ: «Хлѣба!»

Но Іисусъ покачалъ головой. Въ тотъ же мигъ одинъ изъ этихъ людей обратился къ нему лицомъ и посмотрѣлъ на него, и снова Іисусъ узналъ черты Іуды. Тогда свѣтъ внезапно озарилъ его; онъ простеръ руки и сказалъ: «Любви!»

Призракъ засмѣялся, и отголосокъ его смѣха отозвался раскатами вдали. Но на лицѣ его лежало то же выраженіе застывшей печали, и онъ взмахнулъ крылами, готовясь улетѣть.

.....

Долго спалъ Иуда, крѣпко и глубоко. Но подъ утро сонъ его сталъ тревоженъ и лихорадоченъ; его начали преслѣдовать томлящая тоска, боязнь чего-то угрожающаго, чего-то неизбѣжнаго; онъ рвался и метался; все было тиетно! Вдругъ страхъ его исчезъ, и онъ проснулся тихо и спокойно.

Онъ почувствовалъ, что кто-то, низко склонившись надъ нимъ,тираетъ ему потъ съ влажнаго лба. Онъ открылъ глаза и увидѣлъ лицо, неизгладимо запечатлѣвшееся въ его памяти съ этой минуты. Блѣдное, нехудалое лицо, обрамленное волнистыми черными волосами, спадавшими на плечи. Былъ какой-то своеобразный контрастъ между могучимъ лбомъ, лежавшимъ строго, почти грозно надъ бровями, и мягкими, кроткими линиями рта, но въ удивительно глубокомъ взорѣ этотъ контрастъ сливался въ одно цѣлое поразительной красоты. А теперь на блѣдныхъ, изуренныхъ чертахъ былъ разлитъ свѣтъ, говорившій о выдержанной борьбѣ.

Съ минуту Иуда изумленно рассматривалъ это лицо и снова поспѣшно закрылъ глаза. Ему казалось, что это сонъ, и онъ инстинктивно боялся пробужденія. Но вотъ онъ замѣтилъ, что Иисусъ всталъ и отошелъ отъ него. Онъ вновь открылъ глаза и присѣлъ на землю.

Было еще темно; только на восточномъ краѣ горизонта начиналъ распространяться слабый отблескъ разсвѣта.

«Ты уходишь отъ меня?»—спросилъ Иуда. Ему все время казалось, что онъ говоритъ во снѣ, безъ собственной воли и мысли.

Иисусъ остановился и обернулся.

«Да»,—отвѣтилъ онъ:—«теперь мы должны разстаться! Ты вѣдь такъ всталъ!»—прибавилъ онъ съ слабой улыбкой.

Снова испыталь Иуда чувство униженія или стыда. ④

«Такъ развѣ я тебя больше не увижу?»—тихо спросиль онъ, не глядя на него.

Исусъ посмотрѣль на него, что-то обдумывая. «Можетъ быть и увидишь!» — сказалъ онъ. И снова погрузился въ размышленіе, отрѣшившись отъ всего окружающаго. Иуда видѣль, какъ взоръ его скользнулъ мимо него, уходя вдаль, и чувство зависти омрачило его душу. Онъ легъ опять и сталъ угрюмо смотрѣть передъ собой. Прошло нѣсколько минутъ; вдругъ онъ услышалъ голосъ незнакомца.

«Какъ тебя зовутъ?»

«Иуда!»—отвѣчалъ онъ, не поднимая головы.

«Иуда!»—повторилъ Исусъ, и на мгновеніе точно тѣнь покрыла его лицо. Но она быстро исчезла, и онъ продолжалъ:

«Такъ вотъ, Иуда; когда ты почувствуешь себя призваннымъ, приходи,—я буду ждать тебя».

И снова медленно пошелъ отъ него прочь.

Иуда глядѣль ему вслѣдъ, борясь самъ съ собой.

Онъ чувствовалъ побужденіе встать и пойти за нимъ, но какой-то неопредѣленный страхъ парализоваль его волю. Наконецъ онъ порывисто вскричалъ:

«Кто же ты? Какъ мнѣ тебя найти?»

Исусъ снова остановился и отвѣтилъ:

«Когда время настанетъ, ты сумѣешь меня найти!»

Онъ какъ будто сталъ выше, и лицо его сдѣлалось лучезарнымъ. Онъ приблизился на одинъ шагъ къ Иудѣ, подняль руку и сказалъ:

«Помни, Иуда! Ты не долженъ ненавидѣть!»

Затѣмъ онъ повернулся и вскорѣ исчезъ среди скаль.

Когда Иуда не могъ больше слѣдить за нимъ взоромъ, онъ снова легъ и впалъ въ глубокій сонъ.

Когда онъ вторично проснулся, солнце стояло уже высоко на небѣ. Онъ пролежалъ сначала нѣсколько минутъ съ закрытыми глазами и съ такимъ чувствомъ, будто онъ видѣлъ что-то во снѣ и хочетъ это вспомнить. Но вспомнить онъ не могъ, и у него явилось желаніе заснуть опять, чтобы въ сонномъ состояніи къ нему вернулись ускользнувшія грезы, какъ вдругъ онъ увидалъ предъ собой чье-то лицо. Онъ вздрогнулъ, сѣлъ на землѣ и посмотрѣлъ вокругъ. Никого не было; онъ былъ одинъ.

«Неужели это былъ только сонъ?»—подумалъ Иуда.

Затѣмъ онъ вспомнилъ событія прошедшаго дня, встрѣчу съ Іоанномъ, свое бѣгство чрезъ пустыню, разговоръ со старцемъ; но все это припоминалось ему лишь смутно и неполно, какъ будто это случилось давно. И мысль объ этомъ не волновала его больше, не пробуждала больше въ его душѣ тѣхъ чувствъ, которыя держали его въ своей власти наканунѣ.

«Какое мнѣ дѣло до Іоанна!»—съ презрѣніемъ сказалъ онъ себѣ и снова углубился въ думы о чемъ-то, что касалось его ближе и находилось въ связи съ лицомъ, которое онъ все время видѣлъ передъ собой. Но онъ не могъ отдать себѣ яснаго отчета; это представлялось ему до такой степени страннымъ, до такой степени безформеннымъ, и онъ снова постарался стряхнуть это съ себя, повторяя мысленно, что это былъ сонъ.

Онъ опять легъ на спину и сталъ смотрѣть на небо, вздымавшееся надъ нимъ высокимъ синимъ сводомъ. Въ вышинѣ надъ его головой, распластавъ крылья, кружился орелъ: ему показалось, будто онъ подсматриваетъ за нимъ, будто острый его взглядъ упорно устремленъ на него. Это стало его мучить. «Что ему отъ меня нужно?—поду-

маль онъ.—Зачѣмъ онъ подглядываетъ за мной?» И точно боясь выдать свою тревогу, онъ лежалъ совсѣмъ неподвижно и слѣдилъ глазами за птицей, пока, наконецъ, она не улетѣла, быстро взмахивая крыльями, не исчезла вдаль, превратившись въ темную точку. Тогда онъ почувствовалъ себя спокойнѣй; но въ то же время у него явилось ощущение пустоты.

Ибо онъ не могъ оторвать своихъ взоровъ отъ синяго, сіяющаго неба, и безконечное его пространство, гдѣ онъ не находилъ уже для глазъ своихъ точки опоры, заставило его почувствовать себя такимъ потеряннымъ, такимъ заброшеннымъ. Ему казалось, что все вокругъ него внезапно измѣнилось, такъ что онъ не могъ ни въ чемъ больше разобраться. И онъ думалъ, беспомощно и жалобно, какъ дитя: «Что мнѣ дѣлать? Куда итти,—куда направить путь?»

«Какъ удивительно свѣтитъ солнце!—подумалъ онъ затѣмъ.—Никогда не видалъ я раньше, чтобы оно такъ свѣтило! Ужъ не ликъ ли это Господень? Быть можетъ, солнце-то и есть Господень ликъ!» Потомъ онъ расхохотался при мысли, что Іоаннъ назвалъ бы это языческимъ лжеученіемъ: «Іоаннъ! Какое ему дѣло до Іоанна!»

Внезапно передъ нимъ мелькнуло чье-то лицо; у него какъ-то странно сжалось сердце, и онъ снова уцѣпился за прежній ходъ своихъ мыслей.

«Все это—одно воображеніе!—думалъ онъ торопливо и напряженно.—Солнце и вчера такъ свѣтило, и всѣ прежніе дни,—это одно лишь воображеніе! Только бы мнѣ знать, куда мнѣ итти! А что, думаетъ ли кто-нибудь другой въ это мгновенье о томъ же, о чемъ думаю я?—внезапно пришло ему въ голову.—Кто-нибудь другой!»

Онъ послѣдно привсталъ, точно пробудившись отъ сновидѣнія, ибо въ этотъ самый мигъ онъ проникся сознаніемъ, что, пока онъ лежалъ здѣсь,

звѣдательный, отдавшійся во власть сонныхъ
резь, вокругъ него были все люди, ужаса-
ющее множество людей, и всѣ они шли, по-
пущенные своими собственными мыслями, заня-
тые своими собственными дѣлами, устремляясь
— своимъ собственнымъ цѣлямъ! Это сознаніе
было такъ ярко, что ему показалось, будто онъ
видитъ всѣхъ этихъ людей, точно ползающихъ
въ муравейникѣ, и его охватилъ завистливый
страхъ, какъ бы его не задавили въ этой толгѣ,
не отпихнули, какъ бы не отняли у него его доли
въ добычѣ. И съ ужасомъ думалъ онъ о томъ вре-
мени, которое для него пропало; ему предста-
влялось, что никогда не удастся ему его на-
верстать.

Но теперь точно внезапный свѣтъ озарилъ его,
и ему стало ясно, что онъ долженъ дѣлать. Какъ
это онъ раньше не сообразилъ! Онъ долженъ идти
домой; разумѣется, онъ долженъ идти домой.

Онъ вдругъ увидѣлъ предъ собой всю свою
трежнюю жизнь, ощутилъ въ себѣ вновь мысли,
желанія и порывы, владѣвшіе имъ прежде, и
его охватило тревожное стремленіе выздоравли-
вающего снова вернуться ко всему этому, чтобы
увѣриться, что все осталось попрежнему.

Руками, дрожащими отъ нетерпѣнія, взявъ
онъ свой посохъ и всталъ. Видъ этой мѣстности
вызывалъ въ немъ такое же отвращеніе, какое
чувствуетъ больной къ одру своихъ страданій.
«Только бы мнѣ уйти прочь отсюда,—думалъ
онъ:—только бы добраться до дому!»

Онъ попытался выяснитъ по положенію солнца,
въ какую сторону ему держать свой путь, и по-
шелъ крупными, рѣшительными шагами, неос-
тупно устремляя взоръ впередъ. У него было
такое чувство, точно онъ оставляетъ здѣсь часть
самого себя, все то, что мучило его послѣднія
сутки, и одна-единственная мысль наполняла
его,—вернуться домой.—домой!

Спустя нѣсколько дней по возвращеніи Іуды пришла домой и его мать. Ея взяли съ собой какіе-то сострадательные путники, которымъ было съ ней по дорогѣ.

Она сильно измѣнилась за эти дни. Погасъ тотъ свѣтъ, которымъ энтузіазмъ и вѣра озаряли ея лицо, и тѣло ея еще больше пригнулось къ землѣ.

Было утро, когда она возвратилась. Іуда только что всталъ и сидѣлъ еще въ горницѣ. При видѣ матери лицо его потемнѣло; онъ молча поднялся съ мѣста и прошелъ мимо нея, не сказавъ ни слова привѣта. Лишь поздно вечеромъ вернулся онъ и все такъ же, не говоря ни слова, бросился на постель и повернулъ лицо къ стѣнѣ.

Мать оцущью добрела до него и сѣла у его изголовья.

«Іуда!»—произнесла она дрожащимъ голосомъ и, ища его руки, протянула впередъ свою, но тотчасъ же снова отдернула ее.

Тогда онъ сердито присѣлъ на постели, суровымъ жестомъ схватилъ ея руку и сказалъ съ тяжелымъ, угрожающимъ удареніемъ на каждомъ словѣ:

«Я ничего не хочу слышать,—понимаешь ты, ни одного слова! Одинъ разъ я позволилъ тебѣ меня одурачить, но это былъ первый и послѣдній разъ. Помни, что я говорю тебѣ,—одно только слово, и я выгоню тебя изъ своего дома!»

Мать вздохнула и повторила съ мольбой: «Іуда!»

«Уйди отъ меня!»—воскликнулъ онъ:—оставь меня въ покоѣ!» И онъ сердито оттолкнулъ ее. Она встала, вся дрожа, и побрела оцущью къ своей постели. Онъ снова легъ и заснулъ тяжелымъ сномъ.

Но мать съ каждымъ днемъ все таяла и таяла и вскорѣ уже не могла подниматься съ постели.

Иуда ходилъ за ней съ угрюмой, строптивой нѣжностью, но они почти не говорили другъ съ другомъ.

Прошелъ мѣсяцъ и мало-по-малу Иуда снова здѣлался самимъ собой. Первое время онъ съ лихорадочнымъ жаромъ кинулся въ колею своей прежней жизни, цѣпляясь за свои прежнія мысли, устремляясь къ прежнимъ своимъ цѣлямъ. Съ теченіемъ времени къ нему вернулось все-таки спокойствіе; неуклонно, но машинально, совершала онъ, какъ и прежде, свой дневной трудъ для того, чтобы при наступленіи вечера забыться гяжелымъ, глубокимъ сномъ. Благодаря постоянному, неослабному напряженію воли, онъ изгналъ изъ своихъ мыслей то, что съ нимъ произошло въ пустынѣ; если же воспоминаніе, какъ далекое видѣніе, порой мелькало предъ его духовными очами, онъ старался избавиться отъ него, говоря себѣ, что это былъ сонъ.

Случалось, что при немъ произносили имя Иоанна, и тогда онъ думалъ съ пренебреженіемъ: «Какое мнѣ дѣло до Іоанна!»

И сознаніе, что эта мысль не стоитъ ему никакихъ усилій, что она является у него совершенно естественно, наполняло его радостью.

«Все это теперь прошло,—прошло навсегда». Одного онъ все-таки не могъ обрѣсти въ себѣ вновь—радости, доставляемой трудомъ, удовлетворенія, приносимаго платой за него. Это было для него все на свѣтѣ, а между тѣмъ вокругъ него оставалась пустота, которой ничто не могло заполнить, пустота, никогда не покидавшая его. Какъ безкровная тѣнь, она слѣдовала за нимъ, куда бы онъ ни шелъ, и когда, утомленный, онъ отиравался нѣжной рукой, она ложилась рядомъ съ нимъ и покоилась возлѣ него во время сна. Это былъ врагъ, невидимый, неосызаемый врагъ, съ которымъ онъ не могъ сразиться, котораго не могъ побѣдить, но котораго встрѣчалъ глухимъ, настойчивымъ отпоромъ.

Въ будущее онъ не дерзаль больше заглядывать; одна уже мысль о немъ мучила его; онъ жилъ изо дня въ день, сгибаясь подъ дневной работой, какъ подъ добровольно взятымъ на себя бременемъ.

Однажды Іуда увидалъ на улицѣ впереди себя двухъ проѣзжихъ, оживленно бесѣдовавшихъ другъ съ другомъ. Онъ не обратилъ на нихъ особеннаго вниманія, но все же замѣтилъ, что одинъ—его сосѣдъ, недавно возвратившійся изъ путешествія въ Галилею.

Онъ шель быстрѣе ихъ и скоро ихъ нагналъ. Проходя, онъ слышалъ обрывки изъ разговора, не вникая, однако, въ значеніе словъ,—какъ вдругъ его слухъ поразило одно имя. Это имя было Іисусъ.

Онъ остановился, до такой степени взволнованный, что все его тѣло задрожало, и пропустилъ мимо себя прохожихъ, разсматривая ихъ смущеннымъ взоромъ. Они съ изумленіемъ взглянули на него, но онъ на это не обратилъ вниманія. Долго еще послѣ того, какъ они исчезли, онъ стоялъ неподвижно на томъ же мѣстѣ и пристально смотрѣлъ имъ вслѣдъ.

Было утро; солнце уже высоко стояло на небѣ изъ домовъ поднимался дымъ, и повседневная жизнь была въ полномъ разгарѣ.

Тогда Іуда собрался съ мыслями. «За работу!—машинально подумаль онъ:—миѣ надо за работу приняться!»—и онъ продолжалъ свой путь, повторяя про себя эти слова, хотя не находилъ въ нихъ никакого смысла. Вдругъ онъ снова остановился, съ жестомъ отчаянія схватилъ себя за голову и затѣмъ поспѣшно направился домой.

Это поразило его, какъ молнія; онъ былъ еще почти оглушенъ и не былъ въ состояніи мыслить связно. У него было только сознаніе того, что все, что онъ воздвигъ за это время, все это разомъ рушилось, и что онъ, въ сущности, все время зналъ, что это такъ и будетъ.

Придя домой, онъ заперъ за собою дверь и бросился на постель, закрывъ лицо руками.

Мысли вихремъ носились въ его головѣ. «Такъ это, значить, былъ не сонъ; это дѣйствительно случилось! Да; онъ теперь понималъ, что никогда и не вѣрилъ, чтобъ это былъ сонъ, что онъ обманывалъ самого себя и зналъ, что себя обманываетъ. Но если это правда, то...»—онъ не могъ продумать своей мысли до конца, но предъ нимъ гочно мелькнуло что-то великое, что-то дивное, передъ чѣмъ голова его закружилась.

И вдругъ онъ увидѣлъ передъ собой фигуру и лицо Иисуса и вспомнилъ все, каждое слово, каждый взглядъ, каждое движеніе. И тогда ему сдѣлалось страшно. Чего онъ боится, онъ самъ не понималъ, но онъ былъ во власти страха, смертельнаго страха...

Долго лежалъ онъ такъ; онъ зналъ, что часъ проходить за часомъ, но не имѣлъ силъ вырваться изъ своего оцѣпенѣнія. Онъ чувствовалъ, какъ мелко, какъ безразлично все другое сравнительно съ тѣмъ, что наполняло его душу теперь.

Но вотъ ему пришла въ голову одна мысль, и онъ съ жаромъ ухватился за нее. Быть можетъ, все это ничего не значить; быть можетъ, это было просто случайное совпаденіе, и слышанное имя принадлежитъ совсѣмъ другому человѣку. Онъ разомъ сдѣлался опять спокоенъ и принялъ рѣшеніе—ему нужно будетъ удостовѣриться, прежде всего нужно будетъ удостовѣриться.

Къ нему вернулась его энергія; онъ отправился къ сосѣду, произнесшему роковое слово, и сталъ его спрашивать, все время сохраняя свое хладнокровіе; ни на мигъ не измѣнился онъ въ лицѣ, ничѣмъ не выдалъ своего волненія. Этому способствовало также смутное чувство вражды, которое внушалъ ему этотъ человѣкъ. Чувство, похожее на то, которое онъ испыталъ по отношенію къ Іоанну, и которое даже присутствіе матери возбуждало въ немъ порой.

Сосѣдъ разскалъ ему, что онъ слышалъ въ Галилеѣ объ Иисусѣ и его дѣятельности, о томъ, какъ молва о немъ протекла уже далеко, разскалъ о чудодѣйственной силѣ, которую приписывали его словамъ и его волѣ. Самъ онъ называлъ себя Мессіей, и многіе вѣрили, что онъ, дѣйствительно, обѣщанный Богомъ помазанникъ Его. Но большинство маловѣрно покачивало головами и считало его обманщикомъ, ибо извѣстно вѣдъ было, что онъ сынъ Іосифа, бѣднаго плотника изъ Назарета.

Сосѣдъ былъ человекъ словоохотливый и, разговорившись, долго и подробно распространялся на эту тему, дополняя разсказъ своими собственными мнѣніями и объясненіями.

Іуда слушалъ его молча. Когда онъ, наконецъ, ушелъ отъ него, на немъ тяжелымъ бременемъ лежало сознаніе, что судьба его свершилась.

* * *

Съ этой минуты Іуда не зналъ больше покоя. Днемъ онъ ходилъ точно во снѣ, а ночью не могъ заснуть; точно далекіе голоса призывали его тогда; жуткая тревога гнала его прочь съ постели, и онъ выходилъ въ ночной мракъ и безцѣльно бродилъ и бродилъ, пока, обезсиленный, не возвращался домой и не впадалъ подъ конецъ въ забытѣ, въ которомъ его преслѣдовалъ все тотъ же неизмѣнный, непонятный для него призывъ. Образъ Иисуса, точно видѣніе, носился передъ нимъ неотступно; по временамъ онъ чувствовалъ точно внезапный толчокъ, сердце его начинало усиленно биться, и тогда ему казалось, что онъ не одинъ, что кто-то стоитъ съ нимъ рядомъ, — онъ не рѣшался оглянуться, онъ зналъ, что это Иисусъ; ночью, когда онъ лежалъ съ закрытыми глазами, имъ вдругъ овладѣвало такое ощущеніе, будто кто-то склоняется надъ нимъ, и тогда онъ видѣлъ предъ собой блѣдное лицо съ этой улыбкой, отъ

которой ему дѣлалось стыдно. По вечерамъ же, когда солнце заходило, и небо пламенѣло на западѣ багрянцемъ, онъ часто видѣлъ фигуру Иисуса, направлявшуюся въ сторону вечерней зари.

Порой онъ думалъ, что ненавидитъ его; порой— что его боится; иногда у него являлось желаніе стать съ нимъ лицомъ къ лицу, чтобы бросить ему вызовъ и спросить: «Что тебѣ нужно отъ меня? Что сдѣлалъ я тебѣ, что ты такъ меня терзаешь?»

Первое время онъ старался бороться съ этимъ, неистово накидываясь на работу, но такъ мучительно чувствовалъ бесполезность этого средства, что скорѣе отказался отъ него.

Часто испытывалъ онъ поползновеніе открыть свое сердце матери, чтобы, быть можетъ, такимъ путемъ обрѣсти себѣ покой; но его отпугивало что-то въ выраженіи ея лица, что-то, казавшееся ему родственнымъ съ его собственнымъ душевнымъ состояніемъ. Порой тотъ же оттѣнокъ выраженія ему чудился и въ другихъ лицахъ; случалось, что на улицѣ онъ схватывалъ обрывки разговора, находившіеся, по его мнѣнію, въ связи съ его собственной судьбой и встрѣчавшіе отзвукъ въ его сердцѣ. Все точно сговорилось, чтобы увлечь его къ цѣли, которой онъ не могъ ясно различить, но которая наполняла его трепетомъ.

* * *

Однажды утромъ онъ проснулся окрѣпшій тѣломъ и духомъ послѣ короткой, глубокой дремоты. И въ ту же минуту, какъ онъ проснулся, предъ нимъ съ ясностью предстало одно рѣшеніе, какъ будто явившееся ему во снѣ. Онъ всталъ и торопливо одѣлся, затѣмъ отворилъ дверь въ рорницу, гдѣ лежала мать.

Она такъ слаба была теперь, что онъ понималъ, какъ недолго ужъ ей осталось жить. Когда онъ отворилъ дверь, она обратила къ нему свое измо-

жденное лицо съ потухшими глазами, и своа увидѣль онъ въ немъ выраженіе, казавшееся ему зеркаломъ его собственной души. Но теперь ему подумалось, что онъ понимаетъ его лучше, чѣмъ прежде, и какъ-то удивительно мягко и тепло стало у него на сердцѣ.

Онъ подошелъ къ матери и бережно взялъ ея руку.

«Мать,—сказаль онъ: — я ухожу на нѣсколько дней».

Она съ трудомъ приподнялась на постели.

«Уходишь?»

Въ ея голосѣ слышался затаенный страхъ.

«Да, мнѣ надо отлучиться, но я скоро вернусь. Я попрошу старуху Марѳу приглядѣть за тобой».

Она снова безсилно опустила на подушку.

«Не замѣшайся!—испуганно и нерѣшительно взмолилась она:— Не дай мнѣ умереть безъ тебя!»

Онъ попытался успокоить ее, но она прервала его.

«Не замѣшайся!—повторила она.— Я чувствую, что теперь ужъ недолго осталось».

Онъ не нашелся ничего больше сказать, высвободилъ свою руку, которую она удерживала съ судорожной силой, и направился къ двери. Мать повернула къ нему лицо съ напряженнымъ, вопрошающимъ выраженіемъ.

«Куда ты идешь?»—спросила она наконецъ.

Онъ остановился, хотѣлъ какъ будто подойти къ ней, но потомъ передумаль.

«Не все ли это равно?—сказаль онъ жесткимъ тономъ.— Какое тебѣ до этого дѣло?»

И онъ поспѣшно вышелъ изъ комнаты. Но, когда онъ затворяль за собою дверь, до него донесся слабый голосъ матери:

«Господь да хранить тебя, сынъ мой!»

И эти слова сильно взволновали его.

* * *

На слѣдующій день вечеромъ Іуда былъ въ пустынѣ. У него сложилось представленіе, что

онъ долженъ посѣтить то мѣсто, гдѣ произошла ночная встрѣча,—что тамъ онъ вновь обрѣтетъ себѣ спокойствіе и миръ.

Долге скитался онъ въ тщетныхъ поискахъ. Надвигалась ночь, а съ нею темнота. Дулъ холодный вѣтеръ. Истомленный, Іуда нашелъ себѣ, наконецъ, пріютъ въ горной пещерѣ и заснулъ въ ней тяжелымъ, глубокимъ сномъ безъ сновидѣній. Последней его мыслью было полное надежды: «завтра!»

Онъ рано проснулся на слѣдующее утро. Сначала онъ не могъ понять, гдѣ онъ, но когда отдалъ себѣ въ этомъ отчетъ, имъ овладѣло глубокое уныніе. Что-то смутно говорило ему, что не сюда хотѣлъ онъ итти, что другая цѣль была у него въ виду.

Онъ присѣлъ на землю, погруженный въ тяжелыя, безотрадныя думы. Солнце стояло красное надъ горизонтомъ; холодные порывы вѣтра мчались надъ широкой, голой пустыней. Всю свою жизнь прожилъ Іуда среди этой природы; обнаженные горы Іудеи постоянно ограничивали его кругозоръ; а между тѣмъ ему казалось теперь, что онъ ихъ видитъ впервые. Теперь онъ почувствовалъ, что онѣ замыкаютъ въ себѣ темницу, его стало тянуть прочь, прочь отсюда, къ чему-то свѣтлому, солнечному. Онъ коченѣлъ здѣсь, коченѣлъ до дна своей души. Зачѣмъ онъ пришелъ сюда,—вѣдь не это было у него на умѣ!

Онъ всталъ и пустился въ обратный путь. Поднявшись на одинъ изъ холмовъ, онъ увидаль вдали свѣтлыя струи Іордана. Онъ остановился, устремивъ въ эту сторону свой взоръ.

Тамъ былъ Іоаннъ! Онъ самъ удивлялся, что къ мысли о немъ теперь уже не примѣшивалась злоба. Онъ подумаль: «Да развѣ къ Іоанну хотѣлъ я итти?» Другая мысль налетѣла на него, но онъ поспѣшно оттолкнулъ ее, хотя и сознаваль, что она снова и снова будетъ возвращаться и, въ концѣ концовъ, одержитъ надъ нимъ верхъ.

Онъ медленно пошелъ дальше. Вдругъ въ его ухахъ прозвучало: «Я буду тебя ждать!»— онъ сдѣлалъ движеніе, выражавшее тревогу, и ускорилъ шаги, точно хотѣлъ отъ чего-то спастись.

* * *

Спустя два дня онъ вернулся домой. Былъ вечеръ. Въ дверяхъ онъ встрѣтилъ сосѣдку Марю, обыкновенно присматривавшую за его матерью, когда онъ бывалъ въ отлучкѣ. Она сказала ему, что больная такъ ослабѣла, что, по всей вѣроятности, не доживетъ до утра. Онъ отослалъ ее домой и вошелъ къ матери.

Она лежала совершенно неподвижно и, казалось, не замѣтила его, когда онъ вошелъ. Онъ подумалъ было, что она уже умерла, и эта мысль вызвала въ немъ внезапное раскаяніе; ему казалось, что онъ хотѣлъ сказать ей что-то передъ ея кончиной, и что теперь, когда онъ явился слишкомъ поздно, это будетъ вѣчно лежать тяжестью на его душѣ. Онъ наклонился и прислушался къ ея груди,—она еще дышала, совсѣмъ слабо, но правильно и ровно.

Иуда сѣлъ возлѣ ея постели и сталъ ждать. Онъ спрашивалъ себя, что же это онъ хотѣлъ сказать ей. Теперь онъ не могъ этого вспомнить.

Пурпурный отблескъ заката проникъ въ окно, сначала ярко освѣтилъ умирающую, потомъ медленно сталъ подниматься, скользя надъ головой Иуды, поблѣднѣлъ и погасъ. Птичка, пѣвшая на деревѣ передъ домомъ, умолкла; сдѣлалось такъ тихо, что онъ могъ слышать дыханіе матери, становившееся все слабѣй и слабѣй. Тогда снова на его напалъ страхъ, что она умретъ, прежде чѣмъ онъ успѣетъ поговорить съ ней; онъ осторожно тронулъ ее за руку и шепотомъ произнесъ: «Мать!»

Судорога пробѣжала по ея тѣлу; она цѣпко-

зала поднять руку, но не могла, зашевелила губами, но изъ нихъ не вышло ни звука, и лицо ея приняло испуганное, молящее о помощи, выраженіе. ( )

«Мать!»—повторилъ онъ громче и наклонился къ ней.

«Это ты, Іуда?»—сказала она такъ тихо, что онъ скорѣй угадалъ, чѣмъ разслышалъ слова.

«Да, это я!»—отвѣтилъ онъ.—«Какъ ты себя чувствуешь, мать?»

Она подняла вѣки, потомъ опять ихъ закрыла, и ротъ ея болѣзненно передернулся.

«Медленно передъ моими глазами точно что-то блеснуло,—это было солнце?»

«Да»,—отвѣтилъ онъ.

«Мнѣ снилось, что ко мнѣ вернулось зрѣніе, и что мнѣ доведется еще разъ увидѣть все, и свѣтъ—и все, прежде чѣмъ умереть. Но теперь спать стало темно».

«Солнце зашло теперь, мать; поэтому и стало темно».

Она покачала головой, какъ бы показывая стимъ, что онъ не понялъ ея, вздохнула и снова сдѣлалась безмолвна и недвижима.

Но Іуда думалъ съ тоской: «Что это я хотѣлъ сказать ей? Боже мой, она умираетъ, а я не могу этого вспомнить!»

Прошло нѣсколько минутъ; и вотъ на нее нашла внезапная тревога; руки ея стали пересбивать одѣяло, и она прошептала:

«Іуда! Гдѣ ты?»

«Я здѣсь, мать; что тебѣ?»

«Ближе!—шептала она:—подойди поближе!»

Онъ нагнулся къ ней, прижимая къ ея губамъ.

Тогда она заговорила, сначала шепотомъ тихимъ и невнятно, такъ что первый словъ онъ не могъ услышать, но затѣмъ болѣе сильнымъ и внятнѣе голосомъ:

«Но это былъ не онъ, Иуда,—это, навѣрно, былъ Божій человѣкъ,—святой человѣкъ,—но это былъ не онъ. Но близко время, Иуда,—онъ сказалъ это, и я почувствовала, что онъ говоритъ правду,—близко время,—когда исполнится Господне обѣтованіе,—когда Господь вспомнить о своемъ народѣ.—Тогда придетъ Онъ,—Мессія,—Онъ будетъ крестить Духомъ Святымъ и огнемъ,—Онъ—Мессія!—Но мнѣ не придется увидѣть Его!—Горе мнѣ, что я должна умереть, не сподобившись видѣть Его!»

Какое-то странное волненіе охватило Иуду; сердце его билось такъ, что грудь его готова была разорваться, и тогда онъ нашелъ то слово, которое искалъ. Онъ прильнулъ губами къ уху матери и шепнулъ ей:

«Мать, я его видѣлъ!»

Трепетъ пробѣжалъ по ея тѣлу; съ внезапной силой приподнялась она на постели, охватила руками голову сына и притянула ее къ себѣ. Затѣмъ пальцы ея скользнули по его глазамъ, лбу и снова по глазамъ; свѣтлое, сіяющее выраженіе появилось на ея лицѣ; она зашевелила губами, какъ бы желая что-то сказать, снова стала ощупывать его голову и опрокинулась на подушку.

Когда Иуда всталъ и взглянулъ на нее, онъ понялъ, что она умерла.

Всю ночь просидѣлъ онъ у ея тѣла. Онъ не думалъ; онъ находился въ такомъ состояніи напряженія, которое не позволяло ему думать. Тѣмъ не менѣе онъ безотчетно разбирался въ своей душѣ; все свѣтлѣй и яснѣй становилось у него на сердцѣ, и когда наступило утро, для него было уже несомнѣнно, что онъ долженъ бросить все другое и пойти къ тому, кто называлъ себя Мессіей.

Странные слухи ходили въ то время по Иудейской странѣ. Рассказывали о человѣкѣ, въ которомъ воскресла мощь древнихъ пророковъ, но въ обновленномъ, странномъ видѣ,—человѣкѣ, изъ устъ котораго исходили загадочныя, пророческія рѣчи, хотя и звучавшія отголоскомъ древнихъ пророчествъ о грядущемъ тысячелѣтнемъ царствѣ, но содержащія вмѣстѣ съ тѣмъ въ себѣ нѣчто новое, нѣчто, до той поры не слыханное, нѣчто, разрушавшее всѣ старыя вѣрованія и преданія,—дивную, величественную грезу будущаго, истинный смыслъ которой лишь немногіе могли постичь, но которая всѣхъ наполняла изумленіемъ и восторгомъ. Говорили, что его слова то звучали кротко и любовно, такъ что многіе въ одномъ уже звукѣ его голоса почерпали себѣ миръ и утѣшеніе, то обрушивались безпощаднымъ укоромъ, причиняя тѣмъ, кому они предназначались, такую же боль, какъ удары бича; говорили далѣе, что одна уже воля его была врачеваніемъ для больныхъ и увѣчныхъ и что онъ однимъ взглядомъ, однимъ словомъ, однимъ движеніемъ подчинялъ себѣ умы и навѣки покорялъ сердца.

Одни думали, что это Іоаннъ, бѣжавшій изъ темницы, въ которую заключилъ его Иродъ, и выступившій теперь съ обновленною мощью, другіе, что это возставшій изъ мертвыхъ Ілія, великій пророкъ, явившійся предвозвѣстить Мессію; но находились люди, полагавшіе, что это самъ Мессія, обѣтованный сынъ Давидовъ, пришедшій основать новое царство Израилево,—царство, долженствовавшее, что его собственнымъ словамъ, охватить собою весь міръ. И они предавались восторженнымъ, безформеннымъ мечтамъ, и многіе покидали свои дома и семьи, чтобы узрѣть того, въ комъ сила

Господня, послѣ долгихъ временъ гнета и поношенія, вновь пробудила избавителя.

Но молва о немъ создала ему также много враговъ, издѣвавшихся надъ нимъ и насмѣхавшихся надъ его ученіемъ, между тѣмъ какъ въ глубинѣ своего сердца они его страшились. То были богатые и сильные, находившіе въ его словахъ дерзкія нападки на государство и собственность; то были старые люди, твердо державшіеся внѣшнихъ обрядностей и обычаевъ, которые онъ часто бичевалъ рѣзко и безпощадно, то были книжники, фарисеи и священники, видѣвшіе угрозу своему могуществу и своей власти надъ умами со стороны этого проходимца, этого мечтателя или обманщика, плотникова сына. То были, наконецъ, равнодушные и сомнѣвающіеся, у которыхъ огонь погасъ и энтузіазмъ остылъ, которые устали стремиться къ лучшему, устали отъ грезъ, не претворившихся въ дѣйствительность, и сдѣлались приверженцами стараго, мудраго изреченія: смотрите, вѣдь все обстоитъ благополучно!—а потому съ насмѣшкой и недовѣріемъ встрѣчали все молодое и новое, еще горькаго наслажденія въ подобномъ бичеваніи своего собственного безумія, которому они измѣнили. Всѣмъ этимъ сѣдымъ головамъ или сѣдымъ сердцамъ онъ былъ страшенъ и подозрителенъ, и всѣ они замышляли подкопаться подъ эту силу, грозившую перерасти ихъ.

Но въ то время до этого еще не дошло; прямо онъ еще не ополчался противъ нихъ, а скорѣе ихъ избѣгалъ и держался вдали отъ Іерусалима, этого сердца вражескаго стана,—поэтому онъ и могъ еще идти безпрепятственно своимъ путемъ. Главнымъ полемъ его дѣятельности была пока его родина, Галилея. Тамъ странствовалъ онъ, безъ постояннаго жилища, чаще всего ночуя подъ открытымъ небомъ, иногда у кого-нибудь изъ своихъ болѣе обезпеченныхъ послѣдователей. Тамъ обращался онъ съ своей рѣчью къ общинѣ.

состоявшей изъ рыболововъ и пастуховъ, тамъ покоряла онъ простыя, дѣтскія сердца, умы, не углублявшіеся въ его ученіе, зачастую не понимавшіе его, но влекомые къ нему самому обаяніемъ его существа и вѣрившіе въ его слово, потому что они вѣрили въ него. Тамъ пріобрѣталъ онъ преданныхъ сторонниковъ среди несчастныхъ и отверженныхъ, среди падшихъ, презираемыхъ созданій, которымъ онъ безъ высокомерія протягивалъ свою руку, а надъ смятенной душой бѣсноватыхъ его спокойный, кроткій взоръ имѣлъ удивительную власть.

И всюду появленіе его было праздникомъ; народъ стекался къ нему съ изумленіемъ и благоговѣніемъ; больные тѣснились возлѣ него, женщины бросали ему подъ ноги цвѣты и зеленыя вѣтви; дѣти довѣрчиво прижимались къ нему, ибо онъ любилъ малютокъ и, лаская ихъ, часто возлагалъ руку на ихъ головки. Порой онъ входилъ въ синагоги и проповѣдовалъ тамъ, но всего охотнѣй говорилъ онъ на открытомъ воздухѣ, на вершинахъ холмовъ или на зеленыхъ откосахъ; спускавшихся къ морю, и тогда слова его были особенно кротки и прекрасны, съ свѣтлыми образами, взятыми съ поля и изъ лѣса; тогда природа точно вторила его рѣчамъ таинственными, полными предчувствія голосами, и отблескъ счастія лежалъ тогда на его лицѣ, и въ голосѣ его слышались глубокіе, дивные звуки.

Случалось тогда, что тотъ или другой угадывалъ истинную сущность его ученія и проникался трепетомъ предъ его простымъ величіемъ, и во многихъ сердцахъ звучалъ тогда отголосокъ этого слова, постоянно повторявшагося, подобно знаменательному припѣву, въ его рѣчахъ, этого слова, которое уста его никогда не уставали произносить, а взглядъ изъяснять любовь, любовь ко всему и ко всѣмъ.

IX.

Въ тихій, чудный лѣтній день Іуда стоялъ на одной изъ возвышенностей, окружающихъ городъ Капернаумъ и длинными поросшими лѣсомъ откосами спускающихся къ Генисаретскому озеру. Прошло нѣсколько часовъ послѣ полудня; солнце медленно склонялось къ западу на зинемъ, искрившемся свѣтомъ небѣ, а внизу, точно громадное серебряное зеркало, лежалъ съ своею ослѣпительно-прозрачною гладью Генисареть.

Воздухъ былъ мягокъ и напоенъ теплымъ ароматомъ.

Но Іуда дышалъ тяжело, какъ будто это благоуханіе давило ему грудь. Изъ Назарета, куда онъ пошелъ сначала, онъ направилъ свой путь сюда, идя по слѣдамъ того, кого искалъ. И всюду, куда онъ ни понадалъ, молва о новомъ пророкѣ обводила его словно волшебнымъ кругомъ, въ которомъ онъ чувствовалъ себя замкнутымъ все тѣснѣй и тѣснѣй; этотъ кругъ наполнялъ собою воздухъ, которымъ онъ дышалъ, и вливалъ въ его кровь свою лихорадочную напряженность.

Онъ не зналъ больше ни голода, ни жажды, ни усталости; онъ только стремился къ будущему, носившемуся, какъ ослѣпительное сіяніе, передъ его глазами, стремился къ тому мгновенію, когда онъ вновь увидитъ этого дивнаго человека. Лишь бы увидѣть его—только бы увидѣть,—вотъ все, что онъ могъ представить себѣ; что произойдетъ потомъ, объ этомъ онъ не рѣшался и загадывать.

И вотъ онъ пришелъ сюда, въ Капернаумъ, любимый городъ пророка, гдѣ, по слухамъ

онъ пребывалъ въ настоящее время. Но теперь, когда онъ былъ, наконецъ, у цѣли, какая-то тяжесть легла ему на грудь. Онъ посмотрѣлъ вокругъ, и тутъ впервые бросилась ему въ глаза эта окружающая его природа, столь чепохожая на его-родныя мѣста. Свѣтлая и жизнерадостная, она, тѣмъ не менѣе, стѣснила ему сердце, какое то зловѣщее предчувствіе вызвала въ немъ. Какъ здѣсь, значить, онъ вновь увидитъ его, этого человѣка, образъ котораго неизмѣнно стоялъ передъ нимъ въ рамкѣ ночного унынія пустыни! И вдругъ оказалось, что въ первый разъ съ той поры онъ не можетъ вызвать въ своихъ мысляхъ его образъ.

Онъ дѣлалъ усилія, пытался освободиться отъ всѣхъ внѣшнихъ впечатлѣній, все свое сознание сосредоточить на воспоминаніи,—все было тщетно: этотъ образъ ускользалъ отъ него, не хотѣлъ сложиться въ нѣчто цѣльное, съ определенными очертаніями, и, въ концѣ концовъ, исчезъ совершенно, точно изгладившись изъ его души.

Тогда страхъ объялъ его, и онъ снова подумалъ: «Я долженъ еще разъ увидѣть его,—только увидѣть его; лишь бы не было слишкомъ поздно!» Почему могло быть слишкомъ поздно, онъ не зналъ, но эта мысль стала принимать у него все болѣе крупные размѣры; та же боязнь наполнила его, какъ и у смертнаго одра матери, когда онъ думалъ, что она умретъ прежде, чѣмъ онъ успѣетъ съ ней поговорить,—и онъ снова ускорилъ шаги, направляясь къ спуску въ долину, гдѣ изъ-за верхушекъ деревьевъ мелькали кровли Капернаума.

Пройдя немного, онъ невольно устремилъ взоръ на женщину, сидѣвшую на выступѣ скалы у края дороги, по которой онъ шелъ. Онъ не видѣлъ ея лица, обращеннаго въ другую сторону и заслоненнаго отъ него руками, которыми она

подпирала голову. Густые черные волосы ниспадали ей на плечи. Она сидѣла совершенно неподвижно, наклонившись впередъ, точно разсматривая что-то вдали.

Иуда подошелъ къ ней, но она какъ будто не слыхала его шаговъ. Онъ остановился позади нея и положилъ ей руку на плечо.

«Послушай, женщина!—сказалъ онъ.»

Она вздрогнула, поспѣшно обернулась къ нему и съ жестомъ испуга и отвращенія сбросила его руку, причежь краска валила ея лицо и даже шею.

Это было молодое, красивое лицо, но съ изнуренными, почти заостренными чертами; полуоткрытый ротъ и расширенныя, нѣсколько трепещущія ноздри придавали ему какое-то удивительное выраженіе, выраженіе сомнамбулизма, и его еще усиливаль горящій и въ то же время затуманенный взоръ большихъ, обведенныхъ темными кругами глазъ. Въ этихъ глазахъ мерцалъ отбѣнокъ скорби, а щеки ея были мокры отъ слезъ.

«Что тебѣ нужно?»—запальчиво спросила она и отодвинулась немного отъ него.

Иуда съ трудомъ перевелъ духъ.

«Не можешь ли ты мнѣ сказать, гдѣ мнѣ найти Иисуса изъ Назарета?»

Женщина посмотрѣла на него расширенными глазами, въ которыхъ блеснуль было свѣтъ, скоро, однако, смѣнившійся гнѣвомъ.

«Иисуса изъ Назарета!—насмѣшливо повторила она.—Отчего бы тебѣ также не сказать: Иосифова, плотникова сына?» И она съ презрѣніемъ отвернулась отъ него. Но спустя минуту снова стала смотрѣть на него испытующимъ, подозрительнымъ взглядомъ.

«Зачѣмъ онъ тебѣ? Ты вѣдь не здѣшній!»

«Нѣтъ,—отвѣтилъ Иуда:—я изъ Каріота.»

«Изъ Каріота, — повторила женщина: — да!»

знаю; такъ, стало-быть, не изъ Иерусалима?»

«Нѣтъ,—почему ты думаешь, что я изъ Иерусалима?»

«Изъ Иерусалима не бываетъ ничего добраго!»—тихо промолвила женщина, не отвѣчая на его вопросъ. Она снова ушла въ себя, не обращая больше на него вниманія. Во всемъ ея существѣ было что-то безпокойное, заставившее Іуду подумать, что она, быть можетъ, не въ полномъ разсудкѣ, но въ то же время его влекла къ ней смутная пріязнь, и ему хотѣлось приобрести ея довѣріе.

«У меня ничего дурного нѣтъ на умѣ, если ты этого боишься»,—сказалъ онъ нерѣшительно, съ мучительнымъ сознаніемъ того, какъ блѣдны его слова сравнительно съ тѣмъ, что онъ желалъ сказать.

Женщина покачала головой.

«Я ничего не боюсь!»—едва слышно произнесла она.

И вдругъ, поднявъ голову, она съ блестящимъ взглядомъ громко повторила: «Понимаешь ты,—я ничего не боюсь,—ничего!»

Снова почувствовалъ Іуда обаяніе этой чудесной силы, неизмѣнно выступавшей передъ нимъ вмѣстѣ съ именемъ пророка. Онъ приблизился на одинъ шагъ къ женщинѣ и горячо сказалъ ей:

«Ты знаешь его! Скажи мнѣ, гдѣ мнѣ его найти!»

На одинъ мигъ пугливое выраженіе снова промелькнуло въ глазахъ женщины, но, взглянувъ на лицо Іуды, она какъ будто прониклась къ нему довѣріемъ. Она кивнула, протянула руку и указала внизъ, на долину.

«Онъ тамъ!»—тихо сказала она.

Іуда съ трепетомъ слѣдилъ за направленіемъ ея пальца. Но онъ ничего не увидѣлъ,—тамъ было только озеро, да густыя верхушки деревьевъ.

«Гдѣ?—спросилъ онъ.—Я его не вижу».

«Не видишь!—Она растерянно взглянула на него.—Нѣтъ, ты не видишь, но я,—я говорю тебѣ, что онъ тамъ—ищи, и ты найдешь его!»

Иуда простоялъ съ минуту въ нерѣшимости, затѣмъ заговорилъ, и голосъ его звучалъ почти кротко:

«Если ты знаешь его, почему жь ты не возлѣ него?»

Женщина отвѣчала, не поднимая глазъ:

«Я ему не нужна еще пока,—и я недостойна находиться при немъ постоянно. Но я возлѣ него,—я бодрствую—бодрствую!»

«Развѣ ему угрожаетъ опасность?»—спросилъ Иуда.

Женщина отвѣтила, какъ и раньше:

«Зло всегда подстерегаетъ, и никто не знаетъ, когда онъ придетъ. Поэтому лучше всего бодрствовать!»

Иуда смотрѣлъ на нее съ удивленіемъ. Но она приняла свою прежнюю позу, и лицо ея было обращено въ другую сторону. Съ минуту онъ ждалъ въ молчаніи, но такъ какъ она не шевелилась, онъ медленно отошелъ отъ нея.

Но когда онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, то услышалъ ея голосъ, остановился снова и оглянулся назадъ.

Она поднялась; маленькаго роста, тонкая и хрупкая, она носила, однако, на себѣ отпечатокъ бессознательной, горделивой граціи.

Проводя пальцами по щекамъ, она протянула руки къ Иудѣ. Глаза ея были устремлены на него съ застывшимъ мрачнымъ взглядомъ и словно не видѣли его.

«Когда ты его найдешь,—заговорила она,—скажи ему, что ты видѣлъ меня плачущей. Не говори ему, о чемъ я плакала!—прибавила она съ какой-то загадочной улыбкой,—нѣтъ, не говори ему, о чемъ!»

Затѣмъ она опустила руки и продолжала порывисто, нетерпѣливо:

«Иди теперь, оставь меня! Слышишь?»

И она сдѣлала рукой повелительный жестъ.

Иуда повернулся и продолжалъ свой путь.

«Она, навѣрно, бѣсноватая!»—подумалъ онъ и сталъ размышлять объ ея словахъ, въ которыхъ ему все-таки чудился таинственный смыслъ. Его преслѣдовала улыбка, съ какой она сказала: «Но не говори ему, о чемъ!» Что значили эти слова? Какъ странно было все это! И какъ это случилось, что никогда до тѣхъ поръ онъ ничего этого страннаго не встрѣчалъ въ своей жизни? Или, быть можетъ, онъ раньше не видѣлъ его,—быть можетъ, лишь теперь оно открылось его глазамъ? Онъ погрузился въ безпредметное раздумье, полусознательно идя въ указанномъ женщиной направленіи.

Вдругъ онъ почувствовалъ, что кто-то слегка тронулъ его за рукавъ. Онъ оглянулся—женщина шла за нимъ слѣдомъ и нагнала его, а онъ и не слышалъ ея шаговъ!

Все ея существо было теперь гораздо спокойнѣе, и прежнее растерянное выраженіе покинуло ея взоръ!

«Нѣтъ не сюда,—сказала она.—Подожди, и скажу тебѣ, гдѣ ты его найдешь. Спустись къ Капернауму, спроси домъ Симона рыбака и подожди тамъ,—онъ еще сегодня вечеромъ туда придетъ. Помни, что я тебѣ сказала: домъ Симона рыбака,—ты его легко найдешь! Сдѣлай, какъ я тебѣ говорю,—и не бойся! Прощай!»

Она кивнула ему съ улыбкой, въ которой промелькнулъ какъ бы отблескъ былого очарованія, и затѣмъ стала поспѣшно удаляться въ томъ же направленіи, откуда пришла!

Вскорѣ она исчезла за деревьями.

Иуда задумчиво смотрѣлъ ей вслѣдъ!

Домъ Симона стоялъ на окраинѣ города; онъ былъ окруженъ просторнымъ дворомъ, засаженнымъ деревьями, и выходилъ окнами на озеро.

Вечеромъ этого же дня на дворѣ собралась толпа мужчинъ и женщинъ; они сидѣли отдѣльными группами на травѣ и были заняты своею вечерней трапезой, бесѣдуя тихимъ, пониженнымъ голосомъ, словно боясь кому-то помѣшать. По внѣшности это были болѣею частью простые, бѣдные люди; но на всѣхъ лицахъ лежалъ своеобразный отпечатокъ напряженія и торжественнаго ожиданія. Солнечные лучи косо падали сквозь верхушки деревьевъ и играли на лужайкѣ, ибо солнце стояло уже низко, и небо начинало принимать на западѣ золотистый цвѣтъ.

Внутри дома самъ Иисусъ сидѣлъ за столомъ съ нѣкоторыми изъ своихъ учениковъ. По правую его сторону сидѣлъ хозяинъ дома, Симонъ или Петръ, какъ называлъ его обычно Иисусъ. Онъ былъ маленькаго роста, широкоплечій, съ лицомъ, казавшимся въ первую минуту некрасивымъ и незначительнымъ, но дѣлавшимся вскорѣ привлекательнымъ, благодаря энергичному, умному выраженію и открытому, чистосердечному взгляду. Когда же онъ смотрѣлъ на Иисуса, его лицо становилось почти прекрасно: такъ много свѣтилось въ немъ мужественной преданности и беззаветнаго довѣрія.

Рядомъ съ нимъ сидѣлъ его братъ Андрей, хотя и напоминавшій своими чертами брата, но не имѣвшій въ нихъ выраженія внутренняго спокойствія и равновѣсія, которое отличало того. Лицо у него было изнуренное и исхудалое, со спутанными волосами и бородой и съ чѣмъ-то тревожнымъ, ищущимъ во взорѣ. Онъ первый призналъ Иисуса Мессіей и привелъ къ нему

затѣмъ своего брата и нѣкоторыхъ другихъ изъ его первыхъ учениковъ. Тѣмъ не менѣе онъ не занималъ среди нихъ выдающагося мѣста. Душа его была способна къ мгновенно вспыхивающему энтузіазму, инстинктивно приводившему его къ истинѣ,—такъ, онъ былъ сначала страстнымъ приверженцемъ Іоанна Крестителя, но оставилъ его ради Іисуса, въ которомъ угадалъ болѣе великій, болѣе могучій умъ; но ему недоставало твердости и авторитетности, сдѣлавшихъ его брата по общему признанію первымъ среди учениковъ.

Еще трое сидѣли за столомъ. Сидѣвшій ближе къ Іисусу по другую сторону отличался нѣсколько отъ прочихъ своей осанкой и одеждой и принадлежалъ, повидимому, къ другому общественному слою; у него было тонкое, нѣжное лицо съ мечтательной складкой надъ глазами; это былъ Наанаанъ, тоже одинъ изъ первыхъ послѣдовавшихъ за Іисусомъ.

Возлѣ него сидѣлъ высокій, крѣпко сложенный человѣкъ съ густыми рыжими волосами и свѣтлымъ, беззаботнымъ лицомъ; что-то въ родѣ слѣпой собачьей преданности было во взорѣ, который онъ то и дѣло устремлялъ на Іисуса; когда же послѣдній заговаривалъ съ нимъ, онъ улыбался такъ, что бѣлые зубы сверкали. Наконецъ, пятый былъ почти юноша, съ чертами, имѣвшими нѣкоторое сходство съ Іисусомъ, — сходство, которое онъ, быть можетъ, намѣренно усиливалъ, вѣся, подобно ему, длинные волосы, спадавшіе на плечи. Его улыбка своей юношеской безпечностью напоминала нѣсколько рыжеволосаго, но во взглядѣ его было что-то отсутствующее, что-то восторженное, хотя и являвшееся выраженіемъ неопредѣленной, только еще пускавшей ростки мечтательной юности, но тежавшее вмѣстѣ съ тѣмъ и глубже: сѣмя. ко-

торое не должно было развѣяться подъ первымъ сильнымъ напоромъ жизненнаго вѣтра.

Это были братья Іаковъ и Іоаннь, сыновья рыбака Заведея.

За столомъ прислуживала жена Симона, маленькая, краснощекая женщина съ лицомъ, которое сіяло радушіемъ и доброжелательствомъ, а младшій изъ троихъ дѣтей, пятилѣтній карапузикъ, стоялъ возлѣ отца и разсматривалъ гостей спокойнымъ, наблюдательнымъ взоромъ.

Иисусъ кончилъ свою трапезу и сидѣлъ теперь, глядя въ открытую дверь на дворъ. Что-то тамъ привлекло, повидимому, его вниманіе, потому что онъ внезапно оборвалъ рѣчь среди бесѣды, и взоръ его принялъ отсутствующее, задумчивое выраженіе.

Другіе тоже умолкли, а Симонъ взглянулъ по направленію его взора.

«Что этотъ чужой человекъ, тотъ, что сидитъ тамъ у порога?»—спросилъ онъ жену.

«Я видѣлъ его здѣсь и тогда, когда мы пришли».

Жена стала возлѣ него, посмотрѣла и отвѣтила: «Не знаю, кто онъ; но онъ, навѣрно, издалека. Онъ пришелъ сюда нѣсколько часовъ тому назадъ и спросилъ, твой ли это домъ. Но не хотѣлъ ни войти, ни сказать, по какому онъ пришелъ дѣлу. Послѣ того я все время видѣла его возлѣ дома».

Иисусъ внимательно прислушивался къ ея словамъ. Онъ снова посмотрѣлъ въ ту сторону; лицо его внезапно просвѣтлѣло, и что-то блеснуло въ глазахъ.

Симонъ сдѣлалъ движеніе, чтобы встать. «Господи, можно ли ѣхать пойти переговорить съ этимъ человекомъ?»

Но Иисусъ удержалъ его, тронувъ его за руку.

«Нѣтъ, оставь его!—сказалъ онъ: — не ты ему нуженъ!»

И видя, что ученики устремили на него вопрошающий взоръ, онъ оглянулся, какъ бы ища какого-нибудь другого предмета для разговора.

На лицѣ его покоилось свѣтлое, счастливое выраженіе. Вдругъ взглядъ его упалъ на мальчика, стоявшаго возлѣ Симона. Онъ привлекъ его къ себѣ и поставилъ между своихъ колѣнъ. «До чего онъ похожъ на тебя, Симонъ!—сказалъ онъ и, потрепавъ ребенка по щекѣ, продолжалъ, обращаясь къ нему:—Скажи, ты тоже будешь твердъ, какъ камень, да?»

И онъ съ улыбкой взглянулъ на Симона, который густо покраснѣлъ.

.....
Чужой человѣкъ на дворѣ былъ Іуда. Онъ сидѣлъ отдѣльно отъ всѣхъ другихъ, совсѣмъ близко къ растворенной двери, такъ что могъ слышать голоса находившихся въ домѣ, порой даже различалъ произносимыя ими слова. Но онъ сидѣлъ, отвернувшись отъ нихъ, и ни разу не заглянулъ въ дверь.

Найдя домъ Симона, онъ долго и тревожно бродилъ вокругъ него, въ надеждѣ, что сюда придетъ Іисусъ,—преисполненный одной-единственной мыслью, что вотъ онъ вновь увидитъ его. Наконецъ, прождавъ нѣсколько часовъ, онъ увидѣлъ кучку людей, шедшихъ вдали, по дорогѣ, и взоръ его, точно притянутый магнитомъ, сразу остановился на одной изъ бывшихъ впереди фигуръ. Это былъ онъ,—Іуда зналъ это прежде еще, чѣмъ могъ различить черты его лица. Чувство счастья, такого глубокаго, такого безмѣрнаго, какого онъ никогда до тѣхъ поръ не испытывалъ, заставило биться его сердце, и кровь мгновенно бросилась ему въ голову. Поспѣшно, повинувшись инстинктивному побужденію, онъ примкнулъ къ маленькой кучкѣ женщинъ и стариковъ, стоявшихъ въ ожиданіи предъ домою Симона, помѣстился позади всѣхъ.

такъ что другіе почти совсѣмъ заслонили его, но въ то же самое время думалъ: «Онъ увидитъ меня, онъ узнаетъ меня,—и тогда...» Голова у него закружилась. Съ затуманеннымъ взоромъ смотрѣлъ онъ на приближеніе группы—онъ не могъ уже отчетливо различить фигуру Іисуса. Чѣмъ болѣе онъ приближался, тѣмъ менѣе дѣйствительнымъ, скорѣй похожимъ на видѣніе казался онъ ему. У него было такое чувство, точно на него устремлены тысячи горящихъ взоровъ, и была минута, когда его охватило трусливое желаніе обратиться въ бѣгство. Но въ то же время у него было смутное сознаніе, что онъ стоитъ здѣсь, предызбранный для счастья, безконечно превышающаго все то, о чемъ кто-либо изъ окружавшихъ его могъ хотя бы только догадываться, что между нимъ и пророкомъ существуетъ сокровенная, непостижимая связь, о которой никто не знаетъ. Онъ не гордился этимъ, а только былъ потрясенъ до самыхъ нѣдръ своего существа.

Группа приближалась все болѣе и болѣе; вскорѣ идущіе были уже такъ близко, что Іуда могъ слышать звукъ ихъ голосовъ. Тогда онъ закрылъ глаза и сталъ ждать чуда, которое должно было теперь совершиться. Прошло нѣсколько минутъ, показавшихся ему безконечно долгими; онъ слышалъ какъ будто въ отдаленіи гулъ голосовъ и легкой шелестъ вѣтерка въ верхушкахъ деревьевъ; тогда вдругъ его объялъ пробуждающійся страхъ; онъ открылъ глаза и посмотрѣлъ вокругъ. Онъ былъ одинъ; всѣ другіе вошли во дворъ, и онъ не могъ уже разглядѣть фигуры Іисуса.

Онъ точно очнулся внезапно отъ блаженнаго сна, точно упалъ въ бездну съ высокой вершины. Глубокая грусть наполнила его душу, и къ ней примѣшивалась горечь укоризны. Онъ думалъ: «пойду къ нему и скажу: Господи это я,—

ты развѣ не узнаешь меня?» Онъ уцѣпился за эту мысль съ жаромъ человѣка, ищущаго утѣшенія, и поспѣшно вошелъ во дворъ.

Но, дойдя до двери, онъ остановился, охваченный внезапнымъ уныніемъ, и сѣлъ у порога, не бросивъ даже ни одного взгляда внутрь дома.

Онъ слышалъ ихъ голоса, но не пытался понять, о чемъ они говорили, жорѣ избѣгалъ этого съ инстинктивной досадой; одинъ разъ ему послышался смѣхъ,—и онъ преисполнился удивленія и горечи. Такъ вотъ какова дѣйствительность, вотъ то, къ чему онъ стремился и чего такъ ждалъ! Онъ увидѣлъ предъ собой образъ Иисуса, какимъ онъ видѣлъ его въ то утро въ пустынѣ, когда онъ сказалъ ему: «Помни, Иуда, ты не долженъ ненавидѣть!»

«Можетъ быть, я его ненавижу!» — подумалъ онъ, но слова эти безъ всякаго смысла прозвучали въ его ушахъ. «Нѣтъ,—подумалъ онъ: я не ненавижу его, но лучше было бы мнѣ никогда не приходить сюда!»

Онъ обвелъ взглядомъ толпу, находившуюся возлѣ него, недоумѣвая предъ свѣтлымъ, счастливымъ выраженіемъ на всѣхъ этихъ лицахъ. «Чему это они радуются?»—подумалъ онъ не то съ презрѣніемъ, не то съ горькой тоской. Онъ видѣлъ густолиственные вѣтви деревьевъ и мягкія очертанія горъ на фонѣ неба, пламенѣвшаго отблескомъ заката. Струи теплаго, крѣпкаго благоуханія неслись въ воздухъ и ударили въ голову Иудѣ, почти опьяняя его. И онъ мучительно чувствовалъ, что глубокая пропасть лежитъ между нимъ и всѣмъ тѣмъ, что его окружаетъ; онъ сознавалъ себя совершенно чужимъ здѣсь, какимъ-то отверженцемъ и изгоемъ. Что-то жестокое проникло въ его душу; онъ всталъ и отошелъ отъ дома.

Проходя мимо группы женщинъ, онъ увидалъ среди нихъ и ту, съ которой разговаривалъ

на горѣ. Онъ послѣшно отвернулся, сгорая отъ стыда, и ускорилъ свои шаги. «Уйду отсюда,—уйду!»—думалъ онъ почти со страхомъ.

Въ воротахъ стоялъ человекъ, погруженный въ глубокое раздумье, съ тревожнымъ и измученнымъ выраженіемъ на лицѣ. Иуда сначала прошелъ мимо него, но потомъ остановился и повернулъ назадъ.

«Кто эта женщина?»—рѣзко спросилъ онъ.

Тотъ вздрогнулъ и разсѣянно взглянулъ на него.

«О комъ ты говоришь?»

Увидавъ женщину, онъ отвѣтилъ:

«Это Марія, называемая Магдалина,—ты развѣ не знаешь?»

«Но кто она? Что она тутъ дѣлаетъ?»—продолжалъ Иуда въ томъ же тонѣ.

«Она слѣдуетъ за тѣмъ, за кѣмъ слѣдуемъ мы всѣ!—отвѣтилъ тотъ.— Она была грѣшницей, но онъ очистилъ ее; она была одержима злыми духами, но онъ изгналъ ихъ изъ нея».

Послѣднія слова онъ произнесъ совсѣмъ тихо и остановилъ на Иудѣ внимательный, вопрошающій взглядъ, какъ бы желая уловить впечатлѣніе, которое они на него произведутъ. Съ минуту Иуда стоялъ молча, потомъ сталъ спрашивать дальше: «А кто же ты?»

Тотъ выпрямился, и взоръ его сдѣлался гордымъ и смѣлымъ.

«Я — *Томма*, ученикъ Учителя».

Иуда сумрачно взглянулъ на него, повернулся и пошелъ. Онъ шелъ медленной, тяжелой поступью, не глядя предъ собой, не обращая вниманія на то, куда онъ идетъ. Свѣтъ на небѣ погасъ, и стало быстро темнѣть. Во дворахъ воцарилась безмолвіе и тишина; двери домовъ стали запирались. Лишь изрѣдка встрѣчалъ Иуда какого-нибудь запоздалаго путника; онъ видѣлъ все точно во снѣ и шелъ все впередъ и

впередъ, точно двигаясь помимо своей воли. Вдругъ онъ остановился, осмотрѣлся вокругъ, чтобы удостовѣриться въ томъ, что онъ одинъ, и повернулъ затѣмъ обратно, влекомый силой, бороться съ которой онъ не могъ.

Онъ шелъ безостановочно, пока не очутился вновь у дома Симона. Здѣсь тоже было теперь тихо, на дворѣ не было никого, но дверь все еще оставалась полуотворенной.

Онъ устремилъ на нее взоръ и стоялъ неподвижно, застывъ въ ожиданіи. Но все было безмолвно, ни одинъ листочекъ не шелестѣлъ. И дрожащимъ голосомъ сталъ Іуда повторять про себя: «Онъ меня не видалъ, онъ меня не видалъ!»

Что-то точно порвалось внутри него; онъ прислонился къ дереву и заплакалъ.

Это было первый разъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ себя помнилъ. Онъ плакалъ долго и бурно, не стыдясь своихъ слезъ и не имѣя силы удержать ихъ; боль облегчилась, и спокойнѣй стало у него на сердцѣ.

Вдругъ онъ вздрогнулъ. Онъ услыхалъ позади себя шаги, и чья-то рука тихо опустилась на его плечо. Весь затрепетавъ, онъ обернулся. Возлѣ него стоялъ Іисусъ и смотрѣлъ ему въ лицо привѣтливимъ, вопрошающимъ взглядомъ. «Здравствуй, Іуда! — сказалъ онъ: — Я тебя ждалъ». Іуда взглянулъ на него расширенными глазками. Губы его зашевелились и, двинувшись на одинъ шагъ впередъ, онъ едва удержался на ногахъ. Затѣмъ онъ склонился, схватилъ руку Іисуса и запечатлѣлъ на ней страстный поцѣлуй. «Господь мой, я люблю тебя!» — прошепталъ онъ

Такъ сдѣлался Іуда однимъ изъ учениковъ Іисуса.

.....
 Теперь насталь для него періодъ счастья, періодъ, во время котораго его душа безъ раздумья и сомнѣній отдыхала среди того спокойствія, которое разливалось вокругъ себя существо Іисуса, и которое сообщалось всѣмъ, кто его окружалъ. Въ немъ было освобождающее духъ сознаніе, что другой, болѣе сильный, взялъ теперь въ свои руки его судьбу и ведетъ ее впередъ въ свѣтлой, прекрасной цѣли, между тѣмъ какъ его собственная задача состоитъ только въ томъ, чтобы слѣдовать за нимъ съ упованіемъ и слѣпой вѣрой. Ему казалось, что онъ утратилъ совершенно собственную волю, утратилъ всякую способность домогаться чего-либо ради самого себя, и онъ былъ счастливъ этимъ.

Такъ, мало-по-малу, сдѣлался онъ участникомъ Іисусова ученія, которое воспринималъ, не раздумывая надъ нимъ, не имѣя, въ сущности, о немъ яснаго понятія. Онъ сидѣлъ въ кругу учениковъ и, подобно имъ, внималъ словамъ Учителя, смотрѣлъ на него и думалъ: «Да, это правда, все это правда!»—но что собственно было правда, этого онъ не могъ бы объяснить. Не столько смыслъ словъ, сколько почти исключительно звукъ ихъ наполнялъ его удовлетвореніемъ, такъ что на душѣ у него становилось свѣтло и легко, и онъ не уставалъ повторять себѣ: «Я вѣрю,—да, я вѣрю!»—не стараясь

выяснить себѣ, во что же онъ вѣрить. Въ сущности, ученіе было для него ничто; все сосредоточивалось въ личности.

Но если бы его спросили, что именно въ личности Иисуса производитъ на него такое обаяніе, онъ не могъ бы на это отвѣтить. Онъ зналъ только, что, если ему случалось быть далеко отъ него, онъ испытывалъ какую-то неопредѣленную тоску, чувство пустоты и унынія, и тогда осаждали его тягостныя воспоминанія о тѣхъ часахъ, когда онъ видѣлъ Иисуса занятымъ мелкими насущными заботами и дѣлами,—воспоминанія, отъ которыхъ онъ могъ избавиться, лишь вызвавъ въ своей мысли его образъ, какимъ онъ явился ему въ пустынѣ; но — что стоило ему только вновь увидѣть его, встрѣтиться съ нимъ взглядомъ, и эти воспоминанія исчезали, подобно обманчивымъ тучамъ, или же превращались въ свѣтлыя, блестящія, пронизанныя солнцемъ облака.

Онъ видѣлъ, какъ дни проходили за днями, полные солнечнаго сіянія, теплаго вѣянія вѣтра, шелеста деревьевъ и плеска волнъ о берегъ, и съ недоумѣніемъ обращался мыслями къ своей прежней жизни: «Для чего онъ работалъ,—чего онъ хотѣлъ,—къ чему стремился?» Теперь онъ того уже не зналъ. Вечеромъ онъ засыпалъ усталый, словно послѣ счастливаго рабочаго дня, утромъ просыпался съ радостнымъ сознаніемъ обновленной силы, а между тѣмъ и тѣло его и душа находились въ состояніи постояннаго покоя.

Съ другими учениками у него не установилось болѣе близкихъ отношеній. Какъ онъ пришелъ къ нимъ чужимъ, такъ чужимъ и остался. Оттого ли, что онъ не былъ галилеяниномъ, какъ они, или причина этого лежала глубже? Порой онъ задумывался надъ этимъ, ибо горько чувствовалъ, что всѣ его попытки сблизиться съ нимъ

разбивались о скрытое, но непреодолимое недо-
вѣріе. Въ особенности къ одному изъ нихъ влекла
его это — время не столько симпатія, сколько
смутная потребность въ опорѣ. Ученикъ этотъ
былъ Симонъ-Петръ, и, несмотря на то, что въ
отношеніи къ нему тотъ проявлялъ если не холод-
ность, то лишь сдержанную принужденную
привѣтливость, это не отталкивало отъ него
Иуду, и онъ постоянно держался возлѣ него,
съ слабой надеждой, путемъ терпѣливаго вѣ-
ржданія, снискать, въ концѣ-концовъ, его довѣріе.
Къ другому изъ учениковъ, Томѣ, тому, съ ко-
торымъ онъ разговаривалъ въ воротахъ, онъ
чувствовалъ, напротивъ, непонятную, необъяс-
нимую для него самого, непріязнь, близкую къ
страху. А между тѣмъ онъ единственный изъ
асѣхъ добровольно съ нимъ сходилъ и выка-
зывалъ ему непритворное расположеніе. Въ егъ
природѣ было что-то застѣнчивое, почти стыдли-
вое, а въ его подвижномъ, выразительномъ лицѣ,
дававшемъ все, что въ его душѣ происходило,
не взя было найти ничего, что могло бы вызвать
недовѣріе. Тѣмъ не менѣе Иуда инстинктивно
ислѣдовалъ его, но украдкой съ любопытствомъ
наблюдалъ за нимъ; онъ видѣлъ, что Іисусъ
часто и подолгу бесѣдуетъ съ нимъ съ глазу на
глазь, и мучился тогда мыслью: «О чемъ это
они говорятъ?»

Самъ Іисусъ какъ будто не дѣлалъ различія
между Иудой и остальными учениками, его на-
ружное обращеніе какъ съ нимъ, такъ и съ
другими было совершенно одинаково. И все
же Иуда чувствовалъ, что различіе есть. Ему
казалось, что взглядъ Іисуса, когда онъ устре-
мленъ на него, имѣетъ иное выраженіе, чѣмъ
когда онъ покоится на другихъ ученикахъ, что
онъ становится тогда въ одно и то же время
болѣе теплымъ, и болѣе глубокимъ, и менѣе яс-
нымъ, что въ своемъ обхожденіи съ нимъ

Иисусъ какъ будто указываетъ на тайную связь между ними, изъ которой другіе исключены. Онъ рѣдко говорилъ съ нимъ наединѣ, не отличалъ его какимъ-либо особымъ довѣріемъ, какъ Петра, а также Іакова и Іоанна, и все-такъ Іуда не чувствовалъ себя обойденнымъ, не испытывалъ зависти къ нимъ. Одно какое-нибудь ласковое слово, одинъ неожиданный взглядъ вознаграждали его за все это и наполняли его радостью, а вмѣстѣ съ тѣмъ неопредѣленной, не вполне пробудившейся тревогой. Порой ему казалось, что Иисусъ отъ него чего-то ждетъ.

И то же чувство внушало ему еще другое существо, вблизи котораго онъ ежедневно находился. То была Марія Магдалина. Онъ ни разу не разговаривалъ съ ней послѣ того дня, на вершинѣ горы. Онъ и ее избѣгалъ, но не по той причинѣ, по какой избѣгалъ Фому. Не страхъ и неприязнь внушала она ему, а чувство тайнаго родства, и вмѣстѣ съ тѣмъ невольную робость. Онъ думалъ: «Зачѣмъ мнѣ говорить съ ней, зачѣмъ къ ней подходить?—мы все равно понимаемъ другъ друга».

Часто вспоминалъ онъ ея темный намекъ на грозящую Иисусу опасность, и тогда еще сильнѣе чувствовалъ эти связующія звенья между ними, находилъ тогда сходство въ ихъ обоюдныхъ отношеніяхъ къ Учителю. Онъ недоумѣвалъ, что могутъ означать эти слова, но не хотѣлъ, однако, получить ихъ объясненіе. Слова же, произнесенныя ею, когда она повернулась къ нему, показывая ему свои слезы, тоже часто мелькали въ его мысляхъ, но соединенныя съ какой-то странной, глухой болью.

Какъ и онъ, она держалась особнякомъ, и рѣдко видѣлъ онъ, чтобы она разговаривала съ другими. Ему казалось даже, что она ему благодарна за то, что онъ не старается приблизиться къ ней; но взоры ихъ часто встрѣчались, и тогда

ея взглядъ всегда бывалъ привѣтливый и какъ бы ободряющій. Лишь порой вселялъ онъ въ него смутную тревогу, точно призывая его къ чему-то, чего онъ не понималъ; порой же онъ находилъ въ немъ какое-то восторженное выраженіе, отъ котораго ему тѣснило грудь.

Такъ прошло нѣкоторое время, и тайная неприязнь другихъ учениковъ къ Іудѣ постепенно смягчилась и сгладилась подъ незамѣтнымъ вліяніемъ Іисуса и благодаря силѣ привычки. Онъ былъ теперь окончательно принятъ въ ихъ маленькую общину,—больше того, былъ однимъ изъ двѣнадцати, стоявшихъ всего ближе къ Іисусу и имъ самимъ избранныхъ въ апостолы. И все это время онъ былъ счастливъ; одно только нарушало его покой: это чувство, становившееся все сильнѣе, что Іисусъ отъ него чего-то ждетъ, и часто спрашивалъ онъ себя съ мучительной тревогой: «Чего же ждетъ онъ? Боже мой, чего это онъ ждетъ?»

ХІ.

Въ теченіе этого времени Иисусъ странствовалъ со своими учениками по берегамъ Генисарета. Затѣмъ они возвратились въ Капернаумъ, гдѣ Иисусъ, какъ и прежде, былъ гостемъ Симона.

Однажды утромъ, войдя во дворъ Симонова дома, Іуда увидаль тамъ нѣсколько постороннихъ, хотя и совершенно незнакомыхъ ему, но тѣмъ не менѣе, возбуждившихъ въ немъ своимъ видомъ чувство чего-то уже пережитого. Одѣты они были крайне просто, почти бѣдно, съ явнымъ пренебреженіемъ къ внѣшности, и лица ихъ носили отпечатокъ строгой, сдержанной скорби.

Нѣкоторые изъ учениковъ Иисуса тоже собрались здѣсь; они казались взволнованными и стояли отдѣльными группами, шопотомъ переговаривались между собой. Только Андрей, братъ Симона, стоялъ поодаль, и на лицѣ его было какое же выраженіе, какъ у незнакомцевъ. Іуда обратился къ нему и спросилъ, кто эти люди.

Не отрывая глазъ отъ земли, Андрей отвѣтилъ: «Ученики Іоанна Крестителя». И послѣ минутнаго молчанія онъ продолжалъ глухимъ голосомъ: «Іоаннь умеръ!»

Съ чувствомъ досады услыхаль Іуда имя Іоанна,—той досады, которую мы испытываемъ при напомниманіи о томъ, что считали навсегда погребеннымъ. Но при послѣднихъ словахъ онъ исполнился въ первое мгновеніе тайной радости и съ недоумѣніемъ взглянулъ на Андрея. «Неужели онъ скорбитъ о томъ, что умеръ Іоаннь? Кто такое Іоаннь, чтобы его оплакивать?» Но затѣмъ это чувство встревожило его и, невольно противорѣча себѣ, онъ задалъ себѣ вопросъ, почему же онъ-то радуется этому.

«Иоаннь умеръ?»— машинально повторилъ онъ.
«Да, — отвѣтилъ Андрей все такъ же глухо.—
Иродъ умертвилъ его, — умертвилъ его въ тем-
ницѣ!»

Какое-то самообвиненіе, чуть ли не раскаяніе
было въ его голосѣ, а также и во взорѣ, который
онъ поднималъ теперь отъ земли и невольно устре-
милъ на дверь Симонова дома. Въ ту же минуту
онъ сдѣлалъ движеніе, точно хотѣлъ отшатнуться,
но удержался, пугливо скользнулъ взоромъ въ
сторону и поспѣшно оставилъ дворъ.

Иуда съ удивленіемъ смотрѣлъ ему вслѣдъ.
Его беспокоило поведеніе Андрея; зловѣщее
предчувствіе овладѣло имъ.

«Иоаннь умеръ! — подумалъ онъ. — Что это
значить?»

Углубившись въ свои мысли, онъ обернулся.
Вдругъ онъ увидѣлъ на порогѣ дома Иисуса
вмѣстѣ съ обоими братьями, Іаковомъ и Иоан-
номъ. Онъ казался печальнымъ и удрученнымъ,
и во взорѣ его не было обычнаго блеска. Но
этого Иуда не видалъ. Онъ видѣлъ только, какъ
солнце сіяло на его свѣтлой одеждѣ; одно мгно-
веніе онъ остановилъ вниманіе на Іаковѣ, кото-
рый съ жаромъ что-то говорилъ и улыбался,
обнажая бѣлые зубы, но затѣмъ снова предъ
его глазами остался только освѣщенный солн-
цемъ образъ Иисуса, и точно стараясь разрѣшить
какую-то загадку, онъ сталъ про себя повто-
рять: «Неужели умеръ Иоаннь?»

* * *

Спустя нѣсколько дней Иисусъ покинулъ Ка-
пернаумъ и переѣхалъ по Галилейскому морю въ
пустынную мѣстность вблизи города Вивсаиды.
За нимъ послѣдовали ученики и большая толпа
народа, но онъ держался вдалекѣ отъ нихъ и дол-
гіе часы проводилъ одинъ въ горахъ. Никто

не зная, что происходитъ въ немъ, и никто не рѣшался его спросить, даже столь смѣлый обыкновенно на языкъ Симонъ; но туча, лежавшая на его челѣ, бросала свою тѣнь и на толпу учениковъ.

Разъ вечеромъ они расположились вокругъ костра, разведеннаго пастухами на склонѣ горы, ибо хотя ранніе весенніе дни были уже теплы, заходящее солнце уносило съ собою тепло, и кромѣ того теперь, на закатѣ, дулъ свѣжій вѣтеръ. Большой, пылающій костеръ, вспыхивая, освѣщаль сидящія или лежащія фигуры пастуховъ, закутанныхъ въ грубыя овчины и спавшихъ глубокимъ, беззаботнымъ сномъ, и учениковъ, которые по большей части еще сидѣли и бодрствовали, но хранили молчаніе, погружаясь каждый въ свои собственныя мысли. Съ самаго полудня Иисусъ не показывался среди нихъ; Симонъ и Іоаннъ ходили искать его и недавно вернулись послѣ тщетныхъ поисковъ. Теперь они сидѣли всѣхъ ближе къ огню, чтобы согрѣться.

Нѣсколько поодаль отъ огня лежалъ на спинѣ Іаковъ, уставившись глазами въ небесный сводъ, на которомъ мерцали и сверкали звѣзды. Онъ привыкъ даже холодныя ночи проводить подъ открытымъ небомъ и пренебрегалъ тепломъ, исходящимъ отъ костра. Онъ пѣлъ вполголоса пѣсню, которой когда-то научился отъ одной эллинской дѣвушки и которая теперь внезапно пришла ему на память.

Рядомъ съ нимъ сидѣлъ Андрей и кутался въ свой плащъ. Онъ зябъ, повидимому, но тѣмъ не менѣе не придвигался ближе къ огню. По временамъ онъ прислушивался къ пѣснѣ Іакова, но, очевидно, ему стоило большихъ усилій приковать къ ней свое вниманіе. Онъ мучительно чувствовалъ на себѣ чей-то настойчивый взглядъ; пытался забыть объ этомъ, но не могъ; наконецъ, онъ повернулъ голову и, разгнѣванно

вскинувъ глаза, встрѣтился съ этимъ упорнымъ взглядомъ, какъ будто хотѣвшимъ проникнуть въ его душу.

Иуда—ибо это онъ смотрѣлъ на него—медленно, но безъ замѣшательства отвелъ отъ него свой взоръ. Онъ сидѣлъ одинъ, внѣ общаго круга. Однако же его глаза совсѣмъ машинально покоились на Андреѣ,—лишь теперь онъ спохватился, что такъ упорно смотрѣлъ на него, и съ недоумѣніемъ задалъ себѣ вопросъ: «Ужъ не думаетъ ли онъ объ Иоаннѣ, который умеръ? И почему льнетъ онъ къ Іакову? Эти дни я постоянно видѣлъ ихъ вмѣстѣ».

«А что же я самъ?—думалъ онъ дальше.—Почему мои мысли то и дѣло возвращаются къ Иоанну? Къ Иоанну, котораго я забылъ! Быть-можетъ, это духъ его меня преслѣдуетъ за то, что я...» Съ содроганіемъ оборвалъ онъ нить своихъ мыслей.

Съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ онъ попалъ сюда, въ эту мѣстность, своей голой пустынностью напоминавшую виды Іудеи, онъ находился въ какомъ-то странномъ настроеніи. Ему казалось, будто онъ очнулся отъ грезъ; но не вернулся еще къ дѣйствительности, витая между бодрствованіемъ и сномъ. Мысли его были печальны и унылы, и часто пробирала его невольная дрожь.

Онъ услыхалъ бляніе козъ въ загонѣ и съ смутнымъ чувствомъ зависти взглянулъ на спящихъ пастуховъ. Затѣмъ онъ посмотрѣлъ на учениковъ Іисуса и подумалъ: «А они—вѣдь и они тоже счастливы?» И вмѣстѣ съ тѣмъ воспоминаніе о томъ времени, которое протекло съ тѣхъ поръ, какъ онъ разыскалъ Іисуса, съ такой удивительной ясностью и живостью нахлынуло на него, что онъ испугался, видя въ этомъ какъ бы предвѣстіе того, что это время навсегда миновало, и что для него начинается иная пора. Онъ сталъ озираться, думая съ тоской: «Гдѣ же онъ?...

Почему онъ не идетъ?... Быть можетъ, я никогда больше не увижу его!»

Эта мысль была для него такъ нестерпима, что онъ поднялся, принявъ рѣшеніе пойти искать Иисуса и не прекращать своихъ поисковъ, пока его не найдетъ.

Но, пройдя нѣсколько шаговъ, онъ вдругъ остановился. Онъ различилъ въ темнотѣ фигуру, шедшую навстрѣчу ему. Это была женщина; хотя онъ не могъ разглядѣть ея лица, все же онъ сразу узналъ Марію Магдалину.

«Она искала его, видѣла его, быть можетъ!» — тотчасъ же пронеслось у него въ головѣ, и онъ повернулъ назадъ, самъ не зная почему, и легъ на свое прежнее мѣсто. Какое-то тупое равнодушіе нашло на него; онъ отвернулся отъ огня, закрылъ глаза и вскорѣ заснулъ.

Станный ему приснился сонъ. Что-то темное было возлѣ него. Онъ взглянулъ и увидѣлъ у себя въ головахъ чей-то высокій, нечеловѣчeskій обликъ, своею тѣнью заслонившій свѣтъ отъ его взоровъ. Онъ стоялъ неподвижно, словно въ спокойномъ ожиданіи, и смотрѣлъ на него со скорбнымъ призывомъ; а между тѣмъ изъ его очей не проникало взора, это былъ зрячій слѣпакъ, — и, не будучи въ силахъ ему противиться, Иуда впился въ его загадочную глубину.

Онъ очнулся совершенно внезапно, — одно мгновеніе сонъ смутно носился передъ нимъ, потомъ безслѣдно исчезъ изъ его памяти. «Это бѣсъ меня душилъ», — подумалъ онъ и снова забылся на минуту, но затѣмъ приподнялся и сѣлъ, на этотъ разъ совсѣмъ уже проснувшись. Его душу наполнило одно воспоминаніе, воспоминаніе о той ночи, которую онъ провелъ въ пустынѣ вмѣстѣ съ Иисусомъ.

На востокѣ небо начинало алѣть, предвѣщая появленіе солнца. «Точно такъ же было и тогда, когда я проснулся!» — подумалъ Иуда, и это со

впаденіе глубоко поразило его. Имъ овладѣло предчувствіе, что этотъ день будетъ для него почему-то рѣшающимъ.

Онъ обвелъ взглядомъ кучку людей, спавшихъ вокругъ погасшаго и почернѣвшаго костра. Между ними онъ увидаль и фигуру Маріи; она тогда казалась погруженной въ глубокой сонъ. На минуту его взоръ остановился на ней,—затѣмъ онъ отвернулся съ чувствомъ, похожимъ на прощаніе, и сталъ удаляться медленнымъ шагомъ.

Все ярче разгорался багрянецъ на ожидавшемъ солнца небѣ, а на восточномъ краю горизонта собирались легніе, мгlistые туманы, проводившіе по прозрачному воздуху болѣе густыя, алыя полосы. Слабый свѣтъ разлился по окрестности, ночной вѣтеръ стихъ, и вся природа точно съ удивленіемъ готовилась къ встрѣчѣ солнца.

Но Іуда шелъ впередъ съ опущеннымъ взоромъ, не обращая вниманія на разсвѣтъ. «Только бы мнѣ поскорѣе найти его!»—была его единственная мысль.

Запылала одна высокая вершина, а за ней цѣлый рядъ другихъ, свѣтъ сталъ все ниже и ниже спускаться со склоновъ горъ,—но въ самомъ низу, въ глубокой котловинѣ Генисаретскаго озера, лежала совсѣмъ черная, непроницаемая гладь, а на другомъ берегу, на поросшихъ кустарникомъ откосахъ, еще покоились густыя тѣни. И вотъ среди тумановъ возшло солнце, громадное и пурпурное, и весь ландшафтъ предсталъ въ лучезарномъ, волшебномъ сіяніи; но туманы растаяли, вмѣстѣ съ ними исчезло очарованіе первой минуты, и при трезвомъ свѣтѣ дня кругомъ оказалась голая и угрюмая пустыня.

Тогда только Іуда поднялъ глаза; эта угрюмость благотворно подѣйствовала на его душу, укрѣпляя намѣреніе, созрѣвшее въ его груди

И вдругъ онъ увидаль недалеко отъ себя Иисуса и остановился, вперивъ въ него пристальный взоръ.

Иисусъ стояль на вершинѣ холма; онъ отираль себѣ чело; станъ его нѣсколько согнулся, и онъ тяжело опирался на посохъ, какъ бы изнеможенный послѣ труднаго странствія. Онъ окинулъ глазами Генисареть и противоположный берегъ, затѣмъ мало-по-малу выпрямился и легкой поступью сталъ спускаться внизъ, по направленію къ Іудѣ.

Тотъ смотрѣль, какъ онъ идетъ, и ждалъ, но безъ тревоги. Онъ находился въ какомъ-то странномъ состояніи ясновидѣнія, обостренной душевной воспріимчивости. Съ первой минуты, какъ онъ увидѣль Иисуса, онъ сказалъ себѣ, что въ учителѣ произошла какая-то перемѣна, что онъ уже не тотъ человѣкъ, за которымъ онъ слѣдовалъ и котораго любилъ. Однако постепенно, до мѣрѣ того, какъ Иисусъ приближался, это впечатлѣніе разсѣялось, и вмѣсто этого Іудѣ стало ясно, что измѣнились его собственныя чувства, что они не были уже такъ свѣтлы и такъ счастливы, какъ прежде, а сдѣлались глубже и задушевнѣй. Онъ видѣль велѣніе во взорѣ Иисуса, и ему казалось, что теперь онъ понимаетъ его.

Иисусъ его замѣтилъ и сдѣлалъ ему знакъ пойти. Онъ былъ блѣденъ и утомленъ, но съ радостной и свѣтлой улыбкой слѣдилъ за приближеніемъ къ нему Іуды.

«Это ты, Іуда?—сказаль онъ.—Какъ ты рано проснулся! Отчего ты не спишь?»

Іуда посмотрѣль на него и отвѣтилъ:

«Господи, а ты почему не спишь?—Онъ видѣль, какъ гѣнь пробѣжала по лицу Иисуса, и, устыдившись своей смѣлости, поспѣшно продолжалъ:—Мы долго ждали тебя! Отчего ты не былъ съ нами?»

Иисусъ тѣмъ временемъ продолжалъ свой путь, и Іуда слѣдовалъ за нимъ. Но при этомъ вопросѣ онъ остановился и, не прерывая молчанія, пытливо взглянулъ на Іуду, какъ бы взвѣсивая свой отвѣтъ.

Тогда Іуда ощутилъ внезапную боль; ему показалось, что между ними стоитъ раздѣляющая ихъ преграда. И съ внезапнымъ порывомъ онъ палъ ницъ предъ Иисусомъ и обѣими руками ухватился за его плащъ, какъ бы стараясь удержать его.

«Господи!—воскликнулъ онъ:—я люблю тебя и ничего не могу для тебя сдѣлать! Съ самой первой минуты, какъ я увидѣлъ тебя, я тебя полюбилъ; ты не знаешь, что я выстрадалъ въ то время, когда былъ разлученъ съ тобой; ты постоянно былъ въ моихъ мысляхъ, и я не имѣлъ покоя, пока не нашелъ тебя вновь!»

Иисусъ взялъ его за руки и поднялъ его съ земли

«О чемъ говоришь ты?—сказалъ онъ.—Я не думалъ удалять тебя отъ себя!»

Іуда, заикаясь, горячо продолжалъ:

«Но мнѣ хочется что-нибудь сдѣлать для тебя! Я знаю, ты ждалъ этого,—я видѣлъ это въ твоихъ глазахъ. Отвѣтъ же мнѣ, просвѣти меня! Моя жизнь принадлежитъ тебѣ,—возьми ее, Господи, возьми ее».

Онъ весь дрожалъ отъ волненія и, рыдая, закрылъ руками лицо.

«Я взялъ твою жизнь, Іуда,—кротко отвѣтилъ Иисусъ.—Но не такъ, какъ ты разумѣешь. Что могъ бы ты сдѣлать для меня? Отдай моему дѣлу свою вѣру и любовь, и ты дашь мнѣ все. Все, что ты сдѣлаешь изъ любви, будетъ сдѣлано тобой для меня.»

Іуда стоялъ передъ нимъ съ поникшей головой. Въ немъ шла бурная борьба, борьба чувствъ и мыслей, для которыхъ онъ не могъ найти словъ

и выражений. Онъ могъ только настойчиво повторять:

«Нѣтъ, Господи! Я тебя люблю,—одного тебя,—для тебя одного хочу я это сдѣлать».

Онъ смолкъ на минуту и затѣмъ сказалъ.

«Я хотѣлъ бы, чтобы тебѣ угрожала какая-нибудь опасность, такъ что я могъ бы отдать свою жизнь за тебя!»

Иисусъ улыбнулся загадочной улыбкой.

«Можетъ статься, такъ это и будетъ! — сказалъ онъ. — Но до тѣхъ поръ ты не долженъ пренебрегать счастьемъ; кто презираетъ радость, не имѣетъ силъ переносить скорбь. А намъ всѣмъ понадобятся силы; будемъ поэтому радоваться, пока еще есть время».

Онъ взглянулъ въ сторону Генисарета, струи котораго теперь искрились на солнцѣ; болѣзненная судорога промелькнула вокругъ его рта, и онъ снова обратился къ Іудѣ:

«Пойдемъ! Намъ надо вернуться въ Капернаумъ!»

При этомъ имени Іуда вздрогнулъ, и взоръ его потемнѣлъ. «Въ Капернаумъ!»—беззвучно повторилъ онъ.

Иисусъ взглянулъ на него, какъ бы понявъ его мысль.

«Да,—отвѣтилъ онъ:—ты развѣ боишься?»

Но Іуда потушилъ взоръ, трепеща предъ властью Учителя читать въ его душѣ.

Ибо онъ боялся возвращенія въ Капернаумъ. Почему—онъ этого не зналъ, но только онъ боялся.

И въ сумрачномъ молчаніи, преисполненный тревожныхъ предчувствій, послѣдовалъ онъ за Иисусомъ.

XII.

Вечеромъ того же дня, когда они были на пути къ Генисарету, Иисусъ внезапно остановился и обратился къ своимъ ученикамъ.

«За кого почитаетъ меня народъ?»—спросилъ онъ.

Они отвѣчали: «Одни говорятъ, что ты Иоаннъ, воскресшій изъ мертвыхъ,—другіе, что ты Ілія,—иные, что ты Іеремія или какой-нибудь другой изъ пророковъ».

Иисусъ простоялъ съ минуту молча, затѣмъ спросилъ медленно, какъ будто нерѣшительно: «А вы за кого почитаете меня?»

Ученики переглянулись, но ни одинъ не отвѣтилъ. Мысль, лежавшая у всѣхъ у нихъ на днѣ души, видоизмѣненная у каждаго въ зависимости отъ его нрава, его желаній и мечтаній, но все же служившая той общей связью, которая всѣхъ ихъ приковывала къ Иисусу, мысль, являвшаяся у однихъ праздничнымъ даромъ фантазіи и энтузіазма, у другихъ дорого-купленнымъ плодомъ долговременной борьбы и исканій, у третьихъ прибѣжищемъ отъ унынія и сомнѣній, выступила теперь передъ ними, какъ отвѣтъ на его вопросъ—и, однако, они боялись ее высказать, дать ей жизнь и дѣйствительность въ словѣ. Всѣ они почувствовали, что отвѣтъ, который они сейчасъ дадутъ, сдѣлается рѣшающимъ для всей ихъ жизни, и внезапно въ нихъ проснулось гнетущее сознание грознаго рока, лежавшаго въ глубинѣ того, что до этой поры для большинства изъ нихъ было лишь свѣтлой, блаженной грезой.

Иисусъ смотрѣлъ на нихъ; взоръ его переходилъ отъ одного къ другому; лицо выражало напряженіе, почти боязнъ.

Тогда Симонъ поднялъ на него глаза и произнесъ: «Мы вѣруемъ, Господи, что ты Христось, Сынъ Божій».

Исусъ отвѣтилъ ему взглядомъ, въ которомъ была странная смѣсь человѣческаго сознанія своего превосходства и благодарности; онъ простеръ руку къ Симону и сказалъ: «Петръ!»

Затѣмъ онъ вдругъ замолкъ, повернулся и задумчиво продолжалъ путь.

* * *

Но отвѣтъ Симона упалъ, какъ молнія, въ душу Иуды. Впервые услыхалъ онъ изъ кружка учениковъ облеченную въ ясныя слова ту мысль, которая лежала въ нѣдрахъ его души, когда онъ разыскивалъ Исуса, но которая потомъ, среди ежедневнаго общенія съ нимъ, отступила на задній планъ, какъ нѣчто несущественное, утратила долю своего значенія и ясности. Исусъ вытѣснилъ въ его душѣ Христа, человѣкъ вытѣснилъ Бога; но теперь онъ почувствовалъ, что то, что до сихъ поръ поддерживало его духъ, не имѣло больше силъ на это, что оно сломилось. Онъ самъ подумывалъ, почему это такъ было и когда именно это произошло. «Не тогда ли, какъ я узналъ о смерти Іоанна?»—мелькнуло у него въ головѣ... Но почему бы этому быть?» Онъ не могъ дать себѣ въ этомъ отчета, но повторялъ про себя, самъ не зная, что громко высказываетъ свою мысль: «Да, онъ Христось, Сынъ Божій».

Вдругъ онъ услыхалъ позади себя голосъ, говорившій тихо, почти шопотомъ:

«И все-таки онъ сынъ Іосифа и Маріи, и ихъ обоихъ я знаю!»

Иуда посмотрѣлъ въ сторону, пораженный изумленіемъ; эти слова прозвучали такъ странно въ его ухахъ.

Рядомъ съ нимъ шелъ Ѳома, погруженный въ свои мысли; на лицѣ у него было то же самое

выраженіе, какъ тогда, когда Іуда говорилъ съ нимъ въ первый разъ на дворѣ Симонова дома. Онъ также, повидимому, не сознавалъ, что выразилъ свою мысль въ словахъ, потому что, почувствовавъ на себѣ взглядъ Іуды, онъ испуганно поднялъ голову и покраснѣлъ отъ стыда, отступивъ на нѣсколько шаговъ.

Іуда поспѣшно отвернулся и продолжалъ свой путь. Но слова Ѳомы продолжали раздаваться въ его ушахъ и наполняли его изумленіемъ. Инстинктивный страхъ, который раньше внушалъ ему Ѳома, разсѣялся теперь; онъ только ощущалъ мучительную, страстную потребность знать, что происходитъ въ этомъ человѣкѣ, проникнуть въ мысли, которыми онъ такъ удрученъ.

Онъ вдругъ остановился, обратился къ Ѳомѣ и сказалъ:

«Такъ ты не вѣришь, что онъ Сынъ Божій?»

Ѳома вздрогнулъ и взглянулъ на него неуверенно и робко. Но затѣмъ, лицо его постепенно приняло свое обычное, открытое и довѣрчивое, выраженіе. Іуда съ первой же минуты внушилъ ему чувство симпатіи, соединенное, быть можетъ, съ надеждой на то, что ихъ души и судьба ихъ окажутся родственными между собой; онъ думалъ, что отъ Іуды ему нечего опасаться чувства превосходства и презрѣнія къ его слабости, которая онъ подозрѣвалъ по отношенію къ себѣ въ другихъ ученикахъ, и поэтому ему было больно видѣть, что Іуда старается оттолкнуть его отъ себя, и что онъ его избѣгаетъ. Теперь онъ съ жаромъ схватился за представившійся ему случай открыть свое сердце и, можетъ быть, пріобрѣсти себѣ друга и близкаго человѣка. Онъ отвѣчалъ: «Но какъ же мнѣ вѣрить этому, когда я самъ видѣлъ его мать,—видѣлъ ее собственными глазами? И какъ же можетъ быть онъ Сыномъ Божиимъ, когда онъ сынъ Маріи? Я хочу вѣрить,—хочу,—о, я съ радостью отдалъ бы жизнь свою,

чтобъ спастись отъ сомнѣній,—но я не могу,—я не могу!»

Онъ говорилъ горячо, съ порывистыми жестами, и все время его невинные, ясные глаза были устремлены на Иуду.

Послѣдній слушалъ внимательно, и когда Оома умолкъ, онъ спросилъ далѣе, преисполненный все той же тревожной, мучительной потребности изслѣдовать тайники его души:

«И ты все-таки его ученикъ?»

Оома бросилъ на него умоляющій взглядъ.

«Да, ты находишь, что это нехорошо? Я этого боялся! Порой я такъ думаю самъ, думаю, что долженъ былъ бы оставить его и не красть счастья, котораго я недостойнъ. Но я не могу его оставить,—клянусь Богомъ, не могу! О, несчастный я человѣкъ!.. Зачѣмъ я такъ созданъ?.. Отчего не могу я вѣрить, когда хочу вѣрить? Но все это чудесное, все то, чего я не могу понять, оно терзаетъ меня,—преслѣдуетъ меня,—отнимаетъ у меня всякое спокойствіе и миръ. Я стараюсь заставить себя сказать: это правда, но что-то внутри меня отвѣчаетъ: нѣтъ,—не повѣрю, пока не увижу этого собственными глазами! Много страннаго видѣлъ я, и все же каждый разъ снова сомнѣваюсь. Тогда мнѣ думается подчасъ, что мое мѣсто не здѣсь, что лучше было бы для меня сдѣлаться снова тѣмъ, чѣмъ я былъ прежде—самымъ простымъ рыбакомъ,—потому что это дѣло я понимаю, и тамъ мнѣ не въ чемъ сомнѣваться».

Онъ посмотрѣлъ въ сторону съ грустной улыбкой. Когда онъ опять повернулся лицомъ къ Иудѣ, оно, однакожъ, просвѣтлѣло.

«Но иногда что-то говорить мнѣ, что, быть можетъ, я все-таки не совсѣмъ недостойнъ,—да вѣдь и онъ тоже не отринулъ меня!»—продолжалъ онъ тихимъ голосомъ.

Иуда съ смущеніемъ взглянулъ на него.

«Онъ знаетъ это?»—нерѣшительно спра-
шиваетъ онъ.

«Да,—отвѣчалъ Фома, не глядя уже на него и весь уйдя въ свои думы.—Онъ знаетъ все. И онъ не негодуешь на меня,—можешь ли ты это понять? Я видѣлъ, какъ онъ гнѣвался на другихъ за ихъ сомнѣнія и невѣріе, и слышалъ, какъ онъ каралъ ихъ рѣчами, въ трепетъ приводившими меня. Но на меня онъ не гнѣвается, нѣтъ,—это удивительно—на меня нѣтъ!»

Онъ шель нѣкоторое время молча и затѣмъ продолжалъ: «Я спросилъ его однажды, почему онъ не гнѣвается на меня, и умолялъ его не давать мнѣ пощады. Тогда онъ только улыбнулся и отвѣтилъ: «Ты дитя, Фома, а для дѣтей у меня нѣтъ гнѣва!» И потомъ прибавилъ: «Ты мнѣ дорогъ, Фома; своимъ сомнѣніемъ, подобно тому, какъ Іоаннъ дорогъ мнѣ своей вѣрой. «Я не понимаю этого, но онъ такъ сказалъ. Такъ какъ же могу я оставить его!»

Онъ умолкъ; Іуда тоже не возобновилъ разговора. Онъ думалъ: «Почему сказалъ онъ это мнѣ, именно мнѣ, и почему я ничего не имѣю ему сказать? Да и что могъ бы я сказать ему, какъ могъ бы объяснить ему то, что меня угнетаетъ? Я и самъ вѣдь этого не знаю».

«Ужъ не сомнѣваюсь ли я, подобно ему?»—спросилъ онъ себя съ тревогой. Но какой-то голосъ внутри его отвѣтилъ: «Нѣтъ, я не сомнѣваюсь,—я вѣрю, что онъ Христосъ, Сынъ Божій!»

Не рѣшаясь признаться себѣ въ этомъ, онъ боялся найти нѣчто общее между мыслями Фомы и своими собственными; но онъ ничего такого не нашель; слова его собесѣдника ничего въ немъ не всколыхнули. И, тѣмъ не менѣе, ему казалось, что при всѣхъ своихъ сомнѣніяхъ и самообвиненіяхъ Фома счастливѣе его.

Въ молчаніи нагнали они остальныхъ.

Вечернее солнце разливало жгучій вной и бро-

сало прямо имъ въ лицо свои косые лучи. Но теперь они приблизились къ берегу, и ландшафтъ сталъ менѣе голымъ и унылымъ; кое-гдѣ маленькая купа деревьевъ отбрасывала тѣни на землю. Подъ одну изъ такихъ купъ они и сѣли отдохнуть.

Нѣкоторое время всѣ оставались безмолвны. Иисусъ былъ задумчивъ, и по всему было видно, что онъ занятъ тяжелыми, скорбными мыслями. Вдругъ онъ обратился къ Симону и спросилъ:

«Петръ, о чемъ ты думаешь?»

Симонъ поднялъ голову и отвѣчалъ, нѣсколько, повидимому, не удивленный, ибо порой случалось, что Учитель ставилъ имъ совсѣмъ неожиданные вопросы:

«Я думаю о томъ, почему ты вчера въ пустынѣ удалился отъ насъ».

Иисусъ кивнулъ, какъ бы подтверждая его слова, взглянулъ на учениковъ и сказалъ:

«Еще немного, и я буду, быть можетъ, еще дальше отъ васъ, чѣмъ вчера».

Петръ посмотрѣлъ на него съ испугомъ и сомнѣнiемъ, а Иоаннъ воскликнулъ:

«Что хочешь ты сказать, Господи? Зачѣмъ тебѣ быть далеко отъ насъ? Не думай этого! Гдѣ будешь ты, тамъ буду и я!»

Иисусъ печально покачалъ головой и снова взглянулъ на Симона.

«Неужели вы думаете, что сынъ человѣческій спасется отъ рода, у котораго въ обычаѣ побивать камнями своихъ пророковъ? Они искали убить Иоанна и хорошо знаютъ, что меня имъ больше слѣдуетъ бояться. Или думаете, что я меньше Иоанна?»

Ученики смотрѣли на него испуганно и вопросительно. Но Иоаннъ снова воскликнулъ:

«Господи, ты хочешь сказать...»

Тогда Иисусъ посмотрѣлъ на нихъ какимъ-то особеннымъ, блестящимъ взглядомъ и съ усиленiемъ произнесъ: «Что я долженъ умереть!»

ченики сидѣли блѣдные и безмолвные. Но, наконецъ, Симонъ подошелъ къ Иисусу и сказалъ съ укоризной:

«Наставникъ, что это за рѣчи? Это ты о первосвященникахъ говоришь, что они тебя умертвятъ! Какое тебѣ до нихъ дѣло? Зачѣмъ тебѣ попадаться имъ на глаза? Останься съ нами! Здѣсь никто тебѣ не сдѣлаетъ зла, а если кто вздумаетъ угрожать тебѣ, мы тебя защитимъ!»

Тогда Иисусъ обернулся и устремилъ на Симона взглядъ, котораго тотъ никогда послѣ того не могъ забыть.

«Отойди отъ меня, сатана!»—тихо сказалъ онъ. Симонъ отступилъ назадъ; и всѣ стояли пораженные изумленіемъ. Но Иисусъ повернулся въ другую сторону и продолжалъ свой путь. Они послѣдовали за нимъ на нѣкоторомъ разстояніи, блѣдные и недоумѣвающіе.

Иуда слышалъ все это, но точно во снѣ; значеніе словъ не внѣдрилось ему въ душу. Онъ снова взглянулъ на Фому, все такъ же шедшаго рядомъ съ нимъ. Тотъ тоже былъ блѣденъ и серьезенъ, но съ лица его исчезло прежнее измученное выраженіе; оно носило теперь отпечатокъ мужества и отваги и что-то похожее на сіяніе радости.

Завистливое чувство кольнуло Иуду, и онъ снова подумалъ: «Да, онъ счастливѣе меня!»

Но въ Генисаретской странѣ весна стояла въ полномъ расцвѣтѣ и улыбалась возвращавшимся изъ пустыни людямъ, какъ бы желая изгнать всѣ заботы изъ ихъ сердець. Тогда Иисусъ снова сдѣлался свѣтель и кротокъ, и постепенно въ душѣ учениковъ потускнѣло воспоминаніе о томъ, что произошло въ пустынѣ.

Только Марія Магдалина ходила все время печальная и хмурая, точно предвѣстница надвигающагося несчастія, и ученики думали, что ею снова овладѣли злые духи; нѣкоторые рассказывали, что были очевидцами бурныхъ приступовъ страннаго ея недуга, бреда души, надъ которымъ никто не имѣлъ власти, кромѣ одного Иисуса. Близъ него она еще казалась спокойной, почти счастливой; но бывали времена, когда она какъ будто страшилась его вліянія на нее и держалась далеко отъ него, бродя одиноко въ горахъ.

Но за это время тѣ изъ учениковъ, которые назывались апостолами, сомкнулись тѣснѣе, чѣмъ раньше, соединенные между собой и съ Иисусомъ чувствомъ общей отвѣтственности и общей задачи. Всѣ, кромѣ одного Іуды Правды, съ внѣшней стороны онъ принадлежалъ въ ихъ кружку, и хотя такъ и не успѣлъ пріобрѣсти въ полной мѣрѣ ихъ довѣрія, но все же они привыкли считать его своимъ и уважали его, какъ одного изъ избранныхъ Учителя. Но даже и такія ихъ отношенія вскорѣ нарушились, и они стали питать тайное неудовольствіе на Иисуса за то, что онъ ввелъ въ ихъ маленькую общину этого пришельца. Что ему было здѣсь нужно? Какія причины были у Учителя для того, чтобы выдвигать его? Когда выказалъ онъ, ~~и~~ а-нибудь

особенное усердіе, когда пожертвовалъ чѣмъ-нибудь для ихъ дѣла?—спрашивали они себя. Даже Тома отстранился отъ него, послѣ того какъ Іуда вновь его оттолкнулъ, и сдѣлалъ это съ тайнымъ удовлетвореніемъ, въ которомъ не хотѣлъ себѣ признаться. Ибо и онъ чувствовалъ себя теперь включеннымъ въ кругъ, соединявшій апостоловъ, и его стыдъ и гордость, внутренняя застѣнчивость, отдалявшая его прежде отъ нихъ, все больше и больше стала терять свою остроту и постепенно сгладилась совсѣмъ.

Со времени ихъ недолгаго пребыванія въ пустынѣ,—вотъ съ какихъ поръ стало все больше и больше развиваться это отношеніе между Іудой и прочими апостолами. Онъ какъ будто не страдалъ больше отъ него и ничего не дѣлалъ, чтобы его измѣнить. Молчаливый и замкнутый, ходилъ онъ среди учениковъ, съ жесткимъ, застывшимъ выраженіемъ въ лицѣ, точно нося маску. Взоръ его не искалъ больше Марію Магдалину: если случай сталкивалъ его съ нею, онъ спѣшилъ уйти прочь и отворачивался, если Іисусъ останавливалъ на немъ внимательный взглядъ. Съ тѣхъ поръ какъ они возвратились въ Капернаумъ, Учитель ни разу не разговаривалъ съ нимъ, порой весь какъ будто искалъ къ этому предлога, но Іуда пугливо отъ этого уклонялся. Онъ чувствовалъ, что Іисусъ одинъ только видитъ, какая, подъ застывшей внѣшностью, смута и борьба въ его душѣ.

* * *

Однажды вечеромъ Іуда вышелъ изъ Капернаума и сталъ бродить безъ цѣли вокругъ города. И вотъ онъ внезапно очутился на той же дорогѣ, по которой впервые пришелъ въ Капернаумъ. Онъ простоялъ нѣсколько времени, не зная повернуть ли ему обратно или про-

должать путь, но рѣшился затѣмъ на послѣднее. Медленными шагами двинулся онъ дальше, къ той возвышенности, съ которой ему тогда открылась синяя гладь Генисарета, обрамленная зелеными откосами и окрашенными, цвѣтомъ воды, скалистыми берегами. Онъ вспомнилъ полный предчувствій страхъ, внушенный ему этимъ видомъ, и кивнулъ себѣ сумрачно, какъ бы въ подтвержденіе своей мысли, но не поднялъ глазъ и пошелъ дальше съ поникшей головой.

Пройдя еще немного, онъ свернулъ съ дороги и остановился у выступа горы, круто сбывавшейся здѣсь предъ спускомъ въ долину. Это было то самое мѣсто, гдѣ онъ разговаривалъ съ Маріей.

Онъ посмотрѣлъ вокругъ, безпокойно озираясь, точно боясь, что его увидятъ. Потомъ уѣлъ. Нерѣшительное, тревожное выраженіе его лица перешло постепенно въ жесткое и вызывающее, точно онъ съ обдуманной отвагой хотѣлъ дать отпоръ какой-то опасности.

Вдругъ онъ услышалъ позади себя шаги и вскочилъ, словно застигнутый на мѣстѣ преступленія. Онъ посмотрѣлъ вокругъ себя, ища, куда бы ему бѣжать, но было слишкомъ поздно, и онъ остался на мѣстѣ, ожидая съ опущеннымъ взоромъ приближенія Іисуса, ибо это шелъ Іисусъ.

Онъ казался погруженнымъ въ глубокія и тяжелыя думы. Подойдя къ Іудѣ, онъ сѣлъ на тотъ самый камень, съ котораго тотъ поднялся. Взоры его полуразсѣянно скользили по разстланному передъ нимъ ландшафту; лишь порой бросалъ онъ быстрый, пытливый взглядъ на лицо Іуды. Такъ просидѣлъ онъ нѣсколько времени въ молчаніи, забывъ какъ будто, что пришелъ сюда съ намѣреніемъ побесѣдовать съ Іудой.

Но для Иуды это безмолвіе было ужасно. «Онъ пришелъ сюда обвинять и укорять меня!— думаль онъ:—а послѣ этого все будетъ кончено!—И въ при этой мысли душа его ожесточилась и исполнилась горечи.— Но чего же онъ ждетъ въ такомъ случаѣ,—почему онъ не начинаетъ?» И впервые взглянулъ онъ на Иисуса съ тѣнью отпора въ своихъ глазахъ.

Тогда Учитель очнулся отъ своихъ мыслей и сказалъ: «Поди сюда; сядь возлѣ меня; я давно хотѣлъ поговорить съ тобой».

Его голосъ былъ кротокъ и ласковъ, хотя нѣсколько грустенъ, и такъ не похожъ на то чего ожидалъ Иуда, что его ожесточеніе мгновенно растаяло, уступивъ мѣсто сильному волненію. Онъ стоялъ неподвижно и только качалъ головой, ибо чувствовалъ, что онъ не въ силахъ отвѣтить.

Иисусъ не сводилъ съ него теперь своего пытливаго взора. Снова безмолвствовалъ онъ нѣсколько минутъ, потомъ внезапно сказалъ:

«Разкажи мнѣ, Иуда, что-нибудь о твоей прошлой жизни!»

Тотъ изумленно и вопросительно взглянулъ на него. Его волненіе постепенно улеглось, и натянутые нервы ослабли. Онъ стоялъ сначала, съ усиліемъ что-то соображая, какъ бы стараясь поймать и оформить какое-то, убѣгавшее отъ него, воспоминаніе, затѣмъ опять покачалъ головой и сказалъ: «Что мнѣ разказать тебѣ, Господи! Мнѣ кажется, я не жилъ, пока не увидѣлъ тебя!» Глаза Иисуса все время покоились на немъ.

«И все-таки ты не чувствуешь себя теперь счастливымъ?»—спросилъ онъ.

Тогда въ груди Иуды началась бурная борьба, и съ страстной стремительностью онъ, наконецъ, воскликнулъ:

«Господи, отчего ты не такой, какъ Іоаннъ?»

Отчего ты медлишь здѣсь?» Онъ посмотрѣлъ кругомъ съ чѣмъ-то, похожимъ на ненависть, во взглядѣ. «Ты самъ вѣдь сказалъ, что твое царство не отъ этого міра,—такъ зачѣмъ же ты не идешь въ пустыню?—Я вижу, ты любишь все это,—а между тѣмъ ты сказалъ—ты сказалъ, что кто хочетъ послѣдовать за тобой, долженъ отвергнуться всего, — да, Господи, всего! Почему ты не уйдешь отсюда,—далеко, далеко? Если бы и всѣ покинули тебя, я послѣдую за тобой!.. Господи, отчего ты не остался въ пустынѣ?»—закончилъ онъ чуть не съ рыданіемъ.

Иисусъ смотрѣлъ на него сначала съ изумленіемъ и вѣсколько разъ повторилъ про себя: «Іоаннъ, Іоаннъ!» Но мало-по-малу на его лицѣ обозначилась складка боли и неудовольствія, и когда Іуда смолкъ, онъ отвелъ отъ него свой взоръ и сталъ сумрачно глядѣть въ пространство. Удручало ли его предчувствіе того, что въ тысячахъ и тысячахъ сердецъ его ученіе выроетъ пропасть между землей, которой они принадлежать, и небомъ, которое онъ отверзъ ихъ взорамъ? Тѣнь ли грядущихъ распрей и раздоровъ пала на его свѣтлую, блаженную мечту?

Онъ снова взглянулъ на Іуду, и на этотъ разъ въ его взорѣ былъ почти гнѣвъ. Но въ тотъ же мигъ въ его душѣ пронеслось воспоминаніе,—воспоминаніе о той ночи въ пустынѣ, когда онъ видѣлъ безмолвную, нескончаемую вереницу людей, проходившихъ мимо него во мракѣ вь согбенныхъ подъ невидимой ношей, и среди этихъ людей онъ увидѣлъ Іуду, обратившаго къ нему свое лицо.

И тогда гнѣвъ исчезъ изъ его взора.

Онъ всталъ ближе и подошелъ къ Іудѣ.

«Чему бы я ни училъ тебя,—сказалъ онъ:—ненавидѣть я тебя никогда не училъ,—негда

видѣть эту жизнь и всю ея красоту». Онъ опустилъ взоръ внизъ, въ долину, и, положивъ одну руку на плечо Іуды, другой указаль ему на нее. Голосъ его слегка дрожалъ, когда онъ заговорилъ вновь. «Видишь, какъ народъ возвращается домой послѣ дневной работы,—неужели ты думаешь, что эти люди не любятъ земли, которая ихъ кормить? Видишь ты отсюда ихъ лица? Не грѣхъ ли написанъ на нихъ,—они полны радости и веселья, полны вѣры и упованія. Почему ты ходилъ все одинъ, Іуда, почему ты не побесѣдуешь съ ними? Они тебя многому научать. Видишь ты, какъ солнце освѣщаетъ Генисаретъ, и какъ все здѣсь дышитъ тишиной и миромъ? И отъ этого я долженъ, по-твоему, бѣжать?—Тѣнь промелькнула на его лицѣ, и онъ провелъ рукой по лбу, какъ бы для того, чтобы отогнать мучительную мысль.—Нѣтъ, Іуда, все это,—горы и луга, воздухъ и деревья, самую траву, которую ты топчешь,—все это ты долженъ любить, тогда ты и меня будешь любить такъ, какъ нужно!»

Іуда смотрѣлъ въ долину, но мракъ не покидалъ его взоровъ. Онъ отвернулся и сказалъ, теперь уже не стремительно и страстно, какъ раньше, но настойчиво и угрюмо:

«Господи, я люблю одного тебя,—только тебя,—ничего другого не люблю, кромѣ тебя!»

Иисусъ снялъ руку съ его плеча, и опять неудовольствіе появилось въ его взорѣ. Онъ помолчалъ, потомъ съ печальной торжественностью произнесъ:

«Іуда, ты не вѣруешь въ меня!»

Іуда отпрянулъ назадъ и смотрѣлъ на Учителя широко-раскрытыми, немигающими глазами. Но Иисусъ отвернулся отъ него. Взоръ его упалъ въ эту минуту на женскую фигуру неподвижно стоявшую на противоположномъ столбѣ. Онъ узналъ ее.

То была Марія Магдалина. Она, повидимому, смотрѣла на нихъ. Внезапная мысль мелькнула у него; онъ какъ будто взвѣсилъ ее и потомъ сказалъ:

«Ты слишкомъ одинокъ, Іуда. Пойдемъ со мной—вонъ тамъ Марія Магдалина... я хочу, чтобы вы узнали другъ друга»

Іуда испуганно посмотрѣлъ на него и беззвучно повторилъ: «Марія Магдалина!»

«Да, и она тоже держится одиноко. Пойдемъ; я хочу, чтобы вы узнали другъ друга».

Іуда все время смотрѣлъ на него, но постепенно его испугъ смѣнился удивленіемъ.

«Ты хочешь этого»—пролепеталъ онъ, загѣмъ сдѣлалъ порывистый отклоняющій жестъ.

«Нѣтъ, я не пойду»,—жестко произнесъ онъ.

Іисусъ не настаивалъ больше. Онъ отвернулся и прошелъ нѣсколько шаговъ. Потомъ онъ снова остановился и взглянулъ на Іуду, какъ бы желалъ что-то сказать, но только печально покачалъ головой и продолжалъ свой путь по подъему къ холму, на которомъ все еще стояла Марія Магдалина.

Іуда съ возрастающей тоской слѣдилъ за гѣмъ, какъ онъ удалился.

«Онъ уходитъ,—думалъ онъ:—уходитъ, не оказавъ мнѣ помощи! Почему же онъ мнѣ не поможетъ? Или онъ не въ силахъ мнѣ помочь? Всѣмъ другимъ онъ умѣетъ помочь, а мнѣ нѣтъ,—мнѣ нѣтъ!»

* * *

Изъ всего сказаннаго Іисусомъ только одно пустило корни въ душѣ Іуды, и это были слова: «Іуда, ты не вѣруешь въ меня!» Они постоянно звучали въ его ухахъ съ этой минуты, преслѣдуя его сомнѣніями и вопросами.

Онъ отвѣчалъ: «Это неправда, вѣдь я люблю его, такъ какъ же мнѣ не вѣровать въ него!»

Но этотъ отвѣтъ не давалъ ему, однако, успокоенія. Онъ чувствовалъ, что есть все-таки мракъ, въ который онъ тщетно старается внести свѣтъ, есть гложущее сомнѣнiе, которое онъ тщетно ищетъ убить.

То, что онъ во время этого разговора сказалъ Иисусу, вырвалось изъ глубины его сердца, неясное, неувѣренное, тоскливое, какимъ оно бродило въ немъ. Чувство, привязывавшее его къ Иисусу, было столь же сильно, какъ и прежде, сдѣлалось, быть можетъ, еще сильнѣй, по крайней мѣрѣ горячѣй и сознательнѣй; но оно не было больше счастиемъ, а было мученiемъ, свѣдающей тревогой, полной самоупрековъ, сомнѣнiй, непонятныхъ призывовъ. Оно не нѣжилось больше въ солнечномъ сiянiи, не звучало заодно съ пѣнiемъ птицъ съ шелестомъ листьевъ, съ плескомъ волнъ со всей неуловимой мелодiей природы; все это, какъ бы вторившее прежде издалика ликовавшему внутри его сознанiю, превратилось теперь во враждебныя, угрожающiя силы, производившия натискъ на его душу и вдребезги разбивавшия гармонию. Онъ боялся и думалъ даже, что ненавидитъ эту природу, пышная красота которой, развернувшаяся теперь во всемъ великолѣпiи лѣта, давила ему душу, какъ кошмаръ: ему казалось, что любовь его къ Иисусу точно заглушается чужими, непонятными голосами, что онъ точно заблудился въ невѣдомой странѣ съ чуждымъ ему языкомъ, съ жизнью, которой онъ жить не могъ, и пустыня, сумрачная, безплодная пустыня являлась для него его настоящей отчизной, настоящей почвой для его воли и стремленiй. Въ пустынѣ,—вотъ гдѣ любовь его къ Иисусу могла достигъ своего полнаго расцвѣта, питаемая лишенiями, бичеванiемъ и постомъ,—въ ненависти къ жизни и всѣмъ ея наслажде-

ніямъ, и, когда онъ въ одиночествѣ вызывалъ передъ собой образъ Іисуса, то его окружала пустыня, и въ чертахъ его отражалась ея мрачная, угрюмая красота.

Но все это пока еще бродило въ немъ смутно и неясно, и онъ не понималъ еще, почему это такъ, и какъ совершилась въ немъ эта переменна. На исчезнувшее счастливое время онъ оглядывался со смѣшаннымъ чувствомъ удивленія и безнадежной тоски; онъ не въ состояніи былъ постичь, что это, дѣйствительно, онъ такъ чувствовалъ и такъ жилъ, но ему страстно хотѣлось бы снова растворить свое я въ этомъ блаженномъ снѣ. Почему онъ очнулся отъ него, что пробудило его? Порой онъ думалъ: «это Іоаннъ мститъ мнѣ изъ своей могилы».

Тогда случилось нѣчто, озарившее для него внезапнымъ свѣтомъ его внутренній міръ и сдѣлавшее смуту въ его душѣ вполне ясной и сознательной, сдѣлавшее ее борьбой между двумя несоединенными силами.

Съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ ученики образовали изъ себя замкнутую, обособленную общину, все настоятельнѣй чувствовалась ими потребность имѣть кого-нибудь, кто заботился бы объ ихъ нуждахъ и хранилъ бы у себя общія деньги. Пока то одинъ, то другой изъ нихъ бралъ на себя эту обязанность, но это имѣло своимъ послѣдствіемъ пререканія и несогласія. Поэтому они и уговорились передать кому-нибудь одному изъ своей среды постоянное завѣдываніе этимъ дѣломъ, а выбрать этого завѣдующаго предоставили Іисусу.

Къ ихъ удивленію и досадѣ, выборъ его палъ на Іуду. Опять этому пришельцу было оказано предпочтеніе!

Но когда Іуда услышалъ свое имя, его охватила смертельный испугъ, и съ полной страха мольбой взглянулъ онъ на Іисуса

Тогда онъ встрѣтилъ его серьезный, ободряющій взоръ, и ему стало стыдно. «Онъ самъ такъ хотѣлъ»,—подумалъ онъ и съ горькой покорностью подчинился своей судьбѣ. Онъ смутно понималъ, что въ томъ, что Иисусъ выбралъ именно его, заключался глубокий смыслъ, и, гдѣмъ не менѣе, онъ думалъ одно мгновеніе, что въ состояніи возненавидѣть его за это.

Но теперь ему стало ясно, почему пропали его покой и счастье: это его прошлая жизнь поднималась изъ забвенія и старалась вновь отвоевать его себѣ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I

Когда приближается осень и дни становятся короче, тогда природу охватывает жгучее стремление еще раз развернуться во всем своем великолѣпнѣи и красотѣ; тогда точно лихорадка горитъ у нея въ крови; соки пробиваются наружу, упиваются свѣтомъ, алѣютъ и пламенѣютъ; тогда ровный, мягкій цвѣтъ лѣтней зелени переходитъ въ беспокойное и измѣнчивое многообразіе знойныхъ, жгучихъ красокъ; тогда лѣсъ стоитъ весь въ огнѣ, прекрасный и роскошный, какъ никогда, но и болѣе, чѣмъ когда-либо, печальный, потому что подъ всей этой красотой кроется предчувствіе тлѣнія. И это предчувствіе разрушаетъ ее, тихо и незамѣтно, а лихорадка, горящая въ желтѣющихъ листьяхъ, тоже разрушаетъ ихъ, и осень надвигается неумолимо.

Затѣмъ приходитъ, наконецъ, день съ высокимъ, блѣдно-голубымъ небомъ и прохладнымъ, прозрачнымъ воздухомъ, а послѣ этого дня морозная ночь. И тогда, среди холодной, безмолвной ночи, природа въ послѣдній разъ вступаетъ въ бой,—вступаетъ въ бой со смертельнымъ врагомъ своимъ, холодомъ.

Когда же наступаетъ утро, и солнце краснымъ дискомъ поднимается надъ горизонтомъ, а морозъ сверкаетъ на листьяхъ и на травѣ, тогда борьбѣ приходитъ конецъ; лихорадка перегорѣла, и листья неумолимо падаютъ одинъ за другимъ.

По Иудейской странѣ проходила осень. Въ Галилеѣ она красовалась въ совершенно лѣтнемъ изобиліи, разрушая «одно», помогая другому созрѣвать; она косила послѣдніе остатки луговыхъ цвѣтовъ и оставляла поле въ темно-желтомъ великолѣпнн, обрывала зеленую листву и заставляла рдѣть виноградъ, обременяла вѣтви плодовыхъ деревьевъ и наполняла доверху корзины собирателей фруктовъ. Въ жаркіе дни, надъ синей гладью Генисарета и надъ переливчатыми склонами горъ скользили тѣни облаковъ; по вечерамъ, когда солнце садилось, высокія вершины пламенѣли какъ бы внутреннимъ огнемъ; но ночью холодный вѣтеръ мчался съ высотъ, бросался въ долины, вылъ въ ущельяхъ, чуть не сметалъ мелкія селенія и усыпалъ свой путь тысячами падающихъ листьевъ.

Когда люди выходили поутру на жатву, солнце жгло имъ щеки, и они радовались, что настала осень, золотая пора созрѣванія и награды; но когда они просыпались ночью и слышали жалобный шумъ вѣтра во мракѣ, тяжело ложилось имъ на душу сознаніе, что пришла осень, пасмурная пора уничтоженія и угасанія, вечеръ года.

Но въ суровой Иудеѣ осень не такъ давала себя чувствовать; тамъ равнина лежала въ своемъ неизмѣнно-тускломъ освѣщеніи, и тамъ, въ своемъ блистающемъ великолѣпнн, въ своей бесплодной красотѣ, возвышался Іерусалимъ, мимо котораго смѣняющійся годъ проносился безсильно.

Только на Елеонской горѣ находила себѣ осень поле для дѣятельности; тамъ могла она истреблять зелень, заставлять плоды созрѣвать, а листья падать. Какъ зеленѣющій островокъ высилась эта гора посреди каменнаго моря. Можно было подумать, что природа, богиня,

святельница, устало и уныло шествуя по этимъ высотамъ, нечаянно опустила руку въ подолъ своей мантии и выбросила на дорогу горсточку сѣмянъ. Съ тѣхъ поръ стоитъ тутъ Масличная гора и свидѣтельствуеть о странствованіи богини.

Тамъ лежало селеніе Вианія, а поблизости его находилась усадьба, принадлежавшая челоуѣку, прозванному Симономъ прокаженнымъ.

Быль вечеръ; дневныя работы кончились, и домъ казался опустѣлымъ, точно необитаемымъ.

Но на скамѣ у одной изъ его стѣнъ сидѣла одинокая женщина.

Она была уже немолода. Хотя чистыя, благородныя линіи ея лица сохраняли еще мягкость и округлость молодости, но на нихъ лежала черта серьезности и покорности, мерцающій отблескъ погибшихъ юныхъ грезъ. Лучи заходящаго солнца свѣтились на ея высокомъ лбу и переливались на гладко зачесанныхъ назадъ волосахъ. Она сидѣла совсѣмъ тихо, съ закрытыми глазами, точно спала.

Первая морозная ночь посѣтила окрестность, но въ теченіе дня воздухъ снова сдѣлался тепель и мягокъ, а теперь, въ вечерней тишинѣ, пространство наполнялось чѣмъ-то похожимъ даже на вѣяніе весны. Но среди безмолвія слышался почти неуловимый звукъ, таинственно шелестящіе, легкіе, замирающіе вздохи, точно ропотъ незримыхъ существъ, рѣявшихъ въ пространствѣ; это листья отрывались и падали во тьму среди стволовъ.

Вдругъ женщина встрепенулась и подняла глаза. Въ эту минуту вся осенняя печаль овладѣла ею со стремительной, подавляющей силой. Она видѣла день за днемъ, какъ осень надвигалась, шагъ за шагомъ слѣдила она за ея опустошительнымъ шествіемъ и думала, много разъ думала и говорила:

«Вотъ опять настала осень!» И, тѣмъ не менѣе, ей казалось, что только теперь, въ этотъ мигъ, она дѣйствительно поняла, что настала осень,—безповоротно и неотмѣнно.

Какое-то странное чувство вселилось въ нее; хорошо знакомый ландшафтъ представился ей въ это мгновение удивительно чуждымъ; пространство, открывавшееся между порѣдѣвшими вѣтвями, какъ будто дѣлалось больше и шире и смотрѣло на нее вопрошающимъ, загадочнымъ взоромъ. Она недоумѣвала предъ этимъ вопросомъ; не была увѣрена въ томъ, что понимаетъ его, но чувствовала, чувствовала почти со страхомъ, что, если бъ даже она и понимала его, отвѣта на него у нея нѣтъ.

И, совершенно углубившись въ себя, она сидѣла и неподвижно смотрѣла въ вечерній сумракъ. Взоръ ея машинально слѣдилъ за завядшимъ листомъ, медленно опускавшимся на землю. Такую печаль, такую ужасную печаль возбудилъ въ ней этотъ падающій листъ, что она чуть не залилась слезами.

Она принудила себя остановить свой взглядъ на маленькой группѣ людей, проходившихъ по дорогѣ вдоль склона горы. Впереди, быстрыми, нетерпѣливыми шагами, шла молоденькая дѣвушка, съ любопытствомъ озираясь вокругъ.

Женщина подумала съ горькимъ чувствомъ зависти:

«Она идетъ въ Иерусалимъ,—быть можетъ, въ первый еще разъ. До чего она довольна и счастлива! Ей, навѣрно, не больше семнадцати лѣтъ! Семнадцать лѣтъ! Да! Иерусалимъ ея единственная цѣль, единственная мысль! А я!..»

Что-то похожее на страхъ нашло на нее; взоръ ея расширился, сдѣлался мрачнымъ и удивительно сухимъ, точно сожженнымъ скорбью, и она прошептала почти беззвучно: «Отвѣта нѣтъ!»

Что хотѣла она этимъ сказать? Едва ли она

знала сама. Одно только она знала: что-то внутри ея, что-то великое и прекрасное, самое прекрасное из всего ея достоянія, давно уже отмирало, годъ за годомъ, день за днемъ, но теперь оно вновь пробудилось къ жизни, болѣе сильное, чѣмъ когда-либо, и стало молить и стучаться, плакать и повелѣвать. И еще она знала, что ждетъ и жаждетъ чего-то, чего-то необычайнаго, сверхъестественнаго, подобнаго откровенію, голосу изъ далекой дали, долженствующему принести ей утѣшеніе и опору.

Внезапно ея овладѣло желаніе встать и пойти, пойти бродить по бѣлу-свѣту,—«въ поискахъ своего счастья,—подумала она сначала съ улыбкой, но затѣмъ вполнѣ серьезно:—да, своего счастья!» Она знала, что это одна только фантазія, но все-таки пыталась сжиться съ ней, потому что предугадывала, что когда эта фантазія совсѣмъ разсѣется, и она снова очнется, ей предстоитъ тогда нѣчто весьма тяжелое, весьма серьезное, нѣчто торжественное, въ родѣ послѣдняго прощанія съ тѣмъ, что намъ всего дороже на свѣтѣ.

И она поднялась и сдѣлала нѣсколько шаговъ, но затѣмъ круто остановилась. Сразу она ощутила въ себѣ полное спокойствіе и холодъ, и все это ей показалось такъ грустно-ребячливо, такъ горько, такъ безотрадно-смѣшно. Она повернула назадъ и снова сѣла на скамью. «Боже мой,—подумала она, прижавъ руку къ сердцу:--какая пустота, какая ужасная пустота!»

Солнце теперь скрылось за вершиной горы, бросавшей длинную тѣнь на равнину. Внизу, по дорогѣ, шли опять люди. Она слѣдила за ними взоромъ, пока они не исчезли, и потомъ снова подумала: «какая пустота, какая ужасная пустота!»

Показался человѣкъ, шедшій одиноко. И на него тоже устремила она съ усиленіемъ свой взоръ.

Онъ шелъ съ поникшей головой, тяжелый, усталой поступью. На фонѣ черныхъ волосъ, ниспадавшихъ на плечи, лицо его казалось страшно блѣднымъ. Станъ у него былъ высокій и тонкій, нѣсколько наклоненный впередъ. Онъ точно несъ на себѣ невидимую ношу.

Вдругъ онъ остановился и поднялъ взглядъ на гору. П слѣ нѣкотораго колебанія онъ свернулъ съ дороги и направилъ шаги къ подъему.

По мѣрѣ того, какъ онъ приближался, женщина все время слѣдила за нимъ взоромъ. Ей представилось, что въ душѣ ея хранится воспоминаніе, связанное съ этой фигурой, но она не могла его отыскать. Когда прохожій былъ уже такъ близко, что она могла ясно различить его лицо, ее поразило его кроткое, скорбное выраженіе.

Она не знала почему, но оно изумило ее.

Она какъ будто ожидала чего-то другого.

Но чѣмъ дальше она вглядывалась въ это лицо, тѣмъ больше ей казалось, что ея собственная печаль съеживается, дѣлается совсѣмъ крохотной, совсѣмъ незамѣтной. Она не могла больше оторвать взоровъ отъ этого человѣка.

Онъ прошелъ на нѣкоторомъ разстояніи, не взглянувъ на нее. Затѣмъ исчезъ за домомъ.

Но образъ его все еще стоялъ передъ ней.

«Какой онъ шелъ согбенный!»—подумала она.

«Что это, что это его такъ гнететь?»

Вдругъ она встала и обогнула домъ. Внимательно всматриваясь, взглянула она на подъемъ горы и тамъ увидала его фигуру.

Задумчиво пошла она вслѣдъ за нимъ.

У нея было такое чувство, точно она должна получить объясненіе чего-то, что тревожило ее своимъ смутнымъ вопросомъ.

Вскорѣ онъ исчезъ у нея изъ виду, заслоненный деревьями. Она ускорила свои шаги, преисполненная одной только мысли—еще разъ видѣть его.

И вотъ, взобравшись на вершину горы, она внезапно очутилась совсѣмъ близко отъ него.

Онъ сидѣлъ и смотрѣлъ внизъ, на Іерусалимъ, освѣщенный заходящимъ солнцемъ.

Ее изумило странное выраженіе его лица.

Невольно и она посмотрѣла въ ту же сторону, и во взглядѣ ея заключался вопросъ.

И тотчасъ же ея взоръ вновь обратился на него,—при видѣ Іерусалима дремящее воспоминаніе проснулось въ ея душѣ. Она невольно отступила на нѣсколько шаговъ и повернулась, чтобъ идти назадъ.

Но сдѣланное ею движеніе привлекло къ ней вниманіе незнакомца. Онъ всталъ и приблизился къ ней. Она начала торопливо спускаться по склону горы, но внезапно остановилась и стала ждать его съ внимательнымъ, напряженнымъ выраженіемъ въ лицѣ. Когда онъ подошелъ къ ней, ее невольно тронулъ его утомленный, страдальческій видъ.

Онъ спросилъ ее, не можетъ ли она указать ему мѣсто для ночлега. Простоявъ нѣсколько минутъ въ нерѣшимости, она отвѣтила:

«Брата нѣтъ дома, и я не знаю, могу ли я»...

Она почувствовала, что онъ смотритъ на нее, и поспѣшно продолжала, ясно и открыто встрѣтивъ его взоръ:

«Пойдемъ со мной, я дамъ тебѣ ночлегъ!»

И поспѣшными шагами стала она спускаться къ городу, впереди незнакомца. Нѣкоторое время они шли молча; потомъ она обернулась къ нему и спросила:

«Ты идешь въ Іерусалимъ?»

«Да,—разсѣянно отвѣтилъ онъ:—въ Іерусалимъ».

«Ты вѣрно издалека!—опять спросила она:—ты кажешься такимъ утомленнымъ».

«Да,—отвѣтилъ онъ въ прежнемъ тонѣ:—я издалека».

Она сдвинула брови, словно раздраженная его отвѣтомъ. Вдругъ она посмотрѣла на него твердо и пылливо и сказала почти вызывающимъ голосомъ:

«Я знаю, кто ты,—Иисусъ Назарянинъ!»

Нисколько, повидимому, не удивленный, онъ отвѣтилъ съ загадочной улыбкой:

«И, тѣмъ не менѣе, ты хочешь дать мнѣ пріютъ въ своемъ домѣ?»

Впервые посмотрѣлъ онъ внимательно на нее. Она вспыхнула при его словахъ, и его поразило благородное и непорочное выраженіе ея лица. Послѣ того онъ не разъ взглядывалъ на нее, и выраженіе его собственнаго лица постепенно дѣлалось свѣтлѣе. Но онъ не говорилъ больше со своей спутницей.

Она тоже долго хранила молчаніе; на лицѣ ея отражалась борьба противорѣчивыхъ чувствъ. Вдругъ она стремительно спросила, не взглянувъ на него на этотъ разъ:

«Зачѣмъ ты идешь въ Іерусалимъ? Вѣдь ты идешь туда не по собственной волѣ!»

Онъ взглянулъ на нее съ изумленіемъ, и снова взоръ его сдѣлался мрачнымъ и страдальческимъ.

«Что ты объ этомъ знаешь?»—строго отвѣтилъ онъ. Но она продолжала въ прежнемъ тонѣ:

«Я видѣла это по твоему лицу, когда ты сидѣлъ на вершинѣ горы. За что ты ненавидишь Іерусалимъ?»

«Я ничего не ненавижу»,—отвѣтилъ онъ, и его голосъ былъ все такъ же строгъ, почти суровъ.

«Такъ тебѣ тамъ угрожаетъ что-нибудь недоброе?»—спросила она, попрежнему не глядя на него, точно стыдясь своихъ разспросовъ, но побуждаемая къ нимъ неотразимой силой.

«Можетъ-статься!»—беззвучно прошептала она, но затѣмъ спокойно и серьезно посмотрѣлъ на нее и сказалъ:

«Ты угадала,—это такъ и есть».

«И ты все-таки идешь туда?»

«Да»,—отвѣтилъ онъ, и прежняя странная улыбка снова показалась на его устахъ.

«Этого я не понимаю!»—тихо промолвила она и взглянула на него большими, недоумѣвающими глазами.

Онъ встрѣтился съ ней взглядомъ.

«Теперь не понимаешь,—кратко сказалъ онъ:—но, можетъ быть, когда-нибудь поймешь».

Она остановилась и посмотрѣла на него, поблѣднѣвшая, съ расширеннымъ, вопрошающимъ взглядомъ. Потомъ она потупила глаза и продолжала путь, но робко держалась на нѣкоторомъ разстояніи отъ незнакомца.

И въ молчаніи дошли они до дома, предъ которымъ она раньше сидѣла. Въ тотъ самый мигъ, когда они должны были переступить чрезъ его порогъ, она вдругъ остановилась, снова бросила на своего спутника быстрый, востѣнчивый взглядъ и сказала:

«Да, я думаю, что понимаю».

И прежде чѣмъ онъ успѣлъ что-нибудь отвѣтить, она исчезла внутри дома.

Иисусъ задумчиво посмотрѣлъ ей вслѣдъ.

Потомъ онъ оглядѣлъ маленькій домикъ, который такъ радушно и гостепріимно стоялъ передъ нимъ, увитый лавромъ и виноградомъ, провелъ рукой по лбу и глубоко вздохнулъ; затѣмъ онъ послѣдовалъ за женщиной.

Она стояла, разговаривая съ другой—очевидно, ея младшей сестрой, у которой было веселое и привѣтливое лицо, находившееся въ мирной гармоніи со всей уютной обстановкой. При входѣ Иисуса его спутница послѣдно оставила горницу и снова вышла въ садъ, между тѣмъ какъ младшая изъ двухъ хозяекъ радушно пошла къ нему навстрѣчу.

Сестра, повидному, не сказала ей имени гостя, но его наружность внушила ей, тѣмъ не

менѣе, невольное почтеніе, смѣшанное со страхомъ, такъ что вначалѣ она прислуживала ему молча, почти съ робостью.

Однако, его привѣтливость и простота мало-помалу возбудили въ ней довѣріе, и она сдѣлалась болѣе сообщительной. Она рассказывала ему, что ее зовутъ Марѳой, а сестру Маріей, и что имѣніемъ больного брата Симона управляетъ другой братъ, Лазарь...

Сумерки спускались на землю. Марія опять сидѣла на скамьѣ, неподвижно глядя въ вечернюю мглу и слыша, какъ кругомъ падаютъ листья. Ни малѣйшаго дуновенія не было теперь въ воздухѣ; вокругъ нея царилъ миръ, тихая и строгая торжественность, какое-то призывное величіе, и ей страстно захотѣлось тоже сдѣлаться его участницей; она стала ждать, не снизойдетъ ли и на нее печальное ученіе осени—покорность.

«Можетъ быть, когда-нибудь поймешь!»—прозвучало въ ея ушахъ.—«Нѣтъ,—подумала она съ проснувшимся вновь упорствомъ—нѣтъ, я этого не понимаю» И снова выступила передъ ней ея прежняя фантазія, что она пойдетъ бродить по бѣлу-свѣту въ поискахъ своего счастья. Ей казалось, что сердце ея готово разорваться отъ страстнаго, бурнаго стремленія, отъ лихорадочной, пламенной тоски по счастью и по любви, любви и счастью юности, по всему, что было лучшаго и прекраснѣйшаго въ ея помыслахъ и мечтахъ, по жизни, настоящей, истинной, богатой жизни, какой мы никогда не достигаемъ и которая должна, однако, существовать, разъ мы можемъ ея жаждать. И она заплакала—бурно, неудержимо и такъ горько, какъ будто все, что придавало ея жизни какую-либо цѣнность, должно было уйти вмѣстѣ со слезами.

Постепенно слезы ея, однако, изсякли, и тогда она почувствовала, какъ на нее спустилось

подчинило ее своей власти нѣчто совсѣмъ другое,—тяжелое, строгое, неотвратимое.

Вдругъ она услышала возлѣ себя голосъ:
«О чемъ плачешь ты, женщина?»

Она вздрогнула и отвернула лицо, загорѣвшееся стыдомъ. Она не видала Иисуса, но знала, что это онъ стоитъ возлѣ нея, и чувствовала на себѣ его взглядъ. Она хотѣла встать и уйти прочь, но не могла.

Нѣсколько минутъ прошло въ молчаніи; потомъ онъ снова заговорилъ:

«Марія, тебя осень печалитъ?»

Тогда стыдъ ея исчезъ, она повернулась лицомъ къ Иисусу и обратила на него горящій ожиданіемъ взоръ.

«Да!»—прерывисто отвѣтила она и сдѣлала невольное движеніе, какъ бы протягивая къ нему руки.

Онъ взглянулъ на нее и страшно поблѣднѣлъ. Потомъ, сдѣлавъ надъ собой усиліе, выпрямился; взоръ его скользнулъ мимо Маріи и неподвижно застылъ въ пространствѣ.

«Блаженны плачущіе, ибо они утѣшатся!»—произнесъ онъ тихимъ, но твердымъ голосомъ. Лицо его приняло строгое, почти фанатическое выраженіе, устранившее Марію. Она послѣдно поднялась и, едва держась на ногахъ, почти шатаясь, вошла въ домъ.

На слѣдующій день, раннимъ утромъ, когда въ домѣ все еще было тихо и безмолвно, Иисусъ покинулъ его и направился дальше по пути въ Иерусалимъ.

* * *

Когда Марія узнала, что онъ ушелъ, она почувствовала облегченіе. Всю ночь она пролежала въ страхѣ передъ тѣмъ, что принесетъ наступающій день, и по мѣрѣ того какъ приближалось утро, ея страхъ все возрасталъ. Ей хотѣ-

лось бы имѣть возможность все дальше и дальше отодвигать этотъ день, не вычеркнуть его изъ будущаго,—нѣтъ!—а только знать, что онъ еще наступитъ. Поэтому когда Марса сказала ей, что незнакомецъ удалился уже изъ ихъ дома, ей стало на мгновеніе какъ-то легко на душѣ. Она хотѣла увидѣть его еще разъ, она знала, что увидитъ его, но только бы не теперь, только бы не такъ скоро!

Выйдя изъ дому, она съ удивленіемъ, но въ то же время и съ радостью замѣтила, что ночь прошла дождь. Теперь солнце освѣщало влажную землю, и утренній вѣтерокъ стряхивалъ съ деревьевъ мелкія, сверкающія капли. Ей показалось, что вся природа улыбается ей, точно дитя, только что вынутое изъ купальни и смѣющееся надъ своимъ испугомъ, съ каплями воды, еще висящими на его рѣсницахъ.

И гдѣ же это осень? Ужъ не приснилось ли ей, что настала осенняя пора?

Да, она всему радовалась; все кругомъ представлялось ей такимъ близкимъ, такимъ роднымъ; она все понимала и все любила, была такъ странно, такъ глубоко счастлива, не зная почему и не желая этого знать.

Она медленно спустилась со склона горы и пошелъ по дорогѣ въ Иерусалимъ. Въ ея душѣ безостановочно мелькало далекое воспоминаніе, дѣлавшееся все болѣе дѣйствительнымъ и яркимъ и подъ конецъ поглотившее ее всецѣло. Ей казалось, что она вновь переживаетъ его.

Это было два года тому назадъ. Она была въ Иерусалимѣ ходила помолиться въ храмъ, но не обрѣла мира въ молитвѣ. Она жаждала утѣшенія и примиренія, но предъ ея мыслями стоялъ только гнѣвный и угрожающій Богъ. Съ печалью и уныніемъ въ сердцѣ возвращалась она оттуда.

Тогда ея вниманіе привлекло сборище на улицѣ. Она остановилась, стараясь по рѣчамъ окру-

жающихъ догадаться о томъ, что здѣсь происходитъ, но до слуха ея долетали только звуки взволнованныхъ, сердитыхъ и спорящихъ головъ; самый же смыслъ словъ тонулъ въ этомъ шумѣ.

Вдругъ всѣ смолкли и устремили взоръ въ одну точку. Она тоже посмотрѣла туда.

Посреди толпы стоялъ молодой, стройный человекъ, въ бѣломъ плащѣ. Онъ не былъ высокъ ростомъ, а между тѣмъ казался выше всѣхъ окружающихъ. Глаза его были опущены, а ротъ нервно подергивался. На этого-то человека всѣ и смотрѣли. Ближе всѣхъ къ нему стояла кучка людей, которыхъ, по ихъ внѣшнему виду. Марія признала за фарисеевъ. Одинъ изъ нихъ низенькій толстякъ, съ важной и гордой осанкой, находившейся въ смѣшномъ контрастѣ съ его фигурой, говорилъ съ незнакомцемъ. Когда онъ кончилъ, на губахъ его заиграла хитрая усмѣшка, и усмѣшка эта отразилась на лицахъ окружающихъ. Они, казалось, съ торжествомъ ожидали отвѣта.

Но вдругъ незнакомецъ поднялъ глаза и устремилъ на нихъ взоръ, пламенѣвшій гнѣвомъ.

Онъ началъ говорить, но Марія не разобрала его словъ, а только видѣла эти сверкавшія гнѣвомъ очи. Потомъ народъ опять зашумѣлъ и сталъ тѣсниться впередъ, такъ что она ничего больше не могла видѣть. Задумчиво пошла она дальше. Въ сторонѣ отъ толпы стояла женщина; Марія обратилась къ ней съ вопросомъ:

«Кто этотъ человекъ въ бѣлой одеждѣ?»

Та взглянула на нее какимъ-то страннымъ, затуманеннымъ взоромъ и отвѣчала:

«Иисусъ Назарянинъ, Сынъ Божій!»

Марія вдругъ остановилась и подумала:

«Да, она именно такъ сказала: Иисусъ Назарянинъ, Сынъ Божій!» Съ чувствомъ какой-то непонятной тревоги ускорила она шаги.

Послѣ того воспоминаніе объ этомъ лицѣ преслѣдовало ее въ теченіе нѣсколькихъ дней.

Когда она раздумывала о странномъ взглядѣ и всей манерѣ женщины, съ которой она говорила, то приходила къ заключенію, что та, вѣроятно, немного помѣшана; поэтому она и не хотѣла углубляться въ смыслъ ея словъ.

Но они все-таки произвели на нее глубокое впечатлѣніе, благодаря той особенной связи, которая возникла, такимъ образомъ, между ея собственнымъ настроеніемъ и видомъ разгнѣваннаго чужеземца. Они были какъ бы подтвержденіемъ ея собственныхъ мыслей въ то время. Постепенно, однако, и это воспоминаніе пашло себѣ вмѣстѣ съ другими могила забвенія на днѣ ея души...

Марія зашла такъ далеко, что видѣла уже Иерусалимскій храмъ, возвышавшійся надъ склономъ горы. Тогда она повернула, чтобы идти обратно. Въ ней не было теперь прежняго ощущенія радости и счастья; какая-то неопредѣленная тревога то и дѣло заливала краской ея щеки.

И въ ушахъ ея звучали слова той женщины: «Иисусъ Назарянинъ, Сынъ Божій!»

Вдругъ она остановилась и широко раскрытыми глазами стала смотрѣть впередъ. По дорогѣ шла ей навстрѣчу женщина; одѣта она была бѣдно, почти нищенски; маленькая, хрупкая съ густымъ слоемъ пыли на одеждѣ, она шла невѣрной поступью, внимательно озираясь во кругъ.

Но вотъ она остановила глаза на Маріи,—этотъ взглядъ!—да, это была она, женщина, произнесшая тѣ странныя слова!

Марія не трогалась съ мѣста и, не отрывая отъ нея глазъ, ждала ея, въ сущности сама не зная для чего. Но женщина не обратила на нее большого вниманія и прошла мимо, лишь мелькомъ взглянувъ на нее.

Тогда Марію охватило непреодолимое желаніе заговорить съ ней. Она пошла за ней слѣдомъ, вскорѣ нагнала ее и дернула за платье.

Женщина обернулась и посмотрѣла на нее съ спокойнымъ вопросомъ въ глазахъ.

Марія пришла въ замѣшательство; она не подумала о томъ, что же она ей скажетъ.

«Ты ищешь кого-нибудь?»—спросила она, наконецъ, пристально глядя на нее все время.

На одинъ мигъ что-то похожее на подозрѣніе промелькнуло въ глазахъ женщины, но затѣмъ она спокойно отвѣтила:

«Кого мнѣ искать?»

Марія почувствовала, что начинаетъ сердиться; какое-то особенное настроеніе овладѣло ею, смѣсь стыда и гнѣва, и она сказала безъ колебаній:

«Ты ищешь Іисуса Назарянина?»

Глаза женщины блеснули, и она горячо воскликнула:

«Да, это правда,—я ищу его. Не знаешь ли ты, гдѣ онъ?»

Марія не сводила съ нея взора.

«Онъ ночевалъ у насъ въ домѣ теперь онъ ушелъ,—онъ, навѣрно, въ Іерусалимѣ».

Женщина кивнула головой.

«Да, да, я такъ и думала!» И она хотѣла итти дальше, но Марія удержала ее.

«Кто ты? Почему ты неотступно слѣдуешь за нимъ?»—запальчиво спросила она, остановивъ на женщинѣ пытливый взглядъ.

Та подняла голову и встрѣтилась глазами съ Маріей. Въ ея взорѣ были сначала смущеніе и гнѣвъ, но скоро они исчезли, и ихъ смѣнили печаль и смиреніе и еще что-то, озадачившее Марію; быть можетъ, это было состраданіе.

«Я—Марія Магдалина, самая презрѣнная изъ его слугъ. Я была грѣшницей»,—тихо приба-

вила она и почти съ гордостью взглянула на Марію. Затѣмъ она поспѣшно пошла далѣе.

Марія тоже продолжала свой путь. Но душе ея находилась въ страшномъ смятеніи.

«Она любитъ его,—думала она:— а между тѣмъ считаетъ его Сыномъ Божиимъ!»

Эта мысль представлялась ей грознымъ приговоромъ.

Когда она пришла домой, ея видъ испугалъ Марѳу. Но на всѣ ея разспросы она не дала никакого отвѣта, только со слабой улыбкой качала головой и говорила, что вполнѣ здорова. Марѳа видѣла, что одно уже ея присутствіе есть мука для сестры.

И такъ продолжалось и слѣдующіе дни. Безсильно спустивъ руки на колѣни, Марія неподвижно сидѣла и смотрѣла передъ собой застывшимъ взоромъ. Стоило войти кому-нибудь въ горницу, какъ она начинала тревожиться и волноваться; особенно же нестерпимо было ей присутствіе сестры или брата: она точно стыдилась чего-то передъ ними. Порой она дѣлала надъ собой усиліе, пытаясь заняться, помочь сестрѣ въ хозяйственныхъ хлопотахъ, но вскорѣ бросала дѣло и снова погружалась въ прежнее оцѣпенѣніе. Тяжелая усталость парализовала не только тѣло ея, но и волю. Между тѣмъ на лбу ея образовались двѣ глубокія морщинки, какъ бы отъ непрерывной мучительной думы, а по ночамъ Марѳа слышала порой, какъ сестра шептала слова, которыхъ она не дерзала понять, слова о грѣхѣхъ и позорѣ.

Спустя нѣсколько дней Лазарь и Марѳа собрались въ Іерусалимъ. Марія рѣшительно отказалась сопровождать ихъ, горячо уговаривая ихъ въ то же время идти. Подъ конецъ они должны были уступить ея настояніямъ.

Они пустились въ путь съ утра. Какъ только они отправились, Марія вышла въ садъ и сѣла

на скамью передъ домою. Нѣсколько часовъ просидѣла она неподвижно, погруженная въ оцѣпенѣлое раздумье. Вдругъ лицо ея нервно оживилось; она встала и начала спускаться къ дорогѣ. Проходившій мимо юноша взглянулъ на нее съ изумленіемъ. Тогда она замѣтила, что одѣта небрежно, покраснѣла и вернулась домой. Пока она надѣвала свое праздничное платье, въ головѣ ея проносились обрывки изъ разговора съ Иисусомъ. Она опустила руки, громко говоря сама себѣ: «Да, я понимаю это!»— и улыбнулась улыбкой, которая ей самой показалась странной.

Когда она была готова, она направилась въ Иерусалимъ. Она шла безъ остановки, не отдыхая ни минуты. Часа черезъ два послѣ полудня она была уже въ городѣ. Тамъ она начала бродить по улицамъ, пугливо избѣгая всѣхъ встрѣчныхъ, бросая кругомъ быстрые, зоркіе взгляды. Нѣсколько разъ подходила она къ храму, но, покачавъ головой, внезапно поворачивала назадъ. Такъ прошло еще часа два или три; возраставшая въ ней все это время тревога побуждала ее идти все торопливѣй впередъ. Она шла и шла, не обращая больше вниманія на недоумѣвающіе или насмѣшливые взгляды прохожихъ.

Наконецъ, она очутилась совсѣмъ далеко отъ храма, на одной изъ окраинъ города. Тогда она остановилась, внезапно, и трепеть пробѣжалъ по всему ея тѣлу. Въ тѣни колоннады собралась небольшая кучка людей; то были нищіе и блудницы, хромые и увѣчные, самые жалкіе и самые презрѣнные отбросы Иерусалима. Посреди нихъ стоялъ Иисусъ и бесѣдовалъ съ ними.

Когда Марія остановилась, онъ увидалъ ее и взглянулъ на нее на мгновенье,—скорбная складка появилась на его устахъ, но затѣмъ онъ снова обратился въ другую сторону и про-

должалъ свою рѣчь. Голосъ его сдѣлался еще мягче,—нѣкоторыя женщины тихо плакали.

Но Марія приближалась медленно, съ потупленнымъ взоромъ, пока не подошла такъ близко, что могла различить его слова. Тогда она опять остановилась и стала слушать. Тишина и спокойствіе водворились въ ея сердцѣ; она не шевелилась, точно боясь пропустить хоть одно слово; только грудь ея поднималась и опускалась, тяжело дыша.

Происшедшая въ ней перемѣна наполнила ее ощущеніемъ неизъяснимаго счастья. Слова Иисуса овладѣли ею съ такой полнотою, что ей казалось, будто она живетъ только ими. Она вся прониклась сознаніемъ глубокаго, сокровеннаго пониманія, живого воспріятія того, что онъ говорилъ, и ей думалось, что не только его слова она понимаетъ, но и то, что таится въ самыхъ нѣдрахъ его души, и что ко всему этому сокровенному ей будетъ дано пріобщиться. И под конецъ она подняла глаза и посмотрѣла на Иисуса яснымъ и твердымъ взоромъ, въ которомъ не было больше ни страха, ни стыда.

И пока она такъ смотрѣла ему въ лицо, одна мысль проснулась въ ней и, все проясняясь, достигла глубокой, непреложной увѣренности. Правда, въ этой мысли была скорбь, самая глубокая скорбь, какая только могла обрушиться на нее, но въ то же время она чувствовала, что выше и прекраснѣй этой скорби нѣтъ ничего въ ея жизни. Эта мысль заключалась въ томъ, что этотъ человѣкъ отмѣченъ смертію, что дни его сочтены. И предъ этой увѣренностью исчезли въ ея душѣ всѣ сомнѣнія всѣ безпомощные вопросы. Кто онъ,—человѣкъ или Богъ, есть ли любовь. Вся къ нему грѣхъ и кощунство, — это утратило для нея теперь всякое значеніе. Она одно только знала: что ея единственная задача усладить для него безграничною преданностью

тѣ часы, которые ему еще оставалось прожить, беззавѣтно отдать ему все свое существо, всякую мысль, всякое чувство, всякое желаніе, принести ему въ даръ счастье глубокаго, душевнаго сочувствія. Ради этого жила она, мыслила и страдала; силу на это она ощущала въ своей любви.

Она не отрывала отъ него своего взора. «Онъ долженъ взглянуть на меня!—думала она:—и тогда онъ все пойметъ! Почему онъ не смотритъ на меня, развѣ же онъ не знаетъ, что происходитъ во мнѣ?»

И вотъ Іисусъ обратилъ къ ней свое лицо и встрѣтилъ ея взглядъ. Это длилось одинъ только мигъ, но она видѣла, что онъ понялъ ее и принялъ ея даръ.

Вечеромъ Іисусъ возвращался въ Виванію вмѣстѣ съ Маріей, ея сестрой и братомъ. Марѳа бросала удивленные взгляды на сестру: вся она была какая-то просвѣтленная, какъ это бываетъ въ то мгновеніе, когда человѣкъ свелъ свои счеты съ жизнью.

Нѣкоторые изъ учениковъ слѣдовали за ними, а также и Марія Магдалина: Марія часто взглядывала на нее, но Магдалина избѣгала ея взора. Во всемъ ея существѣ было что-то, болѣе чѣмъ всегда, смятенное и сокрушенное.

Но когда онѣ остались на минуту однѣ, она порывисто схватила руку Маріи и поцѣловала ее.

II.

Въ тотъ же вечеръ Иуда тайно покинулъ Иерусалимъ, куда пришелъ вмѣстѣ съ другими учениками. Его путь лежалъ на югъ, по непрото-реннымъ тропамъ, чрезъ горы Іудеи. Ни одной живой души не встрѣтилъ онъ; если же видѣлъ челоувѣческое жилье, то обходилъ его. Но когда ночной мракъ спустился такъ густо, что онъ ничего уже не могъ видѣть передъ собой, онъ поневолѣ долженъ былъ остановиться.

Не чувствуя ночной свѣжести, онъ сѣлъ, куда попало. Сомкнуть глазъ онъ не могъ ни на минуту. Онъ сидѣлъ, бодрствуя, дожидаясь разсвѣта, проклиная темноту, мѣшавшую его бѣгству,—въ этомъ промедленіи ему чудилась опасность.

Онъ пришелъ теперь къ этому рѣшенію послѣ длившейся три мѣсяца ожесточенной внутренней борьбы. Давно уже бѣгство представлялось ему единственнымъ спасеніемъ, но въ послѣднюю минуту силы всегда измѣняли ему, и онъ оставался. А между тѣмъ онъ видѣлъ опасность въ каждой подобной отсрочкѣ.

Ибо одна мысль преслѣдовала его неумолимо,—мысль о предстоящей смерти Учителя. Эта мысль зародилась изъ словъ, сказанныхъ Іисусомъ своимъ ученикамъ въ пустынѣ и пустившихъ корни въ душѣ Іуды, хотя тогда онъ ими не проникся, а затѣмъ питалась и росла подъ вліяніемъ чего-то необъяснимаго, вкравшагося въ жизнь Іисуса и его апостоловъ, носившагося въ окружавшемъ ихъ воздухѣ и отражавша-

госа порой въ ихъ глазахъ, чего-то давящаго, шемящаго сердце, подобно далекой еще грозѣ. Были еще иные явственныя признаки, тревожившіе другихъ, наиболѣе прозорливыхъ, по крайней мѣрѣ, учениковъ: въ толпахъ, окружавшихъ Иисуса и внимавшихъ его словамъ, начали показываться чужія, зложелательныя лица; нѣсколько разъ къ нему являлись подосланные изъ Іерусалима люди, предлагали ему коварныя вопросы, старались вывѣдать его намѣренія и, разбитые и уничтоженные, возвращались съ угрожающими рѣчами и жаждой мести во взорѣ. На все это Іуда не обращалъ, однако, вниманія, по крайней мѣрѣ сознательно онъ не останавливался на этомъ; у него было только предчувствіе, и поэтому тѣмъ рѣшительнѣй опредѣляло оно его внутреннюю жизнь.

Онъ думалъ: «Если онъ умретъ, и я буду въ это время при немъ, его образъ будетъ постоянно преслѣдовать меня и отравлять мнѣ жизнь, которую я люблю и отъ которой онъ отвлекъ меня волшебной силой. Я долженъ былъ бы раньше покинуть его,—долженъ былъ бы раньше этого его забыть,—я буду жить далеко отсюда, и тогда мнѣ никогда не придется узнать объ его смерти!»

Когда же онъ пришелъ въ Іерусалимъ, эта мысль съ такой мучительной увѣренностью стала его осаждать, что дала ему силы привести планъ въ исполненіе.

Вечеромъ, послѣ того какъ Іисусъ вышелъ изъ Іерусалима, Іуда незамѣтно отсталъ отъ прочихъ учениковъ и украдкой покинулъ городъ.

Какъ только начало разсвѣтать, онъ поднялся и снова двинулся въ путь. Одинъ разъ, очутившись на вершинѣ какой-то горы, возвышавшейся надъ другими, онъ остановился и бросилъ пугливый взглядъ назадъ, туда, гдѣ лежалъ Іерусалимъ. Но только голыя горы ограничивали не-

босклонъ; городъ же скрылся отъ его взоровъ. Тогда онъ перевелъ духъ и болѣе спокойной поступью двинулся дальше.

Вечеромъ, на второй день послѣ того, какъ онъ ушелъ изъ Иерусалима, онъ увидѣлъ на пальнемъ краю горизонта свой родной городъ. Лишь послѣ захода солнца успѣлъ онъ достигнуть его. Точно воръ, крался онъ по улицамъ, и ему удалось, никого не встрѣтивъ, добраться до своего дома. Онъ почти боялся, что не найдеть его больше на прежнемъ мѣстѣ, и при первомъ взглядѣ на него почувствовалъ почти безумную радость. Все было такъ, какъ должно было быть; никакихъ перемѣнъ не было замѣтно. «Ты спасенъ, ты спасенъ!»—шептало что-то внутри него.

Болѣе года прошло съ тѣхъ поръ, какъ онъ покинулъ свой домъ. Болѣе года!.. Эта мысль поразила его ужасомъ; онъ поспѣшно подошелъ къ двери и положилъ руку на засовъ.

Дверь была заперта! Онъ отшатнулся въ изумленіи, простоялъ съ минуту, точно расслабленный, потомъ опять подскочилъ къ двери и сильно дернулъ ее. Нѣтъ, она была заперта, заперта изнутри! Значитъ кто-нибудь долженъ былъ быть тамъ,—въ его собственномъ домѣ! Безпорядочныя мысли кружились вихремъ въ его головѣ. Вдругъ онъ встрепенулся,—до него донесся звукъ, похожій на невнятное бормотаніе, и звукъ этотъ исходилъ изнутри. Онъ приложилъ ухо къ дверной щели и сталъ прислушиваться, затаивъ дыханіе. Снова раздалось прежнее бормотаніе, а потомъ спотыкающіеся, шлепающіе шаги. Его охватила неистовая ярость, и онъ изо всѣхъ силъ началъ трясти дверь, громко крича: «Кто тамъ?.. Отворите!.. Это я,—это я!»

Тогда дверь приотворилась, и въ нее высунулась чья-то голова. Въ первую минуту Іуда

отшатнулся, растерянный, почти испуганный. Въ темнотѣ эта голова показалась ему похожей на привидѣніе.

Она была неестественно большая, красная и безобразная, съ неопредѣленными, незаконченными, такъ сказать, чертами, какъ у новорожденнаго младенца. Маленькія ввалившіеся глазки имѣли неподвижный, безсмысленный взглядъ; изъ-за полураскрытыхъ губъ виднѣлись два ряда крѣпкихъ, ослѣпительно-бѣлыхъ зубовъ. Не глаза, а эти зубы освѣщали лицо придавали ему его характеръ. И это лицо было обрамлено совсѣмъ бѣлыми волосами и бородой, которые висѣли перепутанными, включенными космами.

Іуда всмотрѣлся въ него и затѣмъ разразился громкимъ, холоднымъ смѣхомъ. Онъ узналъ въ немъ одного изъ городскихъ нищихъ, слабо умнаго Авву. Онъ съ шумомъ отворилъ дверь отпихнулъ нищаго и вошелъ.

«Убирайся-на отсюда!» — сказалъ онъ коротко и грубо, взглянувъ на нищаго съ угрозой въ глазахъ. Возможность его выпроводить доставляла ему извѣстное наслажденіе.

Тотъ посмотрѣлъ на него своимъ тупымъ, безсмысленнымъ взглядомъ, но не шевельнулся.

Тогда Іуда подошелъ ближе къ нему и повторилъ:

«Ну, не слышишь ты развѣ? Пошелъ прочь!» Но онъ почти желалъ, чтобы нищій оказалъ сопротивленіе; ему хотѣлось вступить съ нимъ въ борьбу, сразиться съ нимъ изъ-за мѣста. Поэтому онъ испыталъ разочарованіе, когда тотъ, не говоря ни слова, покорно, почти равнодушно, взялъ узелокъ, лежавшій въ углу, и вышелъ въ отворенную дверь.

Оставшись одинъ, Іуда посмотрѣлъ вокругъ. Теперь онъ снова былъ единовластнымъ хозяиномъ въ своемъ домѣ, но въ сердцѣ его не было

уже той радости, которую онъ испыталъ, когда только-что его увидѣлъ. Эти внезапные переходы въ его настроеніи встревожили его. «Если бъ онъ только могъ перестать думать,—думать и чувствовать!»

Онъ пошелъ запереть дверь; вдали онъ различилъ удаляющуюся среди мрака фигуру нищаго. Съ чувствомъ, близкимъ къ зависти, посмотрѣлъ онъ ему вслѣдъ.

Въ тотъ же мигъ его поразила мысль: «И Оомъ и завидовалъ,—Оомъ, который сомнѣвался,— и этому, который...»

«Нѣтъ,—только не думать,—не думать!»

Онъ направилъ шаги къ внутренней горницѣ, но въ ту минуту, какъ хотѣлъ отворить дверь, вдругъ остановился. На него нахлынуло воспоминаніе о смертномъ часѣ матери. Тамъ вѣдь она умерла! Раньше онъ не думалъ! У него вырвался жестъ изступленія.—Нѣтъ, нѣтъ, онъ не хочетъ думать!

«Развѣ лечь спать?.. Да, это самое лучшее онъ уснетъ,—а послѣ этого, завтра, станетъ работать и забудетъ! Вѣдь она снова принадлежить ему, эта жизнь, которая ему мила, и онъ наверстаетъ все, что потерялъ,—да, онъ будетъ работать, работать! Если бъ онъ могъ сдѣлаться сребролюбцемъ! А почему бы и нѣтъ!»—съ горечью подумалъ онъ:—быть можетъ, именно въ этомъ его задача! Да, онъ сдѣлается сребролюбцемъ!»

Онъ бросился, какъ былъ, совсѣмъ одѣтый на постель, и, изнеможенный тѣлесно и душевно заснулъ съ этой мыслью.

Среди ночи онъ внезапно очнулся и спросилъ самъ себя: «Зачѣмъ я ушелъ отъ него?»

Онъ находился въ какомъ-то особенномъ состояніи. Ему казалось, что онъ сразу видитъ все, что случилось въ теченіе этого года, видитъ ясно и отчетливо, но вдалекѣ и съ чѣмъ-то фанта-

стическимъ въ самомъ освѣщеніи. Въ головѣ его проносились мысли, странныя и неясныя, но запечатлѣнныя, тѣмъ не менѣе, увѣренностью вѣртія.

«Почему онъ былъ счастливъ, пока не увидѣлъ Иисуса?—Онъ былъ счастливъ потому, что не видѣлъ счастья. Есть твари, созданныя для мрака и все-таки влекомыя къ свѣту неотразимой силой, пока не сгорятъ заживо въ его лучахъ. Такъ и онъ не былъ созданъ для счастья, но когда онъ увидѣлъ его, ему не было дано за него умереть; онъ былъ обреченъ жить и томиться!.. Не созданъ для счастья, а между тѣмъ обреченъ томиться по немъ?» Онъ остановился на минуту; онъ чувствовалъ, что здѣсь въ ходѣ его мыслей есть пробѣлъ, пустое мѣсто, котораго онъ не могъ заполнить. Да! Ему смутно представлялось, что здѣсь самый первоисточникъ его судьбы, но онъ не могъ найти его; этотъ первоисточникъ былъ отъ него скрытъ.

И онъ вернулся къ своей первой мысли: «Отчего онъ ушелъ отъ Иисуса?» Онъ и на этотъ вопросъ нашелъ отвѣтъ. «Не оттого, что онъ боялся его смерти,—нѣтъ! а оттого, что любилъ его, и оттого, что любовь его была зломъ!»

Эта мысль заставила его улыбнуться, но въ истинности ея онъ не усомнился. «Да, это такъ»,—подумалъ онъ,—«моя любовь есть зло, поэтому я и долженъ былъ отъ него бѣжать. Онъ тоже это знаетъ; я это-то и видѣлъ въ его взорѣ!»

Мысли его начали путаться, и онъ снова погрузился въ сонъ.

Когда онъ проснулся на слѣдующее утро, то ничего этого не помнилъ. Онъ присѣлъ на постели и съ удивленіемъ сталъ оглядываться въ горницѣ. Ему казалось, будто онъ спалъ долго, очень долго,—навѣрно, ему что-нибудь и снилось! Было совсѣмъ свѣтло; онъ, должно быть, проспалъ! Что же это мать не разбудила его!

«Мать!»—кликнулъ онъ, но голосъ его тотчасъ же оборвался; онъ поблѣднѣлъ и вскочилъ съ постели.

«Нѣтъ,—нѣтъ,—не думать, не вспоминать,—работать будетъ онъ, работать!»

* * *

За этимъ послѣдовало время, похожее на то, которое предшествовало кончинѣ матери и уходу Иуды изъ родныхъ мѣстъ. Онъ чувствовалъ себя какъ бы беспомощной жертвой двухъ противоборствующихъ, несогласимыхъ силъ. Когда онъ былъ съ Иисусомъ, мысль о прежней его жизни отравляла ему его счастье, теперь, когда онъ сызнова бросился въ объятія этой жизни, образъ Иисуса стоялъ передъ нимъ, какъ горящій неугасимымъ пламенемъ призывъ. Днемъ ему еще удавалось иногда заглушить свои мысли, но ночью... онъ боялся ночи съ ея одиночествомъ и безмолвиемъ!

Поэтому когда онъ проходилъ однажды мимо нищаго Аввы, сидѣвшаго въ полудремотѣ на углу улицы, его осѣнила внезапная мысль. Онъ посмотрѣлъ вокругъ, улица была пуста; тогда онъ подошелъ къ нищему.

Авва поднялъ на него свой тупой, равнодушный взглядъ, но ничто въ его лицѣ не показывало, что онъ узналъ Иуду.

«Слушай-ка!—коротко и рѣзко сказалъ Иуда.—Гдѣ ты ночуешь?»

Нищій отвѣтилъ на это хриплымъ смѣхомъ..

«Гдѣ ночую?.. У себя дома!»

Иуда смотрѣлъ на него съ удивленіемъ.

«У себя дома?.. Гдѣ же это?»

Нищій гордо взглянулъ вокругъ себя и отвѣтилъ, хохоча попрежнему: «Вездѣ! Все, все мое!» И онъ съ пренебреженіемъ отвернулся отъ Иуды.

Иуда вскипѣлъ гнѣвомъ, но преодолѣлъ себя; и сказалъ:

«Послушай, ты дуракъ, но мнѣ тебя жаль. Вѣдь это я выгналъ тебя въ тотъ вечеръ,—понимаешь ли, я,—но тебѣ нечего все-таки бояться меня. Ты можешь приходить ко мнѣ ночевать; я тебя жалѣю и буду поэтому пускать тебя къ себѣ, но только на ночь! Понимаешь ли ты, что я тебѣ говорю?»

Ниццй ничего не отвѣтилъ и продолжалъ сидѣть, какъ бы совсѣмъ не замѣчая его... Иуда же зналъ, игра ли это воображенія, или дѣйствительно онъ видитъ на губахъ Аввы насмѣшливую улыбку. Разсерженный, онъ повернулся и пошелъ своей дорогой.

Но, возвратившись вечеромъ домой, онъ не сталъ запираеть двери. «Можетъ быть, онъ все-таки придетъ!» — думалъ онъ. Ему казалось, что онъ и желаетъ этого и страшится. Онъ не могъ лечь спать, а ходилъ взадъ и впередъ въ тревожномъ ожиданіи. Такъ прошло полчаса.

«Нѣтъ, онъ меня не понялъ, онъ не придетъ!» — подумалъ Иуда.—Вотъ какимъ я сталъ презрѣннымъ существомъ,—продолжалъ онъ нить своихъ мыслей:—жажду общества нищаго».

Вдругъ онъ встрепенулся,—на улицѣ послышались тяжелые, шлепающіе шаги. Дверь отворилась, и вошелъ Авва. Не глядя на Иуду, какъ будто даже не замѣчая его присутствія, онъ заперъ за собою дверь, поставилъ къ стѣнкѣ свой посохъ и присѣлъ къ столу. Затѣмъ онъ развязалъ свой узелокъ и началъ ѣсть его содержимое съ голодной жадностью хищнаго звѣря.

Иуда не спускалъ съ него глазъ. Онъ испытывалъ чувство отвращенія, въ которомъ въ то же время была какая-то своеобразная притягательная сила; онъ не могъ оторвать взора отъ крѣпкихъ, ослѣпительно-бѣлыхъ зубовъ нищаго; ему казалось, что они точно свѣтятся.

Покончивъ съ ѣдой, нищій медленно связалъ опять свой узелокъ, всталъ и потянулся. Потомъ онъ оглядѣлся въ комнату, попрежнему не обращая вниманія на Іуду, подошелъ къ кровати и грузно повалился на нее.

Іуда слѣдилъ за всѣми его движеніями съ недоумѣвающимъ любопытствомъ; но теперь онъ невольно сжалъ руки въ кулакъ, всталъ и поспѣшно подошелъ къ кровати.

«Прочь отсюда! Это мое мѣсто!»—крикнулъ онъ съ сердцемъ. Но нищій не двигался. Когда Іуда наклонился надъ нимъ, то увидаль, что онъ уже спитъ крѣпкимъ и глубокимъ сномъ. Онъ беспомощно опустилъ руки; раздраженіе его не исчезло, но къ нему присоединилось смутное сознаніе, что преимущество силы не на его сторонѣ, и что всякая борьба будетъ бесполезна. Онъ простоялъ нѣсколько минутъ передъ спящимъ нищимъ, внушавшимъ ему не то отвращеніе, не то зависть, потомъ кое-какъ устроилъ себѣ въ углу горницы постель и легъ.

Съ этого времени они стали жить вдвоемъ. Но хозяиномъ въ домѣ былъ нищій. Днемъ онъ сидѣлъ на своемъ обычномъ мѣстѣ, на углу улицы; Іуда проходилъ иногда мимо него, и всякій разъ чудилась ему насмѣшливая улыбка на губахъ Аввы. Въ такіе дни онъ принималъ рѣшеніе запереть вечеромъ дверь и не впускать его къ себѣ. Но когда вечеръ наступалъ, онъ чувствовалъ себя такимъ трусомъ при мысли, что останется одинъ, что почти жаждалъ прихода нищаго и съ какой-то угрюмой радостью ловилъ звукъ его шаговъ на улицѣ. Онъ смотрѣлъ, на него, пока онъ ѣлъ, и затѣмъ безпрепятственно предоставлялъ ему ложиться на его кровать. Разговоры ни между собой не вели,—Іуду удерживалъ отъ нихъ тайный страхъ, а нищаго, очевидно,—презрительное равнодушіе. Но когда Іуда ложился въ свой уголокъ, онъ долго лежалъ

безъ сна и прислушивался къ ровному, глубокому дыханію своего сосѣда. Каждую ночь онъ переживалъ вновь въ своихъ мысляхъ истекшій годъ; образъ Іисуса стоялъ предъ его душой неотступно. Порой ему еще удавалось цѣною страшнаго душевнаго напряженія сосредоточить свои мысли на сдѣланной за день работѣ, на завтрашней платѣ за трудъ, но и тогда образъ Іисуса мелькалъ изъ-за этихъ мыслей и снималъ у нихъ всю ихъ сладость. Когда же онъ слышалъ дыханіе нищаго, оно доставляло ему какое-то горькое утѣшеніе въ его страданіяхъ.

Только подъ утро засыпалъ онъ. Просыпался онъ среди бѣлаго дня; нищаго тогда уже не было. Іуда торопливо одѣвался и спѣшилъ уйти изъ дому. Почти противъ воли онъ всегда проходилъ по той улицѣ, гдѣ имѣлъ свое мѣстопробываніе Авва. Іуда видѣлъ, какъ онъ сидѣлъ въ своемъ углу, и на губахъ его ему чудилась насмѣшливая улыбка.

Порой онъ недоумѣвалъ, въ чемъ же заключается сила того воздѣйствія, которое оказывалъ на него нищій. Онъ испытывалъ къ нему отвращеніе, почти ненависть, а между тѣмъ не могъ безъ него обойтись. Ему казалось, что онъ самъ доработилъ себя ему, что самъ онъ какимъ-то поступкомъ, или намѣреніемъ,—быть можетъ, просто какою-то мыслью продался ему, далъ ему власть надъ собой, изъ-подъ которой не могъ больше освободиться.

Но что особенно мучило его, такъ это то, что эти отношенія установились у нихъ въ силу молчаливаго договора; они не обмѣнялись ни единымъ словомъ о нихъ. Это придавало имъ что-то жуткое и таинственное; Іудѣ иногда представлялось, что первое же слово нарушить чары.

И разъ вечеромъ онъ сдѣлалъ надъ собой усиліе, принудилъ себя заговорить съ нищимъ

Тотъ сидѣлъ за столомъ и ѣлъ, когда Іуда внезапно спросилъ его какимъ-то странно-сухимъ голосомъ:

«Отчего ты, Авва, никогда не работаешь?»

Нищій продолжалъ ѣсть, точно не слыхаль вопроса. Но когда онъ кончилъ и легъ на кровать, то, противъ обыкновенія, не тотчасъ же заснулъ, а отвѣтилъ, спустя нѣкоторое время, сопровождая свои слова надтреснутымъ, рѣжущимъ ухо смѣхомъ: «Зачѣмъ мнѣ работать, мнѣ это не нужно,—работаютъ только дураки!»

Іуда всталъ со своего мѣста и началъ ходить взадъ и впередъ по горницѣ. Ему казалось, что нищій слѣдитъ за нимъ взглядомъ, и взглядъ этотъ говоритъ ему: «Это ты дуракъ, а не я! Для чего ты работаешь?»

Вдругъ онъ снова остановился и спросилъ въ прежнемъ тонѣ:

«Ты никогда не думаешь, Авва?»

Снова услышалъ онъ хохотъ нищаго и его отвѣтъ:

«Для чего мнѣ думать, думаютъ только дураки!»

И онъ подумалъ: «Да, да,—это правда,—это я дуракъ, а не онъ!»

«Такъ ты развѣ никогда не думалъ?»—спросилъ онъ еще. Прошло нѣсколько времени, было совсѣмъ тихо, онъ не получилъ отвѣта. Съ удивленіемъ поднялъ онъ глаза на Авву и отступилъ назадъ, ошеломленный. Онъ встрѣтилъ на мгновеніе его взглядъ,—и такимъ страннымъ, такимъ глубокимъ и умнымъ, но мрачнымъ отъ боли показался ему этотъ взглядъ. Быть можетъ, это было все-таки одно воображеніе, потому что теперь нищій отвѣтилъ своимъ обычнымъ, лишеннымъ всякаго выраженія лопоуханьемъ:

«Была у меня когда-то одна дума, да умерла,—я ее убилъ!»

И онъ съ хитрой усмѣшкой взглянулъ на Іуду и снова захохоталъ.

Тогда Іуда преисполнился такого сильнаго, такого безмѣрнаго отвращенія, что это чувство изгнало изъ его сердца страхъ. Онъ подошелъ вплотную къ кровати и, стиснувъ зубы, сказалъ:

«Вонъ отсюда,—вонъ!»

Онъ указалъ дрожащимъ пальцемъ на дверь. Но нищій спокойно поднялся, расправилъ свои могучіе члены и насмѣшливо отвѣтилъ:

«Берегись,—я сильнѣе тебя!» И онъ показалъ ему свою жилистую, мясистую руку.

Іуда посмотрѣлъ на него съ минуту, отвернулся, пошелъ къ своей постели и легъ. Онъ слышалъ язвительный смѣхъ нищаго и дрожалъ, какъ въ ознобѣ. Чувство глубокаго униженія наполняло его при мысли о присутствіи этого существа, но когда онъ вспоминалъ взглядъ, который ему почудился въ его глазахъ, и когда въ его ушахъ снова раздавались послѣднія слова Аввы, холодный трепеть пробѣгалъ по его тѣлу.

Вдругъ до него донеслось глубокое дыханіе нищаго. «Онъ спитъ!»—безпрерывно повторялъ его мозгъ, но онъ зналъ, что эта мысль служитъ только для того, чтобъ заслонить другую, пробудившуюся на днѣ его души. Нѣсколько времени онъ просидѣлъ совсѣмъ неподвижно, потомъ машинально всталъ, пробрался тихонько къ столу, ощупалъ лежавшія на немъ вещи, схватилъ что-то и судорожно сжалъ въ рукѣ. Это былъ ножъ. Беззвучно, задерживая дыханіе, подкрался онъ къ кровати, на которой лежалъ нищій, положилъ руку ему на грудь, осторожно передвигая ее, пока не почувствовалъ бѣненія его сердца, и поднялъ ножъ. Но въ ту же минуту ему показалось, что бѣлые зубы Аввы сверкаютъ изъ-за раскрывшей его ротъ насмѣшливой улыбки. Рука его выпустила ножъ, и онъ упалъ на полъ.

«Отъ этого толку не будетъ!»—подумалъ Іуда

и отошелъ отъ кровати. Онъ не чувствовалъ ни раскаянiя, ни содроганiя предъ тѣмъ дѣломъ, котораго едва не совершилъ, а только сознавалъ, съ унынiемъ, что отъ этого толку не будетъ. Не думая больше о томъ, чтобъ не шумѣть, онъ вернулся къ своей постели, бросился на нее и почти мгновенно заснулъ.

Въ эту ночь ему вновь приснился тотъ сонъ, который онъ видѣлъ въ пустынѣ близъ Генисарета. Воклѣ него стоялъ высокiй, темный призракъ и своимъ взглядомъ, сотканнымъ изъ мрака, такъ долго и такъ пристально смотрѣлъ на него, что онъ отъ этого проснулся.

Было еще темно; Иуда первымъ дѣломъ взглянулъ въ ту сторону горницы, гдѣ стояла кровать нищаго. Смутно различилъ онъ его большую, безобразную голову, и снова въ немъ заговорило чувство удивленiя. Онъ поспѣшно всталъ, одѣлся такъ, какъ если бъ собирался въ дальнiй путь, взялъ свой посохъ и вышелъ изъ дому.

Была звѣздная, тихая, холодная ночь. Вскорѣ онъ оставилъ позади себя городъ; передъ нимъ разстилалась угрюмая равнина. Въ лицо ему повѣялъ свѣжiй вѣтерокъ, легкiй и тихiй, какъ дыханiе ночи. Онъ дулъ съ сѣвера, и прямо навстрѣчу ему направился Иуда.

Онъ чувствовалъ себя нѣсколько утомленнымъ. не тѣломъ, а душой, но зато такимъ спокойнымъ. какъ теперь, онъ давно-давно уже не былъ. Онъ отказался отъ бесплодной борьбы и возвращался вновь къ Иисусу для того, чтобъ совершилась его судьба.

* * *

Черезъ два дня онъ снова былъ въ иерусалимѣ. Его отсутствiе длилось два мѣсяца; теперь была зима. Но ни въ городѣ, ни въ его окрестностяхъ не нашелъ онъ никакихъ слѣдовъ Иисуса и его учениковъ. Въ теченiе нѣсколькихъ дней онъ

исходилъ всё прилегающія къ Іерусалиму мѣста, но его поиски оказались тщетны. Онъ наводилъ справки; нѣкоторые только подозрительно взглядывали на него и не отвѣчали; другіе говорили, что Іисусъ давно уже не показывался въ городѣ, что онъ ушелъ неизвѣстно куда. Одинъ старикъ съ кроткимъ и умнымъ лицомъ прибавилъ къ этому: «Если ты найдешь его, скажи ему чтобъ онъ лучше не возвращался». Іуда пугливо посмотрѣлъ на него, но не попросилъ у него объясненія.

Слабая надежда начала зарождаться въ его душѣ: можетъ быть, онъ его не отыщетъ! Онъ не прекращалъ, однако, своихъ развѣдокъ; онъ чувствовалъ, что не успокоится, пока не испробуетъ всего; онъ испытывалъ болѣзненное желаніе добыть такимъ путемъ увѣренность, что судьба не хочетъ, чтобъ онъ нашелъ Іисуса.

Разъ вечеромъ, находясь на вершинѣ Елеонской горы, онъ прошелъ мимо женщины, лицо которой показалось ему знакомо. Она сидѣла и смотрѣла внизъ, на Іерусалимъ, до того погруженная въ свои мысли, что не замѣтила Іуды. Онъ остановился и сталъ всматриваться въ нее. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ видѣлъ раньше это лицо, но когда и гдѣ? Да,—теперь онъ вспомнилъ,—это та женщина, въ обществѣ которой Іисусъ шелъ изъ Іерусалима въ тотъ самый вечеръ, когда онъ, Іуда, обратился въ бѣгство.

Зловѣщее предчувствіе овладѣло имъ; онъ поспѣшно прошелъ мимо нея. «Зачѣмъ мнѣ говорить съ ней? Кто можетъ меня принудить спрашивать?»—подумалъ онъ.—«Никто принудить меня не можетъ, я не стану ее спрашивать»—громко сказалъ онъ. Но въ ту же минуту онъ вновь остановился, и губы его сложились въ странную усмѣшку. «Никто, кромѣ меня самого»,—снова подумалъ онъ съ уныніемъ:—«что

пользы отъ этого?.. Вѣдь я же знаю, что все равно долженъ спросить ее!»

И онъ опять сталъ медленно приближаться къ ней. Тогда она увидѣла его и обратила къ нему свое лицо. Онъ попытался прочесть свой приговоръ въ ея чертахъ. «Да, она знаетъ!»—подумалъ онъ и запальчиво, почти съ угрозой воскликнулъ:

«Женщина, ты знаешь, гдѣ Иисусъ Назарянинъ?»

Она вздрогнула и поблѣднѣла сначала, но затѣмъ спокойно и открыто посмотрѣла ему въ лицо и отвѣтила увѣреннымъ голосомъ:

«Да,—я знаю,—но не скажу».

Иуда взглянулъ на нее съ изумленіемъ, почти съ благодарностью.

«Почему ты не хочешь сказать?»—нерѣшительно спросилъ онъ.

Она покачала головой и повторила:

«Нѣтъ, я не скажу!»

Голосъ ея выражалъ твердое, непоколебимое рѣшеніе. Точно тяжесть свалилась съ сердца Иуды; онъ поспѣшно отвернулся и пошелъ прочь.

«Я все сдѣлалъ,»—думалъ онъ:—«такъ хочетъ судьба!»

Вдругъ онъ содрогнулся, и лицо его сдѣлалось совсѣмъ блѣлымъ. Женщина позвала его. Въ страхѣ онъ ускорилъ шаги. «Можетъ быть она раскаивается,—да и отчего я не былъ на стойчивѣй, отчего такъ поспѣшно ушелъ отъ нея!»—промелькнуло у него въ головѣ. Но въ ту же минуту онъ ясно созналъ, какая эта низменная, дрянная мысль. Внезапно вспыхнувшая гордость подсказала ему, что она недостойна его, что такъ низко онъ не долженъ падать. Онъ остановился и сталъ ждать женщину.

Нагнавъ его, она зорко на него посмотрѣла: лицо ея выражало сомнѣніе и колебаніе. «Кто ты?»—спросила она.—«Почему ты справляешься

о немъ?» Иуда остановилъ на ней взглядъ, глубоко тронувшій ее—она сама не знала почему. «Я ученикъ его»,—отвѣтилъ онъ.

Что-то скорбное прозвучало въ его голосѣ, что-то было во всемъ его обликѣ, что, подобно внезапно проявившейся жилѣ благороднаго, чистаго металла, разсѣяло недовѣріе женщины. Она продолжала пристально смотрѣть на него, потомъ спросила, въ невольномъ волненіи положивъ ему руку на плечо: «Скажи, ты Иуда Искаріотъ?»

Иуда больше не удивлялся; онъ какъ будто потерялъ къ этому способность. «Да!»—отвѣтилъ онъ такъ же, какъ прежде; онъ чувствовалъ, что взоръ женщины съ теплымъ сочувствіемъ покоится на немъ, и это его мучило, какъ незаслуженный даръ.

Быть можетъ, она угадала это, потому что спѣшно отвела отъ него свой взоръ и заговорила радостно и дружелюбно:

«Въ такомъ случаѣ, я скажу тебѣ. Когда я въ послѣдній разъ имѣла отъ него извѣстія, онъ былъ въ Іерихонѣ, но собирался отправиться дальше, спуститься къ Іордану. Тамъ ты, навѣрное, и найдешь его. А теперь пойди со мной и переночуй у насъ въ домѣ, прежде чѣмъ вновь продолжать свой путь».

Иуда покачалъ головой; она повторила свою просьбу, но онъ отвѣтилъ почти жестко: «Нѣтъ!»

Она, повидимому, не оскорбилась его отказомъ и протянула ему на прощанье руку. Онъ не взялъ ея, но ея голосъ звучалъ все такъ же дружелюбно, когда она сказала:

«Ну, такъ прощай! Когда найдешь Учителя, передай ему привѣтъ отъ Маріи и скажи ему... нѣтъ нѣтъ,—скажи ему только, что ты говорилъ со мною!»

Она оставила его и стала спускаться къ Виваніи.

Иуда же думалъ. «У Иордана,—Иорданская пустыня,—неужели я найду его тамъ!»

* * *

Его предчувствіе не обмануло его. Онъ нашелъ Иисуса въ Иорданской пустынѣ, въ той самой мѣстности, гдѣ впервые увидѣлъ его. Какъ и тогда, онъ встрѣтилъ его одного, и, какъ тогда, лицо его носило печать борьбы и страданія. Но когда онъ увидѣлъ Иуду, оно все-таки просвѣтлѣло на мгновеніе. «Видишь, Иуда, ты все равно вернулся!»—сказалъ онъ со слабой, полупечальной улыбкой.

Но Иуда палъ ницъ передъ нимъ и съ дикой, бурной страстностью воскликнулъ:

«Господи, я не могу,—не могу,—дай мнѣ умереть за тебя, Господи!»

Боль и горькое разочарованіе пробѣжали по лицу Иисуса.

«Нѣтъ, Иуда»,—сказалъ онъ строго и внушительно,—«ты долженъ жить для меня,—жить и бороться. Въ этомъ твоя задача,—твоя смерть мнѣ не нужна».

Иуда поднялъ на него глаза и сказалъ почти угрожающимъ тономъ:

«Я не могу,—я не могу!»

Иисусъ встрѣтился съ нимъ взглядомъ. «Такъ борись же, пока не почувствуешь, что можешь!»—сказалъ онъ такъ же, какъ прежде.

Иуда всталъ съ колѣнъ. Къ нему вернулось спокойствіе и самообладаніе, и на лицѣ его появилась какая-то сумрачная красота.

«Нѣтъ, я его ненавижу!»—подумалъ онъ и отошелъ съ поникшей головой.

Иисусъ смотрѣлъ ему вслѣдъ взоромъ, полнымъ боли и бессильной любви.

III.

Да, онъ его ненавидѣлъ, ненавидѣлъ его со всею силой своей больной любви, ненавидѣлъ его такъ, какъ можетъ ненавидѣть человѣкъ участіе, отъ котораго онъ отлученъ, цѣль, которой не можетъ достигнуть. Онъ ненавидѣлъ его за то, что не могъ дольше жить жизнью, которой жадно и пламенно алкалъ, за то, что долженъ былъ презирать желанія, которыхъ не могъ умертвить въ своей душѣ.

Но снова попытаться покинуть его,—объ этомъ онъ больше не думалъ. Онъ чувствовалъ, что долженъ теперь слѣдовать за нимъ, пока... пока не наступитъ всему конецъ. Ибо съ какой-то удивительной, неотвратимой яркостью неизмѣнно стояла передъ нимъ мысль, что судьба Учителя скоро свершится. Она терзала его и вмѣстѣ съ тѣмъ доставляла ему своего рода угрюмую радость. Въ силу какого-то страннаго переворота въ его настроеніи, котораго онъ не могъ себѣ объяснить, эта мысль не вызывала въ немъ больше страха,—онъ ждалъ смерти Иисуса, какъ освобожденія, какъ развязки—счастливой или несчастной, это потеряло для него теперь всякое значеніе; важно было то, что это будетъ развязка.

Онъ снова вошелъ въ общеніе съ остальными учениками. Ему казалось, что онъ ихъ больше не знаетъ, онъ понималъ какъ будто, что внушаетъ имъ недовѣріе или отвращеніе, но самъ не питалъ къ нимъ ни ненависти ни любви; они были для него точно посторонніе люди, живущіе въ совершенно иномъ мірѣ, чѣмъ онъ. Но въ то же время, или, можетъ быть, потому именно, что онъ относился къ нимъ такъ равнодушно, ему казалось, что онъ лучше, чѣмъ прежде, понимаетъ ихъ и судить о нихъ, что онъ словно видитъ ихъ насквозь. Онъ смотрѣлъ на Оому и смѣялся надъ самимъ собой, вспо-

шная, какъ когда-то боялся его. «Вѣдь онъ ребенокъ,»—думалъ онъ:—«что такое его сомнѣнiе, какъ не желанiе ребенка помучить тѣхъ, кого онъ любитъ, чтобы потомъ приласкать и утѣшить ихъ?» Онъ смотрѣлъ на Іоанна и думалъ: «Этотъ любитъ Учителя больше, пожалуй, чѣмъ другiе, и все-таки меньше, чѣмъ они, потому что онъ не столько его самого любитъ, сколько свою любовь къ нему». Онъ смотрѣлъ на Андрея и думалъ: «Онъ утомился и колеблется; но когда Учитель умретъ, любовь его вспыхнетъ раскаянiемъ и укорами самому себѣ, какъ тогда, когда онъ узналъ о кончинѣ Іоанна». Да, онъ видѣлъ и понималъ все это,—какъ странно, что въ то же время онъ не могъ понять самого себя! Какъ-то разъ, казалось ему, онъ все-таки себя понялъ, хотя не могъ припомнить, когда это было. Почему же не могъ онъ больше себя понять? Не потому ли, что тѣ были добрые, а онъ злой?

Лишь одинъ изъ нихъ, какъ ему представлялось, соприкасался съ нимъ нѣсколько своимъ душевнымъ состоянiемъ. Это былъ Петръ. Ему одному изумлялся онъ, ему одному завидовалъ. Онъ изумлялся равновѣсiю, царившему въ душѣ этого человѣка; онъ видѣлъ, какъ его здравый, практическiй смыслъ теперь, какъ и прежде, побуждалъ его заниматься мелкими хлопотами повседневной жизни, мыслью о домѣ, женѣ и дѣтяхъ, но такъ, что это нисколько не приходила въ столкновенiе съ его любовью къ Іисусу и его дѣлу. Порой ему казалось, что онъ презираетъ его за это, но и тогда въ немъ шевелилась догадка, что это презрѣнiе есть лишь извращенiе тоски по тѣмъ же свойствамъ; это было то самое презрѣнiе, какое напускаетъ на себя больной при видѣ свѣжихъ, румяныхъ щекъ здоровья.

Но хотя онъ, такимъ образомъ, во всѣхъ ихъ проникалъ своимъ взглядомъ, все же онъ чувствовалъ, что есть въ нихъ нѣчто такое, что остается для него недоступнымъ, чего онъ не

можетъ постичь, и это вѣчто вырывало пропасть между нимъ и ими и дѣлало столь несходнымъ между зобой ихъ отношенія къ Учителю и его. То была не вѣра, ибо онъ-то развѣ не вѣровалъ,— то была не любовь, ибо онъ-то развѣ не любилъ! Такъ что же это было? Онъ понималъ, что отвѣтъ на этотъ вопросъ есть ключъ ко всей его судьбѣ, но не могъ найти этого отвѣта.

Глубокое и потрясающее впечатлѣніе произвела на него встрѣча съ Маріей Магдалиной,—быть можетъ, потому, что тутъ въ первый разъ со времени ихъ перваго разговора они обмѣнялись нѣсколькими словами. Правда, всего лишь двумя-тремя.

Это было послѣ встрѣчи съ Иисусомъ, когда онъ возвратился на то мѣсто, гдѣ расположились на ночь ученики. Иуда уже издали замѣтилъ Магдалину; она бродила одна, какъ всегда, точно бодрствующая служительница заботы. Сильное волненіе охватило его, когда онъ вновь увидѣлъ ее послѣ долгаго промежутка; ему вдругъ стало ясно, что онъ могъ бы полюбить эту женщину и сдѣлаться лучше чрезъ эту любовь, хотя она никогда бы не отвѣтила ему тѣмъ же чувствомъ. Онъ вспомнилъ ея слова: «Скажи ему, что я плакала, но не говори ему, о чемъ!» Теперь онъ зналъ, о чемъ были ея слезы, но въ то же время чувствовалъ, что эта причина не имѣетъ ни малѣйшей доли въ той ненависти, которую, какъ онъ думалъ, онъ питаетъ къ Иисусу. Эта мысль на одинъ мигъ мелькнула передъ нимъ, какъ возможное объясненіе, но онъ съ презрѣніемъ отвергъ ее: онъ могъ бы полюбить эту женщину, могъ бы полюбить ее безъ надежды и безъ всякихъ притязаній.

Теперь, однако, и это миновало! Но сердце его смягчилось при видѣ Магдалины; онъ не сталъ, какъ прежде, сторониться ея, а пошелъ къ ней навстрѣчу, чувствуя потребность утѣшить и самому получить утѣшеніе.

Она тоже увидала его издали и остановилась, дожидаясь его. Ея жгучій взоръ былъ устремленъ на него съ выраженіемъ, вызывавшимъ въ немъ все ббольшую * ббольшую тревогу по мѣрѣ того, какъ онъ къ ней приближался. «Почему она смотритъ на меня такъ? Прежде ея взоръ бывалъ такъ привѣтливъ! Но и этому, навѣрное, наступилъ конецъ!»—съ горечью подумалъ онъ.

«Самое жучшее было бы уклониться отъ встрѣчи съ ней»,—продолжалъ онъ думать.—«Теперь и она ненавидитъ меня!» Но онъ, тѣмъ не менѣе, подвигался все ближе и ближе и остановился передъ ней, наконецъ, вопросительно смотря на нее. Онъ испытывалъ робкое желаніе истолковать странное выраженіе въ ея глазахъ.

Такъ стояли они нѣкоторое время и глядѣли другъ на друга. Оба они чувствовали, что позади нихъ лежитъ и ихъ связываетъ что-то общее въ ихъ прошломъ, что между ними произошло нѣчто такое, что не требуетъ словъ или дѣйствій и можетъ заключаться лишь во взглядѣ, въ невысказанной мысли, но все же никогда послѣ этого не изгладится, потому что вмѣстѣ съ нимъ человекъ отдаетъ частицу своего собственнаго «я». Иуда смиренно радовался этому, тогда какъ Марія Магдалина пылала, очевидно, гнѣвомъ и негодованіемъ.

«Такъ ты, значить, вернулся!»—мрачно сказала она, наконецъ.

Онъ думалъ, что отвѣтилъ «да», но на самомъ дѣлѣ только утвердительно кивнулъ.

«Я предчувствовала, что ты вернешься,—продолжала она такъ же, какъ прежде.—«Но было бы лучше, если бъ ты не приходилъ».

«Можетъ статься»,—задумчиво сказалъ онъ:—«да, можетъ статься это было бы и лучше!» Онъ язвительно засмѣялся, потомъ сердито и задорно взглянулъ на нее и вскричалъ: «Почему это было бы лучше?»

Она не отвѣчала, но не отрывала отъ него своего палящаго взора. Тогда онъ вдругъ преисполнился къ ней отвращенія, невольно сдѣлалъ отстраняющій жестъ и поспѣшно отошелъ отъ нея.

И всякій разъ, какъ онъ послѣ того вспоминалъ эту сцену, его охватывало то же отвращеніе.

Съ тѣхъ поръ они не говорили больше другъ съ другомъ. «Она меня ненавидитъ,»—думалъ Іуда:—«но, навѣрное, такъ и должно было быть!» И глухое упорство начинало пробуждаться въ его душѣ.

* * *

Они возвратились въ Іерусалимъ. Днемъ Іисусъ ходилъ по городу, проповѣдуя и уча. Но всюду преслѣдовали его теперь враждебные, горѣвшіе ненавистью взоры, и постоянно долженъ былъ онъ готовиться къ борьбѣ. Поэтому при наступленіи вечера онъ переводилъ духъ съ такимъ чувствомъ, точно снималъ съ себя тяжелые доспѣхи, и уходилъ прочь изъ города. Онъ удалялся на Елеонскую гору; чаще же всего направлялъ свой путь въ Виѳанію, гдѣ проводилъ ночь въ домѣ Симона прокаженнаго. Тамъ находилъ онъ врачеваніе для ранъ минувшаго дня и обрѣталъ обновленную силу для битвъ наступающаго; тамъ, во взорѣ, у котораго, лишь для него было сіяніе и блескъ, видѣлъ онъ отображеннымъ подвигъ своей жизни во всемъ стихійномъ величіи его и красотѣ.

Но тамъ же случалось ему выдерживать въ тишинѣ ночи самую тяжелую и самую жестокую борьбу,—борьбу съ самимъ собою

* * *

Въ Виѳанію Іуда слѣдовалъ за іисусомъ неохотно. Съ самаго возвращенія ихъ въ Іерусалимъ Марія выказывала ему привѣзавность, которую

онъ считалъ для себя унизительной, потому что ему чудилось въ ней состраданіе. Въ томъ душевномъ состояніи, въ какомъ онъ находился, всякая привѣтливость была для него пыткой. И кромѣ того, ему было неприятно встрѣчаться здѣсь съ Маріей Магдалиной. Поэтому онъ обыкновенно оставался на ночь въ Іерусалимѣ.

Разъ вечеромъ онъ сидѣлъ одинъ у городскихъ воротъ и вдругъ увидѣлъ, что къ нему приближаются два человѣка; они горячо разговаривали между собой, и онъ понялъ, что рѣчь у нихъ шла о немъ. Одинъ изъ нихъ былъ уже въ лѣтахъ—по внѣшности Іуда призналъ въ немъ фарисея и вспомнилъ, что послѣднее время онъ часто встрѣчалъ его и всегда испытывалъ мучительное чувство, что его выслѣживаютъ и наблюдаютъ за нимъ. Это былъ длинный, тощій человѣкъ, съ лицомъ исхудавшимъ и изборожденнымъ морщинами, не отъ возраста и не отъ заботъ или лишений, а отъ работы мысли или отъ страстей. Глаза лежали глубоко и прятались обыкновенно подъ опущенными вѣками. Но когда онъ поднималъ вѣки, изъ-подъ нихъ вырывался взглядъ, острый и бдительный, какъ у хищной птицы. На губахъ его неизмѣнно играла ироническая усмѣшка.

Другой былъ совсѣмъ юноша, съ энергическимъ и благороднымъ лицомъ. Лобъ у него былъ невысокъ, но необыкновенно широкій и рѣзко выпуклый надъ бровями, что указывало на непреклонную волю. Глаза имѣли живой, открытый и умный взглядъ.

Одежда священника была ему не къ лицу. да и не подходила къ нѣкоторой небрежности во всемъ. Это внѣшнемъ видѣ и порывистымъ, часто даже страстнымъ движеніямъ.

Они остановились на нѣкоторомъ разстояніи отъ Іуды и, повидимому, спорили о чемъ-то; наконецъ, младшій нетерпѣливо передернулъ плечами и поспѣшно и рѣшительно направился къ Іудѣ; другой медленно слѣдовалъ за нимъ.

«Послушай»,—сказаль юноша высокѣмъ, мелодичнымъ голосомъ, остановясь передъ Іудой:— «ты не галилеянинъ?»

Іуда, изумленный, посмотрѣль на него съ тайной тревогой и, запинаясь, отвѣтилъ: «Нѣтъ!»

«Что ты хочешь этимъ сказать?»—продолжалъ тотъ.—«Хочешь ли ты сказать, что ты правовѣрный іудей, что ты вѣруешь въ Бога Израилева,— въ Бога Авраама и Исаака?»

Внезапно на Іуду нахлынуло далекое воспоминаніе,—воспоминаніе о бесѣдѣ въ пустынѣ со старцемъ. Не его ли собственныя были эти слова, не поставилъ ли онъ тогда того же самого вопроса? Онъ точно прошелъ длинный-длинный путь и потомъ вдругъ очутился вновь на томъ же самомъ мѣстѣ, откуда вышелъ, и онъ испытываль радость заблудившагося, когда ему кажется, что онъ снова попалъ въ хорошо знакомыя ему мѣста.

Съ жаромъ, изумившимъ его самого, онъ отвѣтилъ:

«Да,—именно это,—да, да, да!»

Юноша смотрѣль на него мрачнымъ и угрожающимъ взглядомъ.

«Ты лжешь»,—сказаль онъ:—«ты предатель!»

И не дождавшись отвѣта Іуды, онъ съ бурной запальчивостью продолжалъ:

«Я знаю тебя,—развѣ ты не ученикъ этого галилеянина, этого Іисуса Назарянина? Знаешь ты, кто онъ? Онъ называетъ себя Сыномъ Божиимъ, но онъ сынъ діавола, врагъ народа Іудейскаго и его Бога. Знаешь ты, чего онъ хочетъ? Онъ хочетъ погибели и истребленія нашего народа, хочетъ стереть съ лица земли нашу страну, святую страну Господню, хочетъ, чтобъ нашъ народъ, избранный народъ Господень, сдѣлался добычей язычниковъ. Слепъ ты или глупъ, или нѣтъ у тебя ушей, чтобы слышать? Не слыхаль ты развѣ, какъ онъ говорилъ это.—не призываль

онъ развѣ погибель на Иерусалимъ, не изрекалъ хулы на храмъ Господень? И онъ называетъ себя Мессіей, царемъ Іудейскимъ! Но горе ему и вамъ всѣмъ, ослѣпленные, ибо безъ милосердія и пощады будете вы съ корнемъ вырваны изъ земли,—горе тебѣ, Іуда, ибо гнѣвъ Господень будетъ на тебѣ, если ты не обратишься и не испустишь своего преступленія!»

Его лицо пылало и глаза сверкали. Іуда смотрѣлъ на него съ удивленіемъ; въ сущности, онъ совсѣмъ не понималъ его словъ, но уже видѣлъ его мужественное и восторженное лицо было для него какъ бы оправданіемъ. «Оправданіемъ? Въ чемъ?»—подумалъ онъ затѣмъ съ мучительной тревогой.

Тѣмъ временемъ пожилой фарисей успѣлъ подойти къ нимъ и съ опущенными вѣками и своей иронической усмѣшкой прислушивался къ ихъ разговору. Но тутъ онъ тихонько положилъ свою тонкую, изящной формы руку на плечо юноши и сказалъ: «Спокойнѣй, Савль! Всегда-то ты мечешь огонь и пламя!»

Юноша порывисто стряхнулъ съ себя его руку и обратился къ нему съ готовымъ рѣзкимъ отвѣтомъ. Но, встрѣтивъ его взглядъ, смолчалъ и только презрительно пожалъ плечами.

Какъ только Іуда замѣтилъ присутствіе другого фарисея, онъ преисполнился отвращенія къ нимъ обоимъ и самому себѣ, и въ немъ стала расти тревога. Онъ поднялся, намѣреваясь уйти.

Но пожилой фарисей остановилъ его, положивъ ему на рукавъ свою руку. Іуда попробовалъ вырваться, но тонкая рука удерживала его съ желѣзной силой. Тогда онъ угрюмо сказалъ:

«Чего хотите вы отъ меня?»

«Ничего дурного,»—отвѣчалъ фарисей.—«Мы хотимъ спасенія твоей души, и кромѣ того,»—прибавилъ онъ, и его улыбка превратилась почти въ гримасу:—«славы и богатства для тебя ча землѣ».

Иуда встрѣтился съ нимъ взглядомъ, и по его тѣлу пробѣжала дрожь.

Тотъ продолжалъ, все время сжимая его руку: «Я знаю, что ты несчастливъ,—ты страдаешь, и это его вина. Онъ тебя околдовалъ, сковалъ тебя властью діавола, поэтому ты и не виновень. Будь только смѣлѣе! Освободись отъ него,— понимаешь ты?—освободись навсегда, освободись даже отъ памяти о немъ, и ты снова сдѣлаешься счастливъ!»

Иуда смотрѣлъ на него въ изумленіи.

«Вѣдь это онъ высказываетъ мои собственныя мысли!»—подумалъ онъ. Но громко онъ только произнесъ, машинально ихъ повторяя, свои прежнія слова:

«Чего хотите вы отъ меня?»

Тогда молодой выпалилъ:

«Мы хотимъ его смерти, хотимъ смерти ему и всѣмъ его приверженцамъ!»

Старшій взглянулъ на юношу со своей иронической улыбкой и выпустилъ руку Иуды.

Тогда Иуда снова овладѣлъ собой; онъ насмѣшливо посмотрѣлъ на нихъ и сказалъ:

«Ну, такъ убейте его!»

Старшій передъ тѣмъ отвернулся; теперь онъ бросилъ на Иуду острый, пытливый взглядъ и вѣско отвѣтилъ:

«Не мы его убьемъ, а ты!»

Иуда страшно поблѣднѣлъ, но не тронулся съ мѣста.

«Я,—я!»—промолвилъ онъ трепещущимъ голосомъ.

Фарисей подошелъ къ нему вплотную, дотронулся до груди его своимъ указательнымъ пальцемъ.

«Да, тебя избралъ Господь!»—сказалъ онъ глубокимъ, торжественнымъ голосомъ.

Иуда взглянулъ на него и увидалъ усмѣшку на его губахъ. Тогда онъ преисполнился такого

отвращенія, что поднялъ руку для удара. Но въ тотъ же мигъ взоръ его упалъ на Марію Магдалину, стоявшую въ нѣкоторомъ отдаленіи; онъ почувствовалъ, какъ ея глаза жгутъ его, опустилъ руку, повернулся и медленно пошелъ прочь.

Но только въ первую минуту видъ Маріи Магдалины и мысль, что она была свидѣтельницей его разговора съ фарисеями, произвели на него нѣкоторое впечатлѣніе; его заглушила потомъ другая, ужасная мысль, теперь впервые получившая жизнь въ словахъ: «онъ долженъ убить его!» Онъ точно видѣлъ ее передъ собой, куда бы ни обращалъ взоры; его охватывало безумное желаніе убить, уничтожить ее, но въ то же время онъ чувствовалъ свое безсиліе. Мысль, разъ она родилась, уже не можетъ быть умерщвлена.

«Я избранъ!»—пронеслось у него въ головѣ. Одно мгновеніе это показалось ему утѣшеніемъ, но затѣмъ ему вспомнилась усмѣшка фарисея, и отвращеніе снова овладѣло имъ.

«Нѣтъ»,—подумалъ онъ:—«если я это сдѣлаю»,—онъ содрогнулся, но потомъ съ упорствомъ повторилъ эту мысль, — «если я это сдѣлаю, то ужъ никакъ не ради нихъ. Ихъ я ненавижу и презираю!» Вдругъ промелькнуло предъ нимъ лицо юноши, и снова онъ почувствовалъ что-то въ родѣ оправданія.

«Онъ искрененъ и благороденъ»,—подумалъ онъ:—«и, тѣмъ не менѣе, онъ этого хочетъ! Если бъ мнѣ только знать, вѣрить ли онъ тоже, что я избранъ!»

Потомъ опять онъ вспомнилъ о Маріи Магдалинѣ и о томъ, что она знаетъ это. «Да, она знала это давно, раньше чѣмъ я самъ это узналъ! Но какъ могла она повѣрить этому, какъ могла она этому повѣрить!»

При этой мысли онъ снова сдѣлался спокоенъ и исполнился суроваго, холоднаго упорства.

* * *

Ночью онъ проснулся и увидаль передь собой образъ нищаго. Онъ слышалъ его смѣхъ и его слова: «Была у меня когда-то одна дума, да я ее убилъ!»

«Но если бь кто-нибудь другой убилъ эту мысль,»—подумаль онъ:—«развѣ онъ не былъ бы и тогда свободенъ?—Нѣтъ, потому что тогда у него осталось бы воспоминаніе. Но, убивая ее самъ, онъ убилъ и воспоминаніе. Да, онъ долженъ былъ убить воспоминаніе или же сойти съ ума. И въ обоихъ случаяхъ онъ вѣдь дѣлался свободенъ! Да, такъ это, такъ, поэтому онъ и убилъ ее самъ!»

Этотъ ходъ мыслей стрилъ ему, повидимому, страшныхъ усилій, и, сдѣлавъ послѣдній выводъ, онъ не былъ уже въ состояніи думать. Но ему казалось, что теперь онъ пришелъ къ ясности, неотвратимой ясности истины.

* * *

На слѣдующій день Іисусъ вмѣстѣ со своими учениками тайно оставилъ Іерусалимъ и направился въ лежащій къ сѣверу отъ него маленький городокъ, называемый Еффраимъ.

Когда Іуда увидаль его утромъ, онъ со страхомъ сталъ вглядываться въ его лицо. Оно было кротко и привѣтливо, и взоръ Іисуса спокойно встрѣтился со взоромъ Іуды, но, тѣмъ не менѣе, что-то подсказало послѣднему, что Учителю все извѣстно.

И онъ подумаль: «Онъ тоже считаетъ меня способнымъ сдѣлать это!» Эта мысль какъ будто двинула его впередъ, преисполнивъ его горькимъ упорствомъ.

IV.

За шесть дней до праздника Пасхи Иисусъ возвратился въ Иерусалимъ. Но вечеръ онъ провелъ въ Виваніи, въ домѣ Симона прокаженнаго.

Ему приготовили тамъ вечернюю трапезу, и Марѳа служила у стола; Марія же по обыкновенію сидѣла у ногъ Іисуса; часто поднимала она на него испытующій взглядъ, какъ бы стараясь прочесть, что у него написано на лицѣ. Тогда онъ ей улыбался ей, но взоръ его былъ мраченъ отъ безнадежной скорби и давалъ горестный отвѣтъ на ея безмолвный вопросъ. Мертвенная блѣдность все болѣе и болѣе разливалась по лицу Маріи, но она оставалась все такъ же спокойна съ виду; глаза ея были сухи, и только губы ея дрожали при каждомъ вздохѣ.

По окончаніи вечери она внезапно встала и вышла изъ комнаты. Спустя нѣкоторое время, она вернулась, держа въ рукахъ драгоценный алебастровый сосудъ съ мирромъ. Она подошла къ Іисусу, разбила сосудъ и возлила мирро ему на голову, потомъ упала предъ Учителемъ на колѣни, помазала ему и ноги и отерла ихъ своими волосами. Іисусъ сначала посмотрѣлъ на нее съ изумленіемъ и хотѣлъ было ее удержать, но, встрѣтившись съ ней взглядомъ, оставилъ ее. Легкая краска выступила у него на лицѣ.

Въ комнатѣ царила полная тишина. Но вдругъ раздался голосъ Іуды.

Онъ сидѣлъ на самомъ нижнемъ концѣ стола у двери и не отрывалъ глазъ отъ пола. Но все же ему казалось, что онъ видитъ предъ собой лицо Маріи Магдалины, и что это вынуждаетъ его говорить. Беззвучнымъ, но рѣзкимъ голосомъ произнесъ онъ:

«Для чего бы не продать это мирро за триста динаріевъ и не раздать нищимъ?»

Когда онъ сказалъ это, молчаніе сдѣлалось еще болѣе глубокимъ. Но Марія поднялась, вся дрожа; жгучая краска залила ей щеки и шею; глаза ея наполнились слезами, и она съ мольбой взглянула на Иисуса. Онъ взялъ ее за руку и выдвинулъ ее впередъ.

«Оставьте ее!»—сказалъ онъ.—«Она помазала меня къ моему погребенію. Нищихъ вы всегда имѣете съ собой, а меня не всегда».

Иуда поднялъ глаза и на мгновеніе встрѣтился съ очами Иисуса. Голова у него закружилась; онъ всталъ и вышелъ изъ дома. Онъ чувствовалъ на себѣ мрачный взоръ Маріи Магдалины, оскорбленный и гнѣвный, но не рѣшился его выдержать.

Выйдя наружу, онъ остановился и схватился обѣими руками за голову. Безсвязныя мысли вихремъ носились въ ней.

«Онъ думаетъ, что я это сдѣлаю,—быть можетъ, онъ этого хочетъ; иначе зачѣмъ бы ему такъ смотрѣть на меня! А она тоже это думаетъ и ненавидитъ меня! Такъ почему же мнѣ бы этого не сдѣлать? Нѣтъ, онъ не Сынъ Божій! О, онъ просто человѣкъ,—вѣдь ему это было пріятно,—а нищіе,—да, нищіе,—самъ вѣдь онъ сказалъ,—нѣтъ, онъ человѣкъ, а вѣдь люди всѣ обречены смерти. Почему принуждаетъ онъ меня это сдѣлать? Нѣтъ, это не онъ меня принуждаетъ, я хочу этого,—сдѣлаться свободнымъ, свободнымъ. А въ такомъ случаѣ я долженъ это сдѣлать самъ,—какъ это я думалъ?—да, я долженъ это сдѣлать самъ!»

Онъ прошелъ нѣсколько шаговъ, потомъ опять остановился.

«Странно!»—думалъ онъ:—«порой я не знаю, люблю ли его или ненавижу. Но безъ всякаго сомнѣнія, я его ненавижу; какъ могъ бы иначе я сдѣлать это? А между тѣмъ я долженъ это сдѣлать,—я чувствую, что долженъ это сдѣлать! Да, я хочу сдѣлаться свободнымъ, свободнымъ!»

Онъ снова пошелъ, самъ не зная, куда идетъ, ничего не видя передъ собой. Онъ упорно цѣплялся за одну мысль: что Иисусъ не можетъ быть Сыномъ Божиимъ, ибо онъ не принялъ бы тогда помаванія Маріи

Онъ сильно измѣнился за послѣднее время. Станъ его сгѣрбился; на лбу образовались двѣ глубокія складки, взоръ былъ неподвижно устремленъ въ пространство, какъ у человѣка, преслѣдуемаго навязчивой идеей.

Онъ долго шелъ, не отрывая глазъ отъ земли. Наконецъ, онъ очутился за одними изъ воротъ Іерусалима. Онъ остановился, и складки на его лбу врѣзались еще глубже. «Зачѣмъ я пришелъ сюда?»—подумалъ онъ.—«Что это я хочу сдѣлать?»

Вдругъ онъ почувствовалъ, что кто-то тронулъ его сзади. Онъ обернулся; это былъ юноша, котораго пожилой фарисей называлъ при немъ Савломъ.

Иуда сталъ озираться, думая, что и тотъ находится поблизости, но, убѣдившись, что его нигдѣ не видно, ощутилъ что-то, почти похожее на радость.

«Ну, что же?»—сказалъ юноша и пытливо взглянулъ на него.

Иуда долго стоявъ безмолвный и недвижимый; наконецъ онъ поднялъ голову и спросилъ:

«Если я откажусь, что сдѣлаете вы тогда?»

«Онъ приговоренъ,—онъ долженъ умереть!»—стремительно отвѣтилъ юноша.

Иуда всматривался въ него: онъ читалъ на его лицѣ непоколебимую рѣшимость. Снова углубились складки на его лбу. Онъ думалъ: «Онъ во всякомъ случаѣ умретъ, и тогда,—тогда я не буду свободенъ. Я долженъ самъ это сдѣлать, да, самъ!»

Но эта мысль привела его въ содроганіе.

«Неужели я долженъ буду собственноручно?..»—сказалъ онъ, оглядывая съ ужасомъ свою руку, которую невольно протянулъ впередъ.

Тотъ презрительно усмѣхнулся.

«Нѣтъ»,—сказаль онъ:—«здѣсь нѣтъ и рѣчи объ убійствѣ. Его будутъ судить по закону, и онъ умретъ смертю преступника».

Снова Іуда погрузился въ раздумье.

«По закону!»—размышляль онъ.—«Смертью преступника! Но все это вѣдь меня не касается,—это они убьютъ, а не я. Я убью только свою мысль,—свою, собственную мысль,—развѣ не имѣю я права на это?»

И, охваченный внезапнымъ изступленіемъ, онъ схватилъ юношу за рукавъ и крикнуль, глядя ему въ глаза угрожающимъ взоромъ: «Развѣ я не имѣю права умертвить свою собственную мысль?»

Но, увидѣвъ изумленіе Савла, онъ устыдился того, что выдалъ себя. Онъ выпустиль руку его и жестко и рѣшительно произнесъ:

«Скажи, что я долженъ сдѣлать! Я готовъ!»

Глаза юноши сверкнули.

«Иди за мной!»—сказаль онъ и поспѣшно направилъсь въ городъ. Іуда послѣдовалъ за нимъ; теперь все было кончено; онъ не чувствовалъ больше колебаній.

Они остановились передъ большимъ, богато изукрашеннымъ зданіемъ. Юноша велъ Іуду во дворъ, велѣль ему тамъ дожидаться и исчезъ внутри дома. Спустя нѣсколько минутъ, онъ вернулся и повелъ Іуду наверхъ, въ большую залу, гдѣ было собрано человекъ десять.

Это были большею частью сѣдовласые старцы; на всѣхъ были богатыя священническія одѣванія. Іуда скользнулъ по нимъ взглядомъ; въ одномъ изъ нихъ онъ узналь Каіафу, бывшаго въ тотъ годъ первосвященникомъ, въ другомъ, маленькомъ старичкѣ съ совсѣмъ бѣлыми волосами и рѣзкими ястребиными чертами лица, могущественнаго Анну, тестя Каіафы, самаго вліятельнаго представителя древне-іудейской партіи. Онъ-то первый и обратился къ нему.

«Подойди поближе»,—сказаль онъ.—«Какъ тебя зовуть?»

Иуда не тронулся съ мѣста и не отвѣтилъ. Какъ только онъ вошелъ въ этотъ покой, имъ овладѣло одно всепоглощающее чувство—чувство смертельной вражды ко всѣмъ этимъ людямъ.

Анна громкимъ голосомъ повторилъ свой вопросъ.

Тогда Иуда поднялъ на него такой мрачный и угрожающій взглядъ, что тотъ невольно отшатнулся. Иуда улыбнулся странной улыбкой и снова уставился глазами въ полъ. Водворилось тягостное молчаніе; священники переглядывались въ недоумѣніи и нерѣшительности. Тогда выступилъ впередъ одинъ фарисей, прятавшійся раньше за другими, въ глубинѣ покоя. Онъ пошептался съ Анной и затѣмъ подошелъ къ Иудѣ.

Тотъ поднялъ голову и узналъ въ немъ того самага, который вмѣстѣ съ Савломъ велъ съ нимъ бесѣду за городскими воротами. Какъ тогда, такъ и теперь онъ почувствовалъ при видѣ его отвращеніе, смѣшанное со страхомъ.

«Пойдемъ за мной!»—сказаль онъ и слегка ухватилъ Иуду за плащъ.—«Этимъ старымъ дуракамъ нѣтъ надобности слышать, о чемъ мы будемъ говорить!»

Онъ насмѣшливо улыбнулся, и Иуда почувствовалъ, какъ его ротъ скривился въ такую же улыбку. Безвольно послѣдовалъ онъ за нимъ на другой конецъ залы; они остановились у окна. Фарисей все время удерживаль его за плащъ.

«Я ждалъ тебя»,—сказаль онъ глубокимъ, торжественнымъ голосомъ.—«Я зналъ, что ты придешь и исполнишь свое предназначеніе».

Иуда не отвѣчалъ ему. Онъ зналъ, что этотъ человѣкъ просто лицемѣритъ, что та же насмѣшливая улыбка играетъ и теперь на его губахъ, и, тѣмъ не менѣе, пока онъ говорилъ, онъ вѣрилъ его словамъ. Но, побуждаемый инстинк-

мосохраненія, онъ принудилъ себя взглянуть на него, и тогда чары разсѣялись.

«Если ты хоть одно слово еще прибавишь,» — прошепталъ онъ голосомъ, дышавшимъ ненавистью:—«я сейчасъ же уйду отсюда!»

Фарисей бросилъ на него быстрый и зоркій взглядъ и сдѣлался вдругъ серьезенъ.

«Хорошо, хорошо,» — сухо сказалъ онъ и выпустилъ изъ рукъ плащъ Іуды.—«Важно то, что ты согласенъ помочь намъ. Видишь ли, такъ какъ мы не желаемъ нарушать безмятежное спокойствіе народа, то и стараемся, чтобъ все произошло подъ покровомъ и тишины тайны. Поэтому мы и рассчитывали на тебя!»

Онъ снова окинулъ Іуду испытующимъ взглядомъ и поспѣшно продолжалъ, какъ бы для того, чтобъ не дать ему случая отвѣтить.

«Всего лучше было бы ночью или позднимъ вечеромъ. Ты знаешь, гдѣ его найти въ это время, и проведешь насъ къ нему. Но желательнѣй было бы взять его тогда, когда онъ будетъ одинъ, — понимаешь? — только во избѣжаніе народныхъ волненій! И скорѣй, — какъ можно скорѣй, — это для всѣхъ будетъ лучше, также и для тебя! А въ награду рѣшили дать тебѣ тридцать сребренниковъ, — это не много, но...»

Іуда остановилъ на немъ взглядъ, полный такого смятенія и такой муки, что въ холодныхъ глазахъ фарисея промелькнуло что-то въ родѣ состраданія. Онъ круто оборвалъ свою рѣчь.

«Ну, объ этомъ мы всегда успѣемъ переговорить. Слушай теперь внимательно то, что я скажу тебѣ: каждый день, послѣ захода солнца ты можешь застать меня на томъ же мѣстѣ, — знаешь, гдѣ мы говорили въ тотъ разъ!.. Но приходи скорѣй, — это для всѣхъ насъ лучше, — въ томъ числѣ и для тебя! А теперь ступай, — съ тѣми тебѣ нѣтъ надобности говорить, — они тебя не понимаютъ, думаютъ, что ты нѣчто заурядное, но я-то тебя понимаю и знаю, что

ты придешь». Иуда посмотрѣлъ на него; онъ усмѣхнулся и повторилъ, подчеркивая каждое слово:

«Да, я знаю, что ты придешь,—а теперь ступай!»

Онъ толкнулъ его къ двери, сдѣлавъ въ то же время знакъ рукою юношѣ, который стоялъ тамъ и ждалъ.

Но когда взоръ Иуды упалъ на Савла, онъ остановился и обернулся.

«Я не хочу имѣть дѣла съ тобой,»—сказалъ онъ:—«спусть лучше этотъ дожидается меня!»

Фарисей презрительно улыбнулся.

«Да, да,»—отвѣтилъ онъ:—«мы это устроимъ, а теперь уходи». И онъ протякнулъ его въ дверь.

Юноша вышелъ вслѣдъ за Иудой и снова повелъ его по улицѣ. Ночная тьма спустилась на землю; кругомъ было совершенно тихо и безмолвно. Иуда и Савль остановились, и взгляды ихъ встрѣтились. Тогда Иудѣ показалось, что глаза его спутника выражаютъ презрѣнiе, и онъ преисполнился печали. Снѣ думалъ: «Это несправедливо съ его стороны,—вѣдь самъ же онъ хотѣлъ, чтобъ я это сдѣлалъ,—такъ какъ же можетъ онъ презирать меня! Нѣтъ, онъ не долженъ презирать меня!.. Если бъ я могъ сказать ему все!»

Юноша отвернулся и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ. Но затѣмъ онъ опять остановился и медленно пошелъ назадъ.

«Скажи мнѣ,»—внезапно спросилъ онъ:—«ты тоже вѣрилъ, что онъ Сынъ Божiй?»

Иуда вздрогнулъ, испуганный этимъ вопросомъ.

«Да,»—нерѣшительно отвѣтилъ онъ:—«я тоже этому вѣрилъ».

«Что же заставило тебя вѣрить?»

Иуда стоялъ нѣкоторое время молча, потомъ онъ, сердито, вскричалъ: «Оставь меня,—уйди».

отъ меня, —но ты не имѣешь права меня презирать, —не имѣешь на это права!»—съ бурной страстностью повторилъ онъ.

И онъ сталъ поспѣшно удаляться. Вопросъ юноши вновь пробудилъ страшное сомнѣніе въ его душѣ.

Савль задумчиво смотрѣлъ ему вслѣдъ. Потомъ онъ сдѣлалъ внезапный жестъ, какъ бы стараясь отъ чего-то освободиться, и направился въ противоположную сторону.

* * *

Когда Иисусъ на слѣдующее утро подходилъ къ Іерусалиму, молва объ его прибытіи уже успѣла разнестись, и отовсюду сталъ стекаться народъ къ нему навстрѣчу, привѣтствуя его радостными кликами. Его посадили на молодого осла и пошли въ городъ, сопровождая его; нѣкоторые предшествовали ему, размахивая пальмовыми вѣтвями, которыя держали въ рукахъ; остальная же толпа слѣдовала за нимъ, восклицая:

«Осанна сыну Давидову! Благословенъ грядущій во имя Господне!»

За стѣнами Іерусалима бродилъ Іуда послѣ безсонной ночи. Онъ услыхалъ вдали ликующіе клики, остановился и посмотрѣлъ въ ту сторону, откуда они доносились; вскорѣ онъ увидалъ шествіе, которое приближалось, освѣщенное солнцемъ, утопающее въ зелени и цвѣтахъ, и надъ всѣмъ этимъ моремъ головъ увидалъ онъ образъ Иисуса. Тогда онъ сдѣлалъ движеніе, какъ бы порываясь бѣжать, но преодолѣлъ себя и все время оставался на мѣстѣ, пока торжественное шествіе двигалось мимо него; взоръ его не отрывался отъ Иисуса.

И когда онъ увидалъ предъ собой этотъ кроткій ликъ, сіявшій страннымъ сочетаніемъ радости и скорби, тогда онъ пересталъ сомнѣваться

и понялъ, что вчерашняя мысль была просто трусливой уверткой, и что онъ вѣрить попрежнему, что Иисусъ есть Мессія, Сынъ Божій.

Когда шествіе исчезло изъ виду и привѣтственные возгласы замерли, ему показалось, что, наконецъ, ему стало ясно то, что происходитъ въ его душѣ.

Онъ вспомнилъ вечеръ въ пустынѣ передъ тѣмъ, какъ онъ впервые встрѣтился съ Иисусомъ, вспомнилъ, какъ его словно окружала какая-то странная, невидимая сила, какъ она старалась втянуть его въ свой кругъ. Эта сила, имя которой ему было неизвѣстно, которой онъ не понималъ, которой онъ не зналъ, но близость которой пробудила въ немъ полный предчувствіями страхъ, эта самая сила выступила затѣмъ передъ нимъ въ образѣ Иисуса и упорной борьбой старалась его завоевать, чтобы сдѣлать его своимъ; она истерзала его сердце, приковала къ землѣ узами, которыя не могли порваться; изъ-за нея томился онъ тоской, не спалъ ночей и страдалъ,—она была его безнадежной пыткой... Но теперь это кончилось, теперь онъ хочетъ сдѣлаться свободнымъ, и снова сдѣлается теперь свободнымъ, потому что онъ умертвитъ теперь ее, эту силу,—теперь онъ умертвитъ ее!

Онъ выпрямился и гордо посмотрѣлъ вокругъ себя. Эта мысль росла въ немъ, и ему казалось, что вмѣстѣ съ ней растетъ и онъ самъ. Кто посмѣетъ теперь презирать его?.. Ненавидѣть, проклинать его они могутъ, но только не презирать!

Съ этой минуты онъ сдѣлался спокоенъ и рѣшителенъ. поддерживаемый этой мыслью, которая ему представлялась хотя и страшной, но великой, а не заслуживающей презрѣнія. Онъ больше не сомнѣвался, не колебался больше, а ждалъ съ фанатической вѣрой, чтобы пробила часъ, роковой часъ.

Насталъ вечеръ предъ праздникомъ Пасхи. Исусъ, вмѣстѣ со своими двѣнадцатью учениками, сидѣлъ за трапезой въ одномъ изъ домовъ Иерусалима. Весь день онъ пробылъ въ Виваніи, у Лазаря, но къ вечеру назначилъ апостоламъ собраться въ этомъ домѣ, принадлежавшемъ одному изъ новыхъ послѣдователей его ученія, и предупредилъ ихъ, что никто не долженъ отсутствовать.

Все они были глубоко взволнованы. Давно уже они замѣтили, что надъ головой Учителя собирается гроза, послѣдніе же дни онъ часто ронялъ среди рѣчи смутные намеки на то, что судьба его скоро совершится. А потому эта общая вечеря являлась для нихъ какъ бы прощаніемъ, и подтвержденіе этому они читали въ его лицѣ.

Вообще же въ этотъ вечеръ онъ былъ болѣе, чѣмъ всегда, спокоенъ и кротокъ. Исчезло все то тревожное, порой стремительное, что за послѣднее время нерѣдко выступало въ его существѣ; чело его было ясно, улыбка свѣтла; онъ снова былъ такимъ, какъ въ самые счастливые дни свои на берегахъ Генисарета, только серьезнѣй, съ оттѣнкомъ грусти даже въ радости, какъ тотъ, кто живетъ уже не самымъ счастьемъ, а лишь памятью о немъ. И въ рѣчахъ своихъ возвращался онъ постоянно къ Генисарету, вызывая одно воспоминаніе за другимъ и всякій разъ взглядывалъ онъ на того изъ учениковъ, чьего воспоминаніе всего ближе дасялось; и тогда все лучшее, что только было въ ихъ мысляхъ и ихъ волѣ, точно искало ихъ и улыбалось имъ въ этомъ взглядѣ; въ немъ они какъ будто находили самихъ себя. На Иуду Исусъ тоже взглянулъ одинъ разъ; но тогда его взоръ выражалъ лишь скорбь и горестное сознаніе безсилія.

Онъ указаль ему мѣсто по лѣвую сторону отъ себя; Іуда сидѣль тамъ, блѣдный, потушивъ глаза, и складки глубоко уходили въ его лобъ.

По правую сторону Іисуса сидѣль Іоаннъ. Онъ точно созрѣль въ этотъ вечеръ, сдѣлался мужемъ, и на лицѣ своемъ, со свойственной ему воспріимчивостью, онъ носиль отблескъ выраженія лица Іисусова.

Близко къ Учителю сидѣль и Петръ; видъ у него былъ гнѣвный, почти угрожающій, и только когда на него взглядывалъ Іисусъ, онъ смягчался. Тутъ же сидѣль Іаковъ, пытавшійся улыбаться, чтобъ скрыть слезы, готовая выступить у него на глазахъ, и Андрей, съ расширеннымъ, недвижно устремленнымъ въ пространство взоромъ, словно онъ провидѣль будущее и свою собственную участь, и Ѳома, недоумѣвающій, говорить ли истину то чувство, которое ему подсказываетъ, что его сомнѣніямъ наступилъ теперь конецъ. И всѣ остальные, съ различными мыслями и различными выраженіями лица, но объединенные одной и той же великой скорбью.

Трапеза была кончена, но Іисусъ не подавалъ еще знака, чтобы встать изъ-за стола. Онъ погружился въ размышленія, и бесѣда прервалась. Но, наконецъ, Іоаннъ спросилъ: «Господи, гдѣ проведешь ты эту ночь?»

Іисусъ посмотрѣль на него съ печальной улыбкой.

«Гдѣ?»—повторилъ онъ. Еще нѣсколько минутъ онъ безмолвствовалъ и потомъ продолжалъ громко и внятно, такъ что всѣ это слышали:

«Мы пойдемъ въ Геесиманію и тамъ останемся на ночь».

Имъ показалось, что онъ сказалъ это съ какимъ-то особымъ, но непонятнымъ умысломъ.

Геесиманіей называлось селеніе на Елеонской горѣ, гдѣ они часто собирались.

Снова воцарилось молчаніе; на всѣхъ нашло какое-то тяжкое, гнетущее настроеніе, и они смотрѣли на Учителя, удивляясь странному выраженію его лица. Онъ всѣхъ ихъ обвелъ пытливимъ взоромъ, не взглянулъ только на Иуду, затѣмъ сказалъ почти шопотомъ, но такъ, что ни отъ кого не ускользнули его слова:

«Истинно говорю вамъ, что одинъ изъ васъ предастъ меня».

Ропотъ пробѣжалъ среди нихъ, и съ тоскливымъ недоумѣніемъ стали они переглядываться. Вдругъ послышался трепещущій голосъ: «Господи, не я ли?»

Это былъ Ѳома; онъ привсталъ и смотрѣлъ на Иисуса съ горестнымъ упрекомъ въ своемъ умоляющемъ взорѣ. Глаза всѣхъ устремились на него, но на его вопросъ Иисусъ отвѣтилъ едва замѣтной улыбкой.

Петръ тоже поднялся; руки его невольно сжались въ кулакъ, и пытливый, угрожающій взглядъ переходилъ съ одного ученика на другого. Подъ конецъ онъ остановился на Иудѣ, который все время сидѣлъ все такъ же неподвижно, съ блѣднымъ лицомъ и потупленнымъ взоромъ. Глаза Симона-Петра сверкнули, и онъ настойчиво удержалъ на немъ свой взглядъ. Иуда его почувствовалъ, и поднялъ голову противъ воли; Петръ презрительно усмѣхнулся и снова сѣлъ на свое мѣсто. Но, воспользовавшись общимъ смятеніемъ, онъ перегнулся къ Іоанну и что-то шепнулъ ему на ухо. Тотъ кивнулъ головой, обратился къ Иисусу и тихо спросилъ: «Господи, кто предастъ тебя?»

Однако, Иисусъ оставилъ его слова безъ отвѣта. Затѣмъ смятеніе постепенно улеглось, и ученики стали съ жаромъ перешептываться между собою.

Тогда Иисусъ взялъ хлѣбъ, обмакнулъ его и въ первый разъ въ этотъ вечеръ обратился къ Иудѣ. Онъ подаль ему хлѣбъ и взглянулъ на него.

«Что дѣлаешь, дѣлай скорѣе!»—тихо произнесъ онъ.

Иуда принялъ хлѣбъ, растерянно посмотрѣлъ на него, отложилъ его въ сторону пугливымъ жестомъ, всталъ и поспѣшно вышелъ изъ комнаты.

Очутившись на улицѣ, онъ остановился и прислонился къ стѣнѣ, чтобы не упасть. Вся мука, которую до сихъ поръ ему удавалось подавлять и замыкать въ своей груди, захватила его теперь съ неудержимой силой; все его тѣло судорожно трепетало. Но отчаяннымъ напряженіемъ воли онъ сумѣлъ снова овладѣть собою, выпрямился, и его разстроенное лицо снова застыло въ упорной рѣшимости.

«Да»,—шепталъ онъ про себя:—«надо покончить съ этимъ,—я хочу быть свободенъ!»

«Да, если бъ я даже и захотѣлъ, теперь ужъ отступать невозможно; теперь вѣдь дѣло уже сдѣлано».

Эта мысль какъ бы дала ему толчокъ, и онъ сталъ поспѣшно удаляться.

На условленномъ мѣстѣ, за городскими воротами, онъ увидалъ въ темнотѣ человѣческую фигуру, шагавшую взадъ и впередъ. При видѣ ея онъ почувствовалъ непріязнь къ ней и остановился. Но его уже увидали, и фигура стала быстро приближаться къ нему.

«Ты долго заставилъ меня ждать»,—произнесъ сухой, насмѣшливый голосъ:—«но у меня хорошій запасъ терпѣнія, и я отлично знаю, что ты придешь».

И тотчасъ Иуда узналъ лицо съ острыми чертаніями, съ хищнымъ взглядомъ и язвительной улыбкой. Но онъ не боялся больше стараго фарисея.

«Ты нарушилъ свое слово!»—сказалъ онъ выводящимъ тономъ.—«Гдѣ тотъ, молодой? Съ тобой я не хочу имѣть дѣла».

Фарисей презрительно пожалъ плечами:

«Онъ глупецъ, не захотѣлъ итти,—видишь
ти, онъ еще такъ юнъ,—потомъ это обойдется.
Да мы же съ тобой и лучше подходимъ другъ
къ другу. А теперь намъ надо отправляться.
Идемъ скорѣй!»

Но Иуда не трогался съ мѣста. Фарисей поло-
жилъ ему руку на плечо, но онъ сердито стрях-
нулъ ее. Тогда тотъ зорко на него посмотрѣлъ
и сказалъ:

«Послушай, я дамъ тебѣ совѣтъ: если ты хо-
чешь чего-нибудь, то для тебя не должно суще-
ствовать ничего, кромѣ того, чего ты хочешь.
Боюсь, что я ошибся въ тебѣ, что ты просто
самый заурядный...»

Иуда запальчиво прервалъ его рѣчь:

«Я сдѣлаю это, но ты знаешь, изъ-за чего
я готовъ это сдѣлать. Это не ради васъ,—я васъ
всѣхъ ненавижу и презираю,—слышишь ты,
я ненавижу васъ всѣхъ!»

Тотъ поднялъ плечи.

«У всякаго свои причины!»—сухо промолвилъ
онъ.—«Не будемъ терять время въ болтовнѣ!»

Онъ пошелъ по направленію къ городу. Иуда
слѣдовалъ за нимъ на нѣкоторомъ разстояніи.
Его мучилъ одинъ вопросъ; онъ долженъ былъ
получить отъ него отвѣтъ. Онъ ускорилъ шаги
и поровнялся съ фарисеемъ.

«Скажи мнѣ,»—обратился онъ къ нему:—«ты
дѣлаешь это не по той причинѣ, какъ другіе.
Изъ-за чего ты это дѣлаешь?»

Тотъ взглянулъ на него и холодно отвѣтилъ:

«У меня та же причина, что и у тебя!»

Иуда вздрогнулъ и отошелъ отъ него.

«Изъ-за чего ты это дѣлаешь?»—повторилъ
онъ глухо и настойчиво.

Тогда тотъ остановился и захохоталъ.

«Глупецъ! Изъ своихъ собственныхъ видовъ
конечно!»

И онъ пошелъ дальше.

Иуда посмотрѣлъ ему вслѣдъ и провелъ рукой по лбу. Что это, воображеніе? Когда раздался этотъ хохоть, то лицо фарисея показалось ему какъ-то странно похожимъ на лицо Аввы, слабоумнаго нищаго. Онъ снова послѣдовалъ за чимъ, но его то и дѣло кидало въ др

* * *

Въ это самое время Иисусъ съ своими учениками вышелъ изъ Іерусалима. Они направились къ Елеонской горѣ; но, достигнувъ Геесиманіи, Иисусъ оставилъ тамъ всѣхъ прочихъ апостоловъ и взялъ съ собой только Петра и двухъ братьевъ, Іакова и Іоанна. Съ ними онъ вошелъ въ масличный садъ, гдѣ часто имѣлъ обыкновеніе отдыхать.

Тогда Петръ сказалъ:

«Господи, мы развѣ здѣсь останемся на ночь?»

Но Иисусъ продолжалъ итти, какъ будто не слыхалъ его вопроса.

Спустя нѣкоторое время, Петръ сказалъ опять:

«Господи, куда идешь ты? Мы устали, — не лучше ли намъ остаться здѣсь и уснуть?»

Тогда Иисусъ остановился, разсѣянно взглянулъ на него и наклонилъ голову.

Ученики легли. Іаковъ тотчасъ же погрузился въ сонъ; вскорѣ заснулъ и Іоаннъ. Но Петръ долго сидѣлъ и бодрствовалъ; его лицо все еще хранило выраженіе презрѣнія и гнѣва, съ какимъ онъ во время вечера смотрѣлъ на Іуду. Наконецъ, онъ взглянулъ на Иисуса, все еще стоявшаго возлѣ него, и спросилъ:

«Господи, развѣ мы должны провести ночь безъ сна?»

Тогда Иисусъ обернулся къ нему и сталъ всматриваться въ него серьезнымъ и испытующимъ взоромъ.

«Бодрствуйте и молитесь, да не впадетъ искушеніе!» — произнесъ онъ.

Иуда.

Петръ вздрогнулъ и вопросительно взглянулъ на него; въ этихъ словахъ ему почудилось что-то въ родѣ укоризны. Но Иисусъ уже отвернулся отъ него. Тогда Симонъ-Петръ легъ; долго лежалъ онъ, задумчиво уставившия глазами въ пространство; не разъ онъ энергично встряхивалъ головой, и на губахъ его снова мелькало презрѣніе. Но, наконецъ, сонъ одолѣлъ и его.

Иисусъ тревожно ходилъ взадъ и впередъ, порой онъ останавливался и прислушивался. Но кругомъ, во тьмѣ ночи, царили тишина и безмолвіе. Наконецъ, онъ подошелъ къ ученикамъ; видя, что они спятъ, онъ нагнулся было къ Петру какъ бы для того, чтобъ его разбудить, но затѣмъ снова выпрямился, такъ и не дотронувшись до него. Онъ отошелъ и легъ на землю, поодаль отъ нихъ. Онъ былъ изнеможенъ,—изнеможенъ смертельно.

Раздался шорохъ въ воздухѣ, и Иисусъ уже былъ не одинъ. Возлѣ него стоялъ темный призракъ, распростирая надъ нимъ свои крылья. Одну руку онъ тяжело опустилъ на его плечо, другой указывалъ вдаль, въ глубину мрака. Онъ смѣялся, но печаль, какъ неподвижная маска, лежала на его лицѣ.

Иисусъ взглянулъ по направленію его перста. Тамъ точно что-то шевелилось,—какой-то сгущенный мракъ во мракѣ, но онъ пронесся мимо и исчезъ. И внезапно онъ увидѣлъ передъ собой образъ Іуды, точно залитый неумолимо-рѣзкимъ свѣтомъ,—онъ увидѣлъ его лицо и глаза, устремленные на него съ нѣмымъ, обвиняющимъ вопросомъ. Душа его преисполнилась горькой, безутѣшной скорби,—надъ головой своей онъ услышалъ мертвенный, беззвучный хохотъ призрака.

Онъ встрепенулся; не звукъ ли шаговъ коснулся его слуха? Да, онъ, дѣйствительно, слышалъ ихъ,—тяжелые, грубые шаги. которые

Теперь къ нему приближались! Онъ хотѣлъ встать, но не могъ; его члены были точно налиты свинцомъ. Тогда онъ остался лежать, прислушиваясь къ этимъ шагамъ, все болѣе и болѣе приближавшимся, — приближавшимся немолимо, словно это его судьба шла къ нему навстрѣчу въ безмолвіи ночи. Вотъ они уже совсѣмъ возлѣ него; вотъ они остановились, но въ отдаленіи слышался лязгъ оружія и гулъ человѣческой толпы.

Тогда Иисусъ съ усиленіемъ поднялъ голову и взглянулъ вверхъ. Передъ собой онъ увидѣлъ лицо Іуды и глаза его, устремленные на него съ нѣмымъ, скованнымъ вопросомъ; это уже былъ не сонъ, но та же скорбь, что и во снѣ, наполняла его и теперь. Развѣ не отвѣтъ на этотъ вопросъ носилъ онъ въ себѣ, не ради него онъ развѣ жилъ и шелъ теперь на смерть? Неужели его подвигъ былъ лишь пустой, обманчивой грезой, неужели его жизнь была напрасно прожита? Ибо въ эту минуту ему казалось, что всѣ послѣдователи, которыхъ онъ приобрѣлъ, не могутъ ему возмѣстить этого одного, если онъ его потеряетъ.

Онъ взглянулъ на Іуду и въ этомъ взглядѣ сосредоточилъ всю свою силу, всю свою волю, — все дѣло своей жизни сосредоточилъ онъ въ послѣднемъ, трепетномъ призывѣ.

Іуда встрѣтился съ нимъ взоромъ. Изъ груди его вырвался тогда глубокой вздохъ, онъ опустился на колѣни возлѣ Иисуса и поцѣловалъ его.

Глаза Иисуса блеснули; онъ приподнялся, взявъ въ обѣ руки голову Іуды, повернулъ къ себѣ его лицо и началъ вопросительно въ него всматриваться.

«Іуда», — сказалъ онъ: — «цѣлованіемъ ли предаешь Сына Человѣческаго?»

Въ тотъ же мигъ его схватили и подняли съ

земли грубыя руки. Безъ сопротивленія даль онъ имъ себя увести. Но тѣ, которые взяли его удивлялись счастливому, поразительно счастливому выраженію его лица.

Шумъ замеръ вдали; вскорѣ снова водворилась тишина вокругъ Іуды. Онъ все еще лежалъ на колѣняхъ, лежалъ неподвижно, точно оглушенный.

Онъ ничего не сознавалъ, кромѣ одного этого, — что онъ поцѣловалъ Іисуса и, слѣдовательно, любить его. Умиротворяющая радость легла дѣлительнымъ покровомъ на его усталую, истерзанную душу.

Вдругъ онъ вздрогнулъ, — кто-то тронулъ его за плечо. Онъ поднялъ голову и увидалъ острое лицо съ рѣзкими очертаніями и насмѣшливой улыбкой; тогда передъ нимъ безпощадно выступила дѣйствительность, ужасная, непостижимая дѣйствительность, и онъ понялъ, что все было кончено, что онъ предалъ того, кого любилъ.

Онъ машинально поднялся съ колѣнъ.

«Что тебѣ?» — сказалъ онъ угасшимъ голосомъ.

«Я вѣдь чуть было не забылъ,» — отвѣтилъ тотъ. — «Вотъ плата! Бери же!»

Онъ вложилъ въ руку Іуды мѣшокъ съ деньгами.

Іуда въ смятеніи сперва взглянулъ на него, потомъ на мѣшокъ. Вдругъ онъ понялъ, вскрикнулъ словно отъ боли, швырнулъ деньги какъ можно дальше отъ себя, бросился ничкомъ на землю и громко зарыдалъ.

Фарисей стоялъ и смотрѣлъ на него. Лобъ его болѣзненно нахмурился, и взоръ омрачился.

«Ну, ну, обойдется!» — пробормоталъ онъ, медленно отходя отъ Іуды

VI.

Шелъ часъ за часомъ, но Иуда не шевелился. Отчаяніе первой минуты смѣнилось у него изнеможеніемъ, среди котораго онъ ничего не помнилъ, ничего не думалъ и не чувствовалъ. Но гѣмъ не менѣе, онъ какъ-то странно сознавалъ, что внутри его происходитъ тихая, таинственная работа, что тамъ точно что-то растетъ, распространяя вокругъ отрадное тепло.

Вдругъ онъ спохватился, что давно уже кругомъ было свѣтло, и съ усиліемъ открылъ глаза. Сначала взору его предстало лишь какое-то зеленое мерцаніе, но постепенно оно стало проясняться, дѣлаться отчетливѣй, и тогда, подъ самой своей головой, онъ увидалъ маленькій бугорокъ, на которомъ взошла трава, былинка къ былинкѣ, въ безчисленномъ множествѣ стебельковъ. И на каждой былинкѣ въ ея свѣтло-зеленой одеждѣ переливались солнце и тѣни; цвѣтокъ раскрывалъ свой вѣнчикъ, и лепестки его были такъ изумительно сини,—гдѣ видѣлъ онъ раньше такой синій цвѣтъ?.. Да, теперь онъ вспомнилъ,—на водахъ Генисарета!.. А вотъ маленькій блестящій жучокъ осторожно вползалъ на былинку, ощупывая длинными усиками дорогу. Улыбка появилась на губахъ Иуды,—никогда еще не видалъ онъ ничего подобнаго! Онъ не могъ отвести взоровъ отъ маленькаго, освѣщеннаго солнцемъ бугорка.

Долго лежалъ онъ такъ и все только смотрѣлъ и смотрѣлъ. Но чѣмъ дольше онъ смотрѣлъ, тѣмъ настойчивѣе овладѣвало имъ чувство, говорившее ему, что позади или за предѣлами этого есть нѣчто, чего онъ не можетъ видѣть но что, между тѣмъ, есть самое существенное,

есть то, что онъ долженъ найти. Въ немъ произошло какое-то безпокойство, что-то ищущее, тревожное, замутнившее собою счастье, которое онъ на мгновение испыталъ,—онъ повернулся, солнце ослѣпило ему глаза, онъ возвратился къ дѣйствительности и сразу поднялся съ земли.

День давно насталъ; солнце высоко стояло на небѣ и сильно припекало.

Иуда посмотрѣлъ вокругъ, и снова въ него вселилось чувство, будто во всемъ, что только встрѣчаетъ его взоръ, есть нѣчто, чего онъ не можетъ видѣть, но что онъ все-таки долженъ найти. Это чувство захватило его съ такой силой, что на нѣсколько мгновений вытѣснило изъ его души воспоминаніе,—воспоминаніе о томъ, что совершилось, и почему онъ здѣсь лежалъ.

Но оно вернулось къ нему,—сначала случайное, туманное, потомъ во всей своей терзающей остротѣ. Его объялъ такой страхъ, точно онъ парилъ надъ пропастью, въ которую ежеминутно могъ безпомощно упасть. Вдругъ что-то мелькнуло передъ нимъ, словно лучъ спасенія; онъ взялся за голову,—не во снѣ ли онъ это видѣлъ?.. Нѣтъ, это былъ не сонъ; теперь онъ вспомнилъ, что поцѣловалъ Иисуса! Но еще, что же было еще? Да, онъ вспомнилъ теперь, — взглядъ,—взглядъ Учителя! Страшное бремя скатилось съ его души; онъ почувствовалъ, что прошлое теперь искуплено,—искуплено этимъ лобзаніемъ и этимъ взглядомъ, и что теперь нѣчто другое предстоитъ ему, къ другому долженъ онъ стремиться: найти то, чего онъ всюду искалъ.

Онъ вышелъ изъ масличнаго сада и сталъ взбираться на Елеонскую гору. Но онъ шель наудачу, безъ всякой цѣли; ему все время казалось, будто онъ, въ сущности, намѣревался идти въ противоположную сторону. Взойдя на вершину горы, онъ остановился и сталъ озираться вокругъ себя. Солнце все такъ же

припекало, и кровли и зубцы Иерусалима блестяли, какъ золото, въ его лучахъ. Но на дальнемъ краѣ горизонта наслоилась черная стѣна тучъ, медленно поднимавшихся на небѣ. Іудѣ представилось, будто снизу, изъ города, до него доносится угрожающій гулъ, и этотъ гулъ въ его сознаніи дмѣль какое-то загадочное отношеніе къ тучамъ, которыя росли на небосклонѣ. Онъ содрогнулся и пошелъ дальше.

Онъ шелъ и шелъ, бросая вокругъ ищущіе, полные ожиданія взоры. Гдѣ онъ найдетъ это, гдѣ? Во всемъ, что онъ видѣлъ, онъ это угадывалъ, но всюду оно бѣжало отъ него. Онъ испытующимъ взглядомъ разсматривалъ людей, которыхъ встрѣчалъ онъ, но ему казалось, что они отъ него такъ далеко. Они не могли услышать его зова, а если бѣ даже и услышали его, то не могли прійти къ нему на помощь. Онъ стоялъ одиноко,—одинъ долженъ былъ онъ это найти!

Онъ прошелъ мимо маленькаго домика, обвитаго густой зеленью. Такимъ привѣтливимъ, такимъ гостепріимнымъ казался онъ въ ласковомъ сіяніи солнца, точно былъ обителемъ душевной тишины и счастья.

На скамьѣ передъ домомъ неподвижно сидѣла женщина, опустивъ руки на колѣна и устремивъ взоръ въ пространство. Іуда остановился и взглянулъ на нее,—какъ странно! Вѣдь она была мертвая,—эта женщина была мертвая! Дрожь стала трясти его, и онъ провелъ рукой по своему лбу. Но вѣдь онъ зналъ и ее, и этотъ домъ,—да, да, это Марія, Марія, которую любилъ Учитель! И вотъ она умерла,—что же это значитъ? Точно что-то ужасное промелькнуло передъ нимъ вдали, и онъ снова попытался приковать свое вниманіе къ Маріи. Вотъ ея рука зашевелилась,—она, стало быть, жива,—нѣтъ, вѣдь онъ же по лицу ея видитъ, что она умерла! Да, она умерла, но умерла счастливой смертью!

Быть можетъ, она нашла то, чего онъ искалъ, и послѣ этого умерла. Да, она счастлива, онъ не станеть тревожить ее. Мертвыхъ не слѣдуетъ тревожить, а также и счастливыхъ!

Онъ пошелъ дальше; все возраставшее въ немъ безпокойство побуждало его все неустаннѣе идти впередъ. Гдѣ же найдетъ онъ это, гдѣ?

Онъ увидалъ вдаль челоуѣка, шедшаго по дорогѣ навстрѣчу ему. Онъ остановился,—его онъ тоже зналъ! Съ удивленіемъ смотрѣлъ онъ на идущаго: этотъ станъ, согбенный, словно подъ тяжестью вины, это лицо, искаженное слезами, этотъ взоръ, пугливо потупленный въ землю,—да, да, это Симонъ-Петръ!

Иуда не трогался съ мѣста и трепетно ждалъ. Тогда онъ увидѣлъ, какъ Симонъ поднялъ глаза, всмотрѣлся въ него и въ свою очередь остановился, при чемъ презрѣніе и отвращеніе отразились на его лицѣ.

Горькая боль наполнила сердце Иуды. И пока онъ стоялъ, смотря на Симона-Петра и читая свой приговоръ въ его взглядѣ, съ ужасающей увѣренностью стала тѣсниться ему въ голову мысль, что всѣ будутъ такъ ненавидѣть и проклинать его, всѣ, кто только услышитъ его имя. Никто, никто рѣшительно его не пойметъ, никто не догадается о томъ, что онъ выстрадалъ, никто не спроситъ его, всѣ будутъ только проклинать, проклинаты! Маленькія, невинныя дѣти, которыхъ любилъ Учитель, будутъ содрогаться при звукѣ его имени и прижимать личико къ груди матерей! Онъ почувствовалъ себя придавленнымъ къ землѣ, нестерпимая тоска охватила его. Вдругъ онъ увидѣлъ, что Симонъ снова приближается къ нему, и его поразило измѣнившееся выраженіе его лица.

Не угрозы и не презрѣніе, а раскаяніе и смиреніе были теперь написаны на немъ. Онъ остановился возлѣ Иуды и сказалъ:

«Дай мнѣ свою руку!»

Иуда удивленно взглянулъ на него.

Тогда Симонъ порывисто схватилъ его руку. «Я хочу»,—сказалъ онъ:—«чтобъ ты взялъ мою руку, потому что вѣдь и я...»

Онъ не могъ продолжать, рыданіе пресѣкло его голосъ. Онъ поспѣшно отвернулся и, шагаясь, пошелъ прочь.

Иуда печально посмотрѣлъ ему вслѣдъ. Снова спокойствіе окутало его душу. «Онъ все-таки презираетъ меня»,—подумалъ онъ:—«но что же изъ этого?.. Онъ вѣдь меня простилъ,—и я найду го, чего ищу,—что же тогда значить для меня все другое!»

Онъ снова пошелъ, но уже въ противоположномъ направленіи, въ сторону Іерусалима. Чѣмъ болѣе онъ приближался къ городу, тѣмъ явственнѣе слышалъ онъ опять угрожающій гулъ. Сначала онъ думалъ, что это плодъ его фантазіи, но, войдя въ городскія ворота онъ увидѣлъ народъ въ необыкновенномъ возбужденіи, въ томъ зловѣщемъ опьяненіи, которое охватываетъ массы, когда власть имущіе, эти ненавистные имъ сильныя міра, устраиваютъ для нихъ праздникъ,—зрѣлище поношенія и смерти жертвы за ихъ грѣхи или борца за ихъ дѣло. Иуда узналъ ее, эту ужасную, грозную радость; ему припомнился одинъ день его юности, когда онъ былъ въ Іерусалимѣ и присутствовалъ при казни преступника, а зловѣщее предчувствіе закралось въ его душу. Но, влекомый силой, болѣе могучей, чѣмъ страхъ, онъ безвольно послѣдовалъ за стремящейся впередъ толпой

Теперь былъ полдень; темная туча поднялась за небѣ и заслонила собою солнце. Мрачная тѣнь пала на всю окрестность.

Иуда узнавалъ дорогу по мѣрѣ того, какъ пелъ,—это былъ путь къ Голгоѣ, лобному мѣсту въ Іерусалимѣ. Но потокъ народа увлекалъ

его, точно несъ его на себѣ, и онъ шель и шель, какъ лунатикъ, ничего не видя и не слыша вокругъ себя, и все время лихорадочная дрожь не переставала его трясти.

Вдругъ онъ остановился, недвижимый, точно парализованный, и уставился впередъ цѣпенѣющимъ взглядомъ.

Передъ нимъ высилась голая выпуклость Голгофы, и на ея вершинѣ три креста вырисовывались на темномъ фонѣ неба. На этихъ крестахъ висѣли три человѣческихъ тѣла съ распятыми, израненными членами, три тѣла, корчившихся отъ муки, точно въ насмѣшку вознесенныхъ къ небесамъ, и въ одномъ изъ нихъ, висѣвшемъ посрединѣ, Иуда узналъ преданнаго имъ Учителя.

Народъ пробѣгалъ мимо него шумными толпами, отпихивалъ его въ сторону, и сшибалъ его съ ногъ, и топталъ; онъ этого не чувствовалъ,—онъ снова поднимался и, тяжело дыша, со взоромъ, неподвижно устремленнымъ на образъ Иисуса, снова начиналъ медленно подвигаться впередъ.

Но когда онъ подошелъ такъ близко, что могъ уже ясно различить лицо Иисуса, онъ остановился опять, и тогда въ немъ совершился переворотъ. Ужасъ, которымъ онъ былъ преисполненъ, исчезъ, и снова проникся онъ увѣренностью въ томъ, что все прощено. Раздирающая душу мысль о своей винѣ, своемъ бесплодномъ раскаяннн уступила въ немъ мѣсто глубокому, все существо его пронизавшему сочувствію къ страданію, человѣческому страданію, которое было у него предъ глазами; онъ почувствовалъ, что долженъ стоять здѣсь и страдать вмѣстѣ съ Учителемъ, пока не наступитъ для него мигъ освобожденія,—почувствовалъ, что это его право, дорогою цѣной купленное, сладостное и въ то же время ужасное право. Онъ не отрывалъ взо-

ловъ отъ блѣднаго, дивно просвѣтленнаго страданіемъ лица, и при каждомъ содроганіи истязуемаго тѣла онъ и самъ страдалъ всѣми муками распятаго на крестѣ.

Но одновременно ему смутно представлялось, что между этимъ зрѣлищемъ смерти и маленькимъ, освѣщеннымъ солнцемъ міркомъ, который въ это утро открылся его взорамъ, существуетъ какая-то таинственная связь, что-то общее, и что это и есть именно то, чего онъ искалъ.

Часы проходили за часами,—часы, столь же долгіе, какъ вѣчности мученій. Народная толпа насытилась зрѣлищемъ, и вокругъ Іуды стало пусто... Онъ этого не замѣчалъ; вся жизнь его перелилась въ это боровшееся со смертью тѣло, распятое на крестѣ.

Смерть, освободительница,—неужели же она такъ и не одержитъ побѣды, неужели же никогда не наступитъ конецъ! Онъ почувствовалъ, что силы ему измѣняются, и снова началъ имъ овладѣвать прежній, чисто-физическій ужасъ.

Тогда онъ увидѣлъ, какъ померкшій взоръ Іисуса устремился къ небу, мрачно нависшему надъ землей, увидѣлъ, какъ губы его зашевелились, какъ вздохъ съ трудомъ вылетѣлъ изъ его усть, и голова тяжело склонилась на грудь. Тогда онъ понялъ, что все кончено, и самъ безъ чувствъ упалъ на землю.

Мимо него прошелъ стражникъ и грубо ткнулъ его копьемъ. Къ нему вернулось сознание, и онъ поднялся. Да, все кончено! Теперь онъ можетъ уйти! Онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, но снова остановился и сталъ смотрѣть на лобное мѣсто. Онъ увидалъ крестъ съ мертвымъ, готовымъ свѣситься тѣломъ, увидалъ два другихъ креста съ ихъ еще живою ношей, увидалъ надъ ними угрожающе-мрачное небо, — затѣмъ взглядъ его скользнулъ внизъ, по стражникамъ, которые

стояли, шопотомъ переговариваясь между собою, и, наконецъ, остановился на группѣ женщинъ у подножія креста. Онѣ лежали на колѣняхъ и плакали; только одна изъ нихъ стояла прямо и смотрѣла на крестъ сухимъ, горящимъ взоромъ, съ странной, горькой радостью на лицѣ. Иуда узналъ Марію Магдалину и пошелъ прочь колеблющимися шагами.

И эта картина осталась запечатлѣнной, словно выжженной огнемъ въ его душѣ. Онъ зналъ, что постоянно будетъ ее видѣть передъ собою,—каждую ночь, каждую ночь!.. Нѣтъ, это невозможно, онъ не въ силахъ жить съ этимъ воспоминаніемъ, онъ долженъ умереть, да, умереть!

Но сначала,—да, сначала онъ долженъ найти то, чего искалъ. Раньше этого ему нельзя умереть! Но гдѣ найдетъ онъ это, гдѣ! Марія!—пронеслось у него въ головѣ. Да, она это нашла, къ ней пойдетъ онъ, она ему скажетъ! Но вѣдь ея уже нѣтъ! Она умерла, нашла и послѣ того умерла! Быть можетъ, этого и нельзя сказать,—одинъ, одинъ долженъ онъ это найти!

Но гдѣ же,—гдѣ?

Тогда онъ вспомнилъ про малезкій, освѣщенный солнцемъ бугорокъ, который видѣлъ утромъ, и вновь въ немъ пробудилась надежда, подобная проблеску того же солнца. «Да,»—подумалъ онъ.—«я пойду туда, быть можетъ, тамъ я найду!»

.....
 Онъ былъ опять у себя, лежалъ на той же кровати, на которой умерла его мать. Какъ и тогда, на деревѣ за окномъ пѣла пташка, и лучи солнца врывались въ окно и свѣтились на постели. Но подъ головой онъ ощущалъ что-то теплое и мягкое, тихимъ пламенемъ согрѣвавшее ему щеку. Онъ приподнялся и увидѣлъ, что изголовьемъ ему служитъ маленький зеленый бугорокъ; травка всходила на немъ свѣтлыми стебельками, и солнце переливалось на былзникахъ. Со вздохомъ счастья Іуда снова опустил на него голову.

Но солнечный свѣтъ сталъ медленно подниматься по стѣнѣ, поблѣднѣлъ, исчезъ, и кругомъ стало темно. Далекіе, угрожающіе голоса зазвучали въ ушахъ Іуды. И вдругъ онъ услышалъ, что наружная дверь отворилась; раздались тяжелые, шлепающіе шаги, какъ будто паденіе грузнаго тѣла, и послѣ этого все стихло.

«Это онъ!»—подумалъ Іуда и схватился рукой за что-то твердое. Онъ всталъ, отворилъ дверь и вышелъ въ крайнюю горницу. Ощупью пробрался онъ въ уголокъ, гдѣ стояла кровать. Онъ увидалъ на ней большую, безобразную голову Аввы; глаза нищаго смотрѣли на него своимъ тупымъ, ничего не говорящимъ взглядомъ, но вокругъ рта змѣилась чужая, насмѣшливая улыбка. Въ порывѣ отвращенія Іуда замахнулся и ударилъ его. Тогда язвительная улыбка смѣнилась кроткой и серьезной,—не нищій здѣсь лежалъ, а Іисусъ; но онъ не былъ мертвъ; его глаза сіяли жизнью, и щеки были покрыты румянцемъ. Онъ всталъ со своего ложа и сказалъ:

«Что тебѣ, Іуда?»

Иуда отвѣтилъ:

«Господи, помоги мнѣ найти то, чего я ищу!»

Иисусъ взглянулъ на него.

«Зачѣмъ ищешь ты такъ далеко?» — сказалъ онъ. — «Ты уже нашелъ, но твои глаза поражены слѣпотой. Пойдемъ со мною вмѣстѣ!»

Иуда схватилъ протянутую руку Иисуса и послѣдовалъ за нимъ. Долго шли они, все поднимаясь ввѣрхъ. Вдругъ Иисусъ остановился, обратилъ лицо свое къ Иудѣ и сказалъ: «Эту ночь голова твоя покоилась на томъ, чего ты ищешь! Зачѣмъ ищешь ты такъ далеко?»

Онъ снова отвернулся и они пошли далѣе, все поднимаясь ввѣрхъ, все поднимаясь ввѣрхъ. Вокругъ нихъ была тьма. Иуда видѣлъ передъ собой только свѣтлый образъ Учителя. Наконецъ Иисусъ опять остановился, простеръ руку и сказалъ:

«Этого ли ты ищешь?»

Подъ ними разстилалась пустыня, унылая и обнаженная, со странными, фантастическими очертаніями, точно кипучая жизнь, застывшая внезапно подъ вѣяніемъ смерти; мрачная и печальная, лежала она внизу, погруженная въ свой мертвенный сонъ и взирала на небо, вздымавшееся надъ ней въ своей безмолвной безконечности. Но въ пространствѣ носилась та же непостижимая, загадочная сила, что звала Иуду властными, непонятными для него голосами.

«Нѣтъ, Господи», — отвѣтилъ онъ: — «этого я боюсь».

«Боишься, потому что не видишь!» — сказалъ ему Иисусъ. Снова простеръ онъ руку и спросилъ:

«Этого ли ты ищешь?»

Тогда Иуда увидалъ внизу, въ глубинѣ, синюю лучезарную гладь Генисарета и его зеленѣющіе, залитые солнцемъ берега съ бьющею ключомъ жизнью, съ роскошной окраской самыхъ бога-

тыхъ оттѣнокъ. Онъ увидалъ тамъ женскій образъ, обратившій къ нимъ свое лицо и улыбавшійся имъ. То была Марія Магдалина; скорбь исчезла съ ея лица; онс довѣствовало объ упоительномъ счастии, и мягко пожилисъ вокругъ ея тѣла складки прозрачнаго одѣянiя.

«Нѣтъ, Господи,»—отвѣтилъ онъ:—«этого я тоже боюсь!»

Тогда Иисусъ улыбнулся и сказалъ:

«Это то же самое, что ты видѣлъ! Но твои глаза поражены слѣпотой. Закрой ихъ, и къ тебѣ вернется зрѣнiе!»

Онъ закрылъ глаза. Тогда Иисусъ наклонился надъ нимъ и поцѣловалъ сначала одинъ его глазъ, потомъ другой, и Иуда весь затрепеталъ въ этотъ мигъ отъ неизреченнаго, безконечно счастливаго чувства. Онъ вновь открылъ глаза свои и увидѣлъ.

Иуда очнулся; сонная греза отлетѣла отъ него, но въ груди снѣ все еще ощущалъ то же блаженство.

«Да»,—подумалъ онъ:—«я видѣлъ ликъ Господень!»

Онъ приподнялся. Была ночь, но небо было чистое и звѣздное. Все кругомъ было такъ тихо и безмолвно, деревья надъ его головой не колыхались; онъ приложилъ руку къ землѣ,—она была теплая,—такая это была нѣжная, ласкающая теплота!

И счастье въ его груди не исчезало, а все росло и росло. Это было чувство единства, покоя, полноты, гармонической жизни. И это единство онъ и вокругъ себя находилъ повсюду, во всемъ, что только могъ усмотрѣть его взоръ, и во всемъ, что онъ предугадывалъ мыслью. Борьба его кончилась; не было больше двухъ! разнородныхъ силъ, старавшихся отвоевать его другъ у друга; онѣ были лишь двѣ различныя формы од-

той, всеобъемлющей силы, силы, которая тап-
лась и въ немъ, связывая его съ каждымъ жи-
вымъ твореніемъ, уча его все понимать, всему
сочувствовать и все любить. Именно это искалъ
онъ и теперь нашелъ,—это была любовь, это
была цѣль жизни.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ понялъ теперь, что
ему нельзя умереть, что, посягая на свою жизнь,
онъ посягнетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и на эту любовь.
Онъ понялъ, что долженъ жить, чтобъ поддер-
живать искру, зажженую Учителемъ въ его душѣ.

Иуда всталъ.

Тогда съ ужасающей ясностью выступила
передъ нимъ мысль о жизни, которая его ожи-
даетъ. Онъ угадывалъ, что счастье, которое
онъ испытываетъ въ этотъ мигъ, будетъ вновь
заглушено воспоминаніями и раскаяніемъ, про-
клятіями его братьевъ; онъ спрашивалъ себя, имѣ-
етъ ли онъ право подвизаться за то дѣло, кото-
рое онъ предалъ, не осквернитъ ли его совер-
шенное имъ злодѣяніе, не падетъ ли на это свя-
тое дѣло проклятіе, лежащее на немъ самомъ.
Онъ вспомнилъ свою встрѣчу съ Симономъ и
понялъ, что навѣки отлученъ отъ тѣхъ, чьимъ
боратникомъ онъ только что сдѣлался, съ кѣмъ
впервые теперь соединился. Одинокъ долженъ
онъ идти, одинокъ долженъ сражаться!

Внѣ себя отъ отчаянія, онъ сталъ озираться
вкругъ. Остаться здѣсь онъ не могъ, онъ дол-
женъ былъ уйти прочь,—но куда, куда ему
идти!

Тогда въ душѣ его промелькнуло одно воспо-
минаніе. Какая-то странная улыбка прсбѣжала
по его губамъ, и онъ смиренно склонилъ голову.

«Нищій, Авва!»—подумалъ онъ.—«Да, къ нему
и пойду!»

К о н е ц ъ .